Надежда Санжарь

34. 105. 5. 27.

КНИГА О ЧЕЛОВѢКѢ

ПЕРВАЯ

518. 98-XII

МОСКВА—1916.

Надежда Санжарь

КНИГА О ЧЕЛОВѢКѢ

ПЕРВАЯ

МОСКВА—1916.

Типо-Литографія „Т./Д. И. Ефимовъ, Н. Желудкова и К°“.
Большая Якиманка, 32.

КНИГА О ЧЕЛОВѢКѢ.

Больше всего на свѣтѣ меня поражаетъ людская жизнь. Столько въ ней страданій, недоразумѣній, тайной и явной нелѣпости. Чтобы понять или пытаться улучшить наше такое существованіе, прежде всего надо разобраться, отдѣлить, что исходитъ отъ насъ, а что уже не въ нашей власти, что можемъ и должны мы взять на свои плечи и совѣсть, а чего по безсилію нашему и не касаться. Такую работу мы, во главѣ нашихъ ученыхъ, художниковъ и мыслителей, все время дѣлаемъ. Но наше теперешнее время требуетъ отъ насъ какихъ-то иныхъ подходовъ, иныхъ рѣшеній, иного пересмотра всего, чѣмъ мы живемъ.

Тутъ всякое серьезное, честное исканіе можетъ пригодиться.

Пораженная, я также всматривалась въ нашу жизнь, изучала, провѣряла всячески и наблюдала. И у меня накопились знанія и опытъ, которые я хочу отдать всѣмъ, кого интересуетъ или заботитъ жизнь и судьба людей.

Особенность моего матеріала та, что я его собирала не научно, не по всѣмъ правиламъ какой-нибудь спеціальности, а непосредственно, какъ видятъ глаза, какъ чувствуетъ сердце. Такой подходъ, такое изученіе мнѣ тоже казались нужными. Я очень хорошо увидѣла и поняла, до чего мы

Гос. Публичная Б-ка

люди—существа ограниченныя! И потому какъ строго научно, такъ и непосредственно мы видимъ и понимаемъ только въ мѣру нашего ограниченнаго разумѣнія, только въ предѣлахъ, намъ жизнью обозначенныхъ. Это насъ всѣхъ объединяетъ. Тутъ уже мы, какъ большіе, такъ и маленькіе, ученые и неученые, всѣ можемъ одинаково видѣть, догадываться, и одинаково же и ошибаться. Эту правду, пока мы такіе, надо разъ навсегда признать; признать, что природа къ намъ очень щедра, надѣляетъ насъ, не считаясь съ нашими людскими представленіями и законами о цензахъ, паспортахъ и рангахъ.

Я знала одну малограмотную дѣвушку-прислугу, которая съ огромнымъ пыломъ и жаромъ высказывала идеи и мысли, легшія въ основу философій такихъ различныхъ людей, какъ Толстой и Ницше, намекала на то, о чемъ теперь проповѣдуетъ Анри Бергсонъ. А когда ей говорили: это у васъ Толстовское, а это сказалъ Ницше,—то моя простушка съ негодованіемъ до слезъ кричала:—убирайтесь къ чорту, никакого Толстого и Ницше я не знаю!

И она тогда ихъ дѣйствительно не знала. Эти мысли, такъ похожія на мысли Толстого и Ницше, родились въ ея собственной головѣ. Она ихъ выносила въ очень убогой средѣ и обстановкѣ, горѣла надъ ними ночами, не знала, что съ ними дѣлать. Она любила ихъ, имѣла право считать своими. Эта маленькая дѣвушка, съ самымъ простымъ, непривилегированнымъ паспортомъ и

большими, кипучими мыслями въ головѣ, была... я сама.

Вотъ почему я утверждаю, что щедрости природы къ человѣку нѣтъ предѣла. Вотъ почему на фонѣ такой щедрости, для всякаго чуткаго и зрячаго, многія наши понятія и утвержденія кажутся такъ нелѣпы и смѣшны.

Несомнѣнно, люди переросли многія свои традиціонныя, любимыя нелѣпости. Разъяснить, забраковать ихъ надо не откладывая, чтобы идущимъ за нами было легче и свободнѣй, чтобы они лучше смѣялись, а не плакали, не мучились надъ тѣмъ, надъ чѣмъ мучились и плакали мы.

Какъ любопытно оглянуться назадъ, подвести итоги. Все улеглось, все какъ на ладони—гляди и понимай. Какую огромную, ничѣмъ не замѣнимую роль сыграли въ моемъ человѣчьемъ воспитаніи всякія бѣды, лишенія, муки. Ужъ подлинно,—нѣтъ худа безъ добра.

Когда, безъ всякихъ пособій и подспорій, приходится до всего доходить самому, вездѣ пробираться своими собственными путями, конечно, и опытъ тогда будетъ свой, особенный. И я готова утверждать, что это очень цѣнно, это разнообразитъ, расширяетъ наше жизненное творчество. Въ такой самоучености мнѣ видится какъ бы знаменіе нашего времени. Человѣкъ настолько въ насъ созрѣлъ, настолько выросъ, что ломится изъ насъ наперекоръ всѣмъ нашимъ правиламъ, валитъ въ обходъ всего, что на дорогѣ и

мѣшаетъ, шагаетъ также и черезъ то, куда входъ не для каждаго открытъ, и несетъ, несетъ свою живую душу, свое человѣчье на вольный свѣтъ.

Такъ пробилась я, такъ будутъ пробиваться и другіе. И это не контрабанда, не уродливая случайность. Опытъ самоучекъ жизни также необходимъ. Самоучки—это вольные развѣдчики, ищущіе на свой страхъ и рискъ, смѣло идущіе въ обходъ установившагося, бьющіе неустанную тревогу, мѣшающіе людямъ въ ихъ установившемся закостенѣть. Самоучки—это непрошенные и не назначенные ревизоры. Вотъ почему людямъ выслуги, людямъ прошеннымъ, назначеннымъ,— они кажутся такъ непріятны, ненужны. Вотъ почему насъ, самоучекъ, почти всегда встрѣчаютъ съ суровостью истинно прокурорской. Но наши судьи не всегда правы. Они не видятъ, не понимаютъ, что мы идемъ не по своей волѣ, что на такой «обходъ», на такую «ревизію» насъ толкаетъ сама жизнь. Жизни мы нужны, и она насъ по своему бережетъ, защищаетъ, любитъ.

Правда, не всѣ «развѣдки» самоучекъ цѣнны. Въ пылу тревогъ они часто открываютъ давно открытыя истины. Но надо быть все же справедливыми и благодарными. Самоучки несутъ на себѣ также и роль того сказочнаго, правдиваго дурака, который безстрашно оретъ королямъ въ лицо, что они, короли,—голы. Значитъ, и въ такомъ худѣ имѣется свое добро... Въ непосредственности есть своя красота, своя большая си-

ла. Возможно, не за горами время, когда люди это поймутъ, оцѣнятъ, используютъ, какъ надо.

Вредъ и польза, добро и зло, радость и горе такъ вокругъ насъ перемѣшаны, такъ часто одно тянетъ за собой другое, что не знаешь, какъ тутъ быть, какъ понимать и при чемъ здѣсь, вообще, мы. Какъ будто и ни при чемъ.

Несомнѣнно, многое идетъ помимо нашей воли, повинуется совершенно недоступнымъ намъ законамъ. Мы впотьмахъ, мы опутаны, не знаемъ, кто мы. И кажется, что сознаніе нашей силы, мощи, власти, какъ и сознаніе жизни вообще, дается намъ какъ опьяненіе, какъ хмель, какъ восхитительный дурманъ. Тутъ ясно, что мы существа обмороченныя. Хорошо въ такомъ хмелю и прожить жизнь и уйти въ могилу—есть, есть среди насъ такіе счастливцы!

Но недурно и проснуться и понять, что видишь. Такое сознаніе ясновидѣнія намъ тоже дано. Тутъ ужъ не кажется, что ты обмороченъ. Напротивъ, ты разуменъ, великолѣпенъ, всемогущъ, какъ подлинное любимое дитя твоего Великаго Творца—все равно, какъ его назвать (Богомъ, природой, механикой), но изумительнаго, всемогущаго. Тутъ ужъ нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ, какъ и все въ природѣ, порожденіе того высокаго порядка, которое мы опредѣляемъ словомъ «божественное». Тутъ ясно, что мы еще не развернулись во всю мощь и ширь, не доросли до настоящаго пониманія нашей великой сущно-

сти. Какъ трава, усѣяли мы землю. Какъ трава—только-только изъ земли пробились. А каковъ будетъ нашъ подлинный ростъ, какіе плоды дастъ наше цвѣтеніе,—объ этомъ мы можемъ только догадываться. Да и то не вполнѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ учесть всѣ наши особыя, чудодѣйственныя силы и свойства. Бываютъ люди, какъ тараканы, которымъ кромѣ теплаго угла да хлѣбныхъ крошекъ ничего больше не надо. Бываютъ люди, какъ бурьянъ, не знающіе, зачѣмъ они растутъ и для чего. Бываютъ люди-свиньи, самодовольные, тупые, дальше носа ничего не видящіе, кромѣ помой да лужъ—ничего на свѣтѣ не признающіе. Бываютъ люди-черви, умѣющіе только ползать да извиваться. Есть люди-хищники, не знающіе никогда и ни въ чемъ пощады. И люди—тихія, незамѣтныя божьи коровки. Иные съ этимъ и умираютъ, и только такой незамѣтный или страшный слѣдъ и оставляютъ по себѣ. Для другихъ же всѣ эти свойства только до поры, до времени. А пробьетъ ихъ часъ, и мы не узнаемъ этого бурьяна, этихъ червей, свиней и таракановъ: единымъ духомъ, единымъ взмахомъ они умудряются преобразить и себя, и свою жизнь и умираютъ такъ, какъ можетъ умирать только подлинный, самодержавный человѣкъ.

Куда вдругъ дѣнутся наши, казалось, неодолимыя опутанности—историческія, экономическія, наслѣдственныя и т. д. и т. д. Изъ рабовъ мы дѣлаемся властелинами—больше, мы дѣлаемся

волшебниками, когда чего сильно, страстно, самозабвенно захотимъ. Какъ объяснить такія чудеса? Дѣйствительно ли у насъ есть наша воля, или мы, какъ тонкіе, сложные аппараты или грубыя, заводныя машинки, обречены только разряжать вложенные въ насъ заряды? Если помириться съ фактомъ, признать, что никакой нашей воли нѣтъ, что мы съ ногъ до головы на пружинахъ и заводахъ, то и тогда останавливаешься въ великомъ изумленіи и восхищеніи передъ силой, заведшей такіе механизмы и пустившей ихъ въ жизнь такъ разряжаться.

Это волшебно, удивительно, непостижимо!

Я, напримѣръ, получила, какъ мнѣ казалось въ полное мое владѣніе, довольно оригинальный аппаратъ. Много у меня было съ нимъ возни, тревогъ и непріятностей, но, приходится сознаться, промчалъ онъ меня въ жизни очень не плохо, привезъ туда, куда я и мечтать не смѣла. Я очень счастлива, довольна и мнѣ безразлично, произошло ли это по моей единоличной волѣ, или я только выполнила зарядъ. Мой аппаратъ далъ мнѣ возможность жить сильно, горячо, ярко, я знала радости, какъ не боялась и никакого горя. Не разъ я срывалась, но также знаю, какое счастье, наперекоръ всему, вскарабкаться въ самую высь. Я много мучилась и плакала, но никогда, никогда не перестану съ радостью и восхищеніемъ благодарить Волю, довѣрившую мнѣ такой чудесный механизмъ. И мнѣ не страшно уйти, уѣхать, умчаться въ неизвѣстное, называемое у

насъ смертью: наше пребываніе въ жизни кажется мнѣ не менѣе таинственнымъ и неизвѣстнымъ. И почемъ я знаю, какъ могутъ мною распорядиться дальше, какъ могутъ опять зарядить, куда пустятъ опять разряжаться? Довѣріе, громадное, безграничное, радостное довѣріе вызываетъ во мнѣ сила, создавшая все видимое и невидимое и насъ всѣхъ въ томъ числѣ. Если мы есть, значитъ, такъ надо. Существуемъ, значитъ, пріобщены ко всему. А зачѣмъ? Для чего? На это можно сказать одно: поживемъ—увидимъ. Вѣдь для чего-то даны намъ наши глаза, зоркость ума и сердца. Возможно, мы не только вырастемъ во весь нашъ ростъ и этимъ выполнимъ волю, вкусъ насъ Создавшаго, но и найдемъ языкъ, на которомъ не только съ нашимъ Создателемъ заговоримъ, но кой въ чемъ даже и сговоримся. Изъ того, что я вижу, чувствую и въ себѣ самой и въ другихъ, никакія, даже самыя фантастическія предположенія не кажутся мнѣ невозможными. Если мнѣ это пришло сейчасъ въ голову, если отъ предчувствія такой возможности у меня въ восторгѣ замираетъ сердце, кружится отъ радости голова,—то кто знаетъ, можетъ, мнѣ это шепнула, подсказала та сила, что завинтила въ насъ всѣ наши волшебные винтики.

Чудеса необъятныя, невыразимыя и въ насъ и вокругъ насъ. Имѣющій глаза—да увидитъ, имѣющій уши—да услышитъ.

Оглядываясь назадъ, съ удивленіемъ замѣчаю, что по какимъ-то таинственнымъ причинамъ мнѣ не пришлось преодолѣвать въ себѣ ни бурьяна, ни свиньи, ни таракана. Я сразу родилась съ ясно и прочно выраженными чертами и свойствами человѣка. Уже дѣвченкой я мыслю и поступаю очень увѣренно и смѣло, точно я что-то знаю. Уже дѣвченкой я серьезно задумываюсь, какъ надо жить, чтобы совѣсть не мучила, душа не болѣла и не было такъ невыносимо за что-то стыдно. Адъ такихъ мукъ я уже тогда очень хорошо знала. На это я убѣжденно отвѣчала себѣ: надо быть честной, доброй, истинно человѣчной, и все будетъ хорошо. Не могу объяснить, откуда я объ этой истинной человѣчности знала, но поступала я въ ту пору такъ, что, дѣйствительно, выходило разумно, благородно и хорошо. Это тѣмъ болѣе удивительно, что окружающіе меня, и люди и обстановка, ничего высокаго и добраго не могли мнѣ внушить. Вокругъ меня калѣчились, звѣрѣли, а я жила точно разъ навсегда отъ всего дурного застрахованная. И оно, это дурное, ко мнѣ, дѣйствительно, не пристало,—вотъ чудеса!

Уже дѣвченкой я живу на свой страхъ и рискъ, сама себѣ хлѣбъ добываю, сама свою жизнь оправдываю. Я иду тяжкимъ, безправнымъ путемъ непривилегированной,—сюда надо прибавить всѣ прелести безправія еще и женскаго. Со всѣхъ сторонъ меня тѣснятъ громады нашихъ всякихъ учрежденій, условностей, законовъ,—они требуютъ прежде всего повиноваться. Тѣснитъ наша

людская жизнь, гдѣ столько грязи, бездушія и злобы. И, странное дѣло, совсѣмъ еще дѣтскими глазами я ясно вижу, чѣмъ мнѣ все это грозитъ, что изъ меня неминуемо можетъ сдѣлать. И я, такой клопъ, по сравненію съ этими громадами, вдругъ возстаю, на такую передѣлку себя не соглашаюсь, противъ всего, что мнѣ кажется враждебнымъ, нечеловѣчнымъ, некрасивымъ, я смѣло выставляю мой вкусъ, мою волю, мои маленькіе кулачки. И чудо совершается: все разступилось, все мнѣ сдается, и я, буквально, изъ ада кромѣшнаго выношу на свѣтъ мою живую душу, выношу безъ единаго для себя ущерба. Борьба была, правда, отчаянная, не на жизнь, а на смерть, но побѣда осталась за мной—я, я побѣдила!

Пусть тутъ не было никакой моей воли, пусть я только зарядъ и тогда—шапки долой предъ такимъ изумительнымъ механизмомъ! Не предо мной, окрещенной такимъ-то именемъ, носящей такую-то фамилію,—тутъ мнѣ ни хвастать, ни гордиться нечѣмъ: не я себя такой создала, не я себя такъ зарядила. Я предлагаю вмѣстѣ со мной преклониться передъ силой, волей, вкусомъ С о з д а ю щ а г о въ насъ человѣка т а к и м ъ. И неправы тѣ, кто думаетъ, что такое преклоненіе, восхищеніе есть самохвальство, самовлюбленность, нѣчто плохое и мелкое. Е с л и я н и п р и ч е м ъ, то почему же мнѣ не удивляться, не восхищаться такимъ чудеснымъ произведеніемъ! И я глубоко почитаю человѣка въ себѣ и въ каждомъ,

въ комъ онъ есть. Человѣкомъ я въ себѣ восхищаюсь,—буду восхищаться имъ также и у другихъ. Человѣка я въ себѣ страстно, глубоко люблю, радуюсь надъ каждымъ его человѣчнымъ шагомъ, горюю за каждую его ошибку. И такую любовь, такое отношеніе, я знаю теперь навѣрно, не мы въ себѣ выдумываемъ, а родимся съ этимъ. И въ этомъ есть свой смыслъ. Въ противовѣсъ людямъ неудачнымъ, слабымъ, не умѣющимъ человѣка въ себѣ ни, какъ надо, видѣть, ни поставить его на ту высоту, гдѣ онъ долженъ быть,—великая Воля заботится, чтобы были люди иные, умѣющіе выражать и утверждать въ жизни человѣка любовно, разумно, изо всѣхъ силъ.

Вотъ такой, болѣе сильный и преданный природѣ человѣка, болѣе стойкій и гармоничный типъ мнѣ поручено выражать. Еще разъ повторяю, я не добиваюсь похвалъ и награды за то, гдѣ я ни при чемъ. На моей сущности я хочу только вскрыть, только разъяснить нашъ волшебный механизмъ. И если я это сдѣлаю не плохо, то и тогда меня не за что будетъ благодарить: на этотъ разъ я разрядилась еще и такъ. А похвалу и удивленіе, если имъ будетъ мѣсто, прошу направить по точному адресу,—къ ногамъ нашего премудраго Творца, нашей великой Матери. Называйте ихъ, какъ хотите, но знайте,—все отъ нихъ, и мы съ вами также.

Я знаю, много разъ убѣждалась, что наше существованіе не такъ безсмысленно, не такъ слу-

чайно, какъ кажется инымъ мудрецамъ. Мы восхищаемся, безумно цѣнимъ бриллiанты, жемчугъ—и чѣмъ они крупнѣй, тѣмъ цѣнимъ выше,—цѣнимъ независимо отъ того, изъ чего и какъ они образовались.

Въ человѣкѣ заложена громадная, умопомрачительная идея, а что изъ насъ въ концѣ-концовъ выйдетъ, какiя драгоцѣнныя образованiя зародятся въ насъ въ процессѣ существованiя, какими своими особыми жемчужинами, алмазами засверкаетъ человѣчество,—поживемъ, увидимъ. Когда? Гдѣ? Не все ли равно. Не будемъ жадничать, претендовать и распоряжаться тамъ, гдѣ мы ни при чемъ. Приказано, поручено намъ жить, множиться, кипѣть, горѣть, преображаться,—ну, мы и разряжаемся, какъ заряжены. И даже наши бунты, нашъ добровольный уходъ изъ жизни, если жизнь намъ не задалать, протекаетъ не такъ, какъ намъ нравится и хочется, напрасно мы считаемъ актами нашей собственной, нами рожденной воли. Мы живемъ только тѣмъ, что намъ дано, разряжаемся, какъ заряжены.

Зачѣмъ? Для чего? Ну хотя бы для того, чтобы изъ человѣческой массы, глины, угля, ракушекъ и всякой дряни образовались великолѣпные жемчужины, алмазы, которыми Создавшiй все видимое и невидимое желаетъ украсить свое царственное чело. И что мы противъ такого факта скажемъ? Скажемъ, что не желаемъ быть болячкой (жемчугъ, говорятъ, болѣзнь раковины), не желаемъ быть глиной, углемъ, всякой

дрянью?—Ну, что изъ того, что мы будемъ такъ говорить? Законы, заложенные въ систему мірозданья, и сущность всего живущаго будутъ протекать, не считаясь съ нашимъ такимъ дѣтскимъ бунтомъ и лепетомъ. И если мы когда-нибудь дорастемъ до точнаго пониманія такого чудотворнаго строительства, примемъ участіе въ этомъ, какъ сознательные сотрудники нашего великаго Творца (такая возможность, повторяю, среди чудесъ, въ которыхъ мы живемъ, не кажется невозможной), то и тогда это произойдетъ потому, что намъ это будетъ поручено, навязано, довѣрено, и тутъ мы будемъ опять-таки только разряжаться.

Надо, пришла, наконецъ, пора намъ это понять, признать, не корчить изъ себя смѣшное, глупое, не быть неблагодарными. Вѣдь намъ не только муки, несчастья, паденія даны, но даны также и радости, и наслажденія, и взлеты такихъ достиженій, что если бы мы все это поняли, оцѣнили, то многія терзанія, несчастья отлетѣли бы отъ насъ, какъ шелуха.

Можно сказать: если мы тупицы, свиньи, то чѣмъ виноваты мы, если такъ заряжены. Совершенно вѣрно, не виноваты. Изъ того, что даетъ отъ себя свинья, и изъ того, что видитъ, утверждаетъ благородный и благодарный человѣкъ, получаются тѣ вспышки, тренія, зачатія, образованія, которыя ведутъ всѣ къ одному мѣсту: въ лабораторію премудраго, непостижимаго нами сейчасъ Строителя. Все тамъ—свѣтъ и мгла, зло

и добро, необъятные міры и крошечныя, нѣжныя букашки, страшныя, дьявольскія страсти и трепетныя человѣчьи руки и безумно храбрыя, чудотворныя въ любви и нѣжности человѣчьи сердца, призванные среди всего этого бороться, куда-то стихіи своими ручонками вести, что-то своими сердцами двигать, что-то своими глазами, какъ волшебными зеркалами, видѣть и отмѣчать, что-то своимъ слабымъ, человѣчьимъ голосомъ свидѣтельствовать и порой съ такой мощью, съ такой силой, что, кажется, и самой страшной бурѣ этого голоса не покрыть, не заглушить.

И тутъ, чтобы быть точными и справедливыми, остается всегда, ежеминутно, во вѣки вѣчные говорить одно: да будетъ воля Твоя! А куда она все приведетъ, что изъ насъ сдѣлаетъ,—это увидятъ наши глаза, почувствуютъ наши сердца, отмѣтитъ, засвидѣтельствуетъ нашъ языкъ.

А сейчасъ мы растемъ, какъ маленькія дѣти, еще не опредѣлившіяся, и не познавшія себя. И эта дѣтскость не порокъ въ насъ, а наше прибѣжище и спасеніе.

Мучилась я какъ-то надъ разрѣшеніемъ трудныхъ и сложныхъ вопросовъ о добрѣ и злѣ, о Богѣ и дьяволѣ, о правдѣ и неправдѣ. Вопросы громадные, и у меня пошла голова кругомъ отъ безсонныхъ ночей и чрезмѣрнаго напряженія. Я дошла до полнаго отупѣнія и отчаянія отъ невозможности разрѣшить многія наши противорѣчія.

Я изнемогала, была на границѣ безумія. Помню, какъ сквозь сонъ, вдругъ я вскочила, одѣлась, выбѣжала на улицу, точно сила какая сверхъестественная меня туда вытолкнула. Погруженная въ свое, я шагала машинально, не замѣчая ни улицъ, ни людей. Порывъ вѣтра, хлопья снѣга, залѣпившіе глаза, заставили меня остановиться. Сначала я даже не поняла, въ чемъ дѣло, что такъ непрошенно ворвалось, мѣшаетъ—очень ужъ я куда-то далеко занеслась.

Постепенно вернулась на землю. Вижу, что уже вечеръ, что стою на улицѣ, съ наслажденіемъ смотрю на выпавшій снѣгъ и дышу, дышу съ жадностью загнанной лошади. Особенно меня занимаютъ кружащіяся въ свѣтѣ фонаря снѣжинки. Какъ онѣ беззаботно носятся, взлетаютъ, падаютъ, шалятъ—о, имъ чертовски весело! Онѣ меня волнуютъ, я имъ завидую. А я, когда мнѣ было такъ весело?—Не помню, давно, можетъ, никогда...

Почему-то мнѣ становится жутко, я готова плакать отъ тоски, отъ желанія тоже такъ веселиться. Что-то закипаетъ во мнѣ, среди каменныхъ коридоровъ улицы становится противно, душно. Я снова бѣгу, не зная—куда, зачѣмъ. Вотъ дома ниже, больше видно снѣга. Вотъ и эти коридоры позади—предо мной открытое и, кажется, безграничное пространство снѣга. Онъ свѣтится, чудесно пахнетъ.

Что со мной сталось! Какъ остро я переживаю радость узника, вырвавшагося на волю! Я, пьяная отъ наслажденія, жадно бросаюсь на снѣгъ.

Комки снѣга въ моихъ рукахъ мгновенно превращаются въ огромные шары. Я смѣюсь, пою во все горло и—знаете, знаете, что дѣлаю?—лѣплю бабу, снѣжную бабу. Тутъ только я поняла, какъ мнѣ ея не доставало, какъ безъ этой неуклюжей, самодѣльной бабы нельзя жить, нельзя!

Кипитъ работа. Вотъ и готова моя баба: ротъ до ушей, оторванныя отъ шубки пуговицы, вмѣсто глазъ, руки въ боки. Боже мой, Боже мой, какъ она хороша!

— Здравствуй, баба! Здравствуй, родная! А давненько мы съ тобой не видались. Много воды утекло, я выросла, но не бойся,—я та же. Баба, что я тебѣ разскажу!..

Если бы кто подслушалъ мою бесѣду съ бабой, горячіе къ ней поцѣлуи,—навѣрно, счелъ бы меня за сумасшедшую. Но,—Боже мой, какъ это было хорошо, какъ я желаю каждому такъ иногда отводить душу, такъ забываться, такъ сходить съ ума. Невыразимо поднимаетъ.

Я возвращалась домой бодрая, свѣжая, какъ никогда, я чувствовала за плечами крылья, я радовалась, я жила. И, странное дѣло, въ эту же ночь, какъ-то незамѣтно я стала выходить изъ тупика, и все, надъ чѣмъ я билась, стало разрѣшаться для меня такъ просто и убѣдительно, какъ проще и убѣдительнѣй не можетъ быть.

Этой бабы я никогда не забуду. И что изъ того, какъ наши ученые спеціалисты—и всякъ, конечно, по-своему—такой случай назовутъ. Я же теперь, навѣрно, знаю, что мной тогда кто-то за-

ботливо, отечески распорядился: «не ломай, дитятко, такъ убійственно своей головки,—пойди лучше поиграй!»

И я, несмотря на мой возрастъ, мою разумность, морщины и сѣдѣющіе виски, пошла и играла, какъ можетъ играть только дитя. Съ тѣхъ поръ я поняла, что Волѣ, создавшей насъ, желательно, чтобы мы—временно или во вѣки вѣчные—были также и дѣтьми. А потому, когда присмотришься—видишь, что какъ бы мы высоко ни вознеслись, какъ бы ни стали зрячи и мудры, надъ нами неизмѣнно тяготѣетъ: «пойди, дитятко, поиграй!»

Мнѣ не разъ приходило въ голову, что въ опрощеніи Л. Толстого, въ его самодѣльныхъ печахъ и сапогахъ, во всемъ томъ, что его злило, тѣшило, радовало, также не мало дѣтской игры. Также и онъ, такой большой и исключительный, не избѣгъ нашей общей участи: «пойди, дитятко, поиграй!» И онъ игралъ, не всегда понимая, что ребячески тѣшится...

Такому факту ни возмущаться, ни обижаться не приходится.—Почемъ мы знаемъ, для чего это надо, къ чему наши человѣчьи аппараты это приведетъ? Честность къ себѣ, преданность къ своей природѣ, типу, виду,—вотъ наше главное, въ жизни намъ порученное.

Эта честность, это порученное, въ виду особенностей моего аппарата, протекали у меня довольно любопытно. Тутъ есть такое, о чемъ поразсказать стоитъ, не толь-

ко ради уясненія моей механики, но и для разъясненія людей вообще. Говоря о себѣ, вскрывая мое, мнѣ кажется, я вмѣстѣ съ этимъ буду говорить и о насъ всѣхъ.

Свойство самокритики, къ сожалѣнію, не каждому изъ насъ дано. Не всякій можетъ поставить себя на ладонь, добросовѣстно оглядѣть себя со всѣхъ сторонъ, не морщась понюхать также, чѣмъ и въ «середкѣ» пахнетъ, и, отрѣшившись отъ слабостей самолюбія, гордости и всякихъ практическихъ расчетовъ, безстрашно, а съ этимъ, значитъ, и безкорыстно разсказать о себѣ все, что увидѣлъ, понялъ, узналъ.

Надо ли это? Да, надо и очень. Иначе мы себя никогда не поймемъ, не сможемъ поставить человѣка въ себѣ, какъ надо, какъ желаетъ Создавшій насъ. Надо,—какъ бы людямъ нѣжнымъ щепетильнымъ и трусливымъ такія разъясненія ни казались бы ненужнымъ, некрасивымъ самооплевываніемъ. Если, изучая природу и живность, ее населяющую, мы стараемся изучать серьезно, точно, со всѣхъ сторонъ, то почему же при разъясненіи человѣка мы строимъ всякія перегородки, говоримъ и даже требуемъ, что такъ человѣка изучать можно, а иначе ужъ и нельзя, этого касайся, а того—не смѣй. Это явная и безразсудная нелѣпость, принесшая намъ уже не мало зла. Не ты себя такимъ хорошимъ или скернымъ выдумалъ, не ты себя такъ за-

винтилъ,—тогда чего же тебѣ стыдиться, скрываться и таить, что есть. Можетъ, наше некрасивое, слабое, стыдное намъ дано для того, чтобы мы его поняли, преодолѣли и преобразили въ болѣе сильное, разумное и прекрасное, на что намъ и заряды, несомнѣнно, отпускаются. Но какъ же мы это сможемъ, когда не желаемъ себя и свое, какъ надо, увидѣть и понять. Тутъ что-то у людей происходитъ прямо дикое. Съ такимъ предразсудкомъ надо кончить.

Въ моемъ аппаратѣ очень сильно завинчено свойство самокритики, завинчена способность безстрашно рыться, безкорыстно констатировать все, что тамъ есть. Мои глаза—волшебныя зеркала нашего человѣчьяго механизма—всегда видѣли больше, чѣмъ людямъ, меня окружающимъ, этого хотѣлось. Людямъ не нравился мой языкъ, называющій все слишкомъ уже точно. Но, Господи, какъ они были не правы. Чѣмъ я виновата, что такъ устроена, что обречена, какъ и каждый изъ насъ, жить только тѣмъ, что мнѣ дано.

И почемъ мы знаемъ, какое добро можетъ получиться изъ такого худа. Каждому изъ насъ дается въ жизни свой путь, своя линія. И положеніе наше въ жизни,—мы знаемъ это хорошо,—ужасно не одинаково. Однихъ изъ насъ жизнь чрезвычайно бережетъ, съ другими обращается безцеремонно и жестоко. Таинственныя случайности продѣлываютъ съ нами невѣроятныя, фантастическія шутки, подталкиваютъ, направляютъ наши аппараты то вверхъ, то внизъ, то къ ужа-

су, то къ счастью, то калѣчатъ насъ, губятъ, то всѣмъ этимъ шлифуютъ, расширяютъ, обогащаютъ, высоко поднимаютъ нашу сущность.

Приходитъ въ голову, что отъ каждаго изъ насъ чего-то добиваются и бережно, любовно относятся къ намъ, въ зависимости отъ достиженій,—бунтуй не бунтуй, дѣло обстоитъ такъ. Напримѣръ, какъ только не трепала меня моя линія, какія, иной разъ прямо нелѣпыя, случайности не переворачивали мою машинку, буквально, вверхъ дномъ. И что же, какъ только мнѣ грозило неминуемой гибелью, чья-то заботливая, отеческая рука выводила меня изъ убійственнаго тупика, направляла на путь, гдѣ опять закипала жизнь и какая то новая, преображенная, точно я вся заново-родилась. Для меня несомнѣнно,—убѣждалась тысячи разъ,—что мой аппаратъ почему-то очень берегутъ (на такомъ положеніи «любимца» нахожусь не я одна, прослѣдить это можно также и на другихъ), задаютъ мнѣ какую-то особую, неустанную, прямо сумасшедшую во всемъ тренировку, чего-то отъ меня усердно добиваются, берегутъ, любятъ меня въ зависимости отъ моихъ достиженій, относятся ко мнѣ такъ, какъ изобрѣтатель относится къ своему болѣе удачному, болѣе усовершенствованному произведенію. Я ясно слышу, когда мой Творецъ радуется своимъ твореніемъ, когда досадуетъ, что получилось не то. И если мнѣ даны, а со мной навѣрно и другимъ, такія чувствованія, такія слышанія, то это не такъ безсмысленно, не такъ случайно, какъ можетъ ка-

заться на первый взглядъ. Правду этого я буду доказывать имѣющимся у меня пережитымъ, провѣреннымъ матеріаломъ. И почемъ знать, можетъ, эти чувствованія, эти прозрѣнія даны намъ въ награду за расплаты, въ которыхъ мы ни при чемъ, за вину, въ которой не виноваты.

Попробуемъ серьезно разобраться. Для этого я предлагаю мой опытъ и мою человѣчью сущность. При этомъ я чувствую и знаю, что голова у меня крѣпко стоитъ на плечахъ, что я въ человѣческой семьѣ не выродокъ, не порожденіе какой-то нечистой силы, не гнойный нарывъ, а здоровое, разумное, крѣпко скроенное и ладно сшитое, любимое дитя моего Создателя.

Поймите правду моей души: не себя я превозношу и восхваляю, не собой я ежеминутно радуюсь и буду радоваться, пока жива.—Ни причемъ мы здѣсь, ровно ни при чемъ. Значитъ и стыдиться, и гордиться, и хвастать намъ тутъ нечего. Но радоваться, но восхищаться, любить и трепетно носить въ себѣ великое, изумительное произведеніе мы имѣемъ право, мы можемъ, мы даже должны,—для этого намъ дано сознаніе, намъ поручено свидѣтельствовать о томъ, что видимъ и знаемъ.

Тутъ я чувствую крахъ многихъ нашихъ изжитыхъ условностей и представленій о себѣ самихъ и другъ о другѣ. Здѣсь устанавливается новый взглядъ на человѣка, накладываются на него новыя обязательства, зарождается новая человѣчья мораль, закипаетъ

новая, преображенная работа, и новые провалы и достиженія, расплаты и награды за нихъ. И ничего тутъ нельзя подѣлать. Философствуй не философствуй, бунтуй не бунтуй—навѣрно будетъ такъ. Если я это чувствую, вижу, значитъ, видятъ такъ и чувствуютъ и другіе, значитъ, этому будетъ мѣсто, пришла пора, значитъ, этого хочетъ нашъ Творецъ, и мы будемъ разряжаться, какъ заряжены.

Не будемъ же залетать туда, до чего не доросли, постараемся честно понять, что видимъ, свидѣтельствовать о томъ, что знаемъ. Человѣка намъ надо въ себѣ понять, разъяснить и оцѣнить по новому. Для этого я, отстранивъ отъ себя всякую отвѣтственность (что дано, тѣмъ и живу), не желая стыдиться или принимать награды за то, гдѣ я ни при чемъ (какъ заряжена, такъ и разряжаюсь), я беру мой аппаратъ на ладонь и предлагаю свободно, просто заглянуть, что творится въ моей человѣчьей механикѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ различныхъ комбинаціяхъ и измѣненіяхъ, творится, значитъ, и у другихъ.

Прежде всего бросаются въ глаза этапы моей жизненной линіи. То же самое, въ болѣе или менѣе опредѣленномъ или зачаточномъ видѣ, мы можемъ наблюдать и у другихъ. Первый этапъ, который мы обречены проходить, этапъ самый трудный для преодолѣнія, самый страшный—это личный, шкурный эгоизмъ. Эгоизмъ требуетъ,—для этого онъ и существуетъ,—чтобы мы очень по-

любили себя, привязались къ нашей породѣ, типу, виду, какъ можно сильнѣй и преданнѣй полюбили и привязались, начиная именно съ самого себя. Такое устремленіе въ себя, преданность своему принимаетъ у насъ иногда очень некрасивыя, очень жестокія и страшныя формы. Но люди въ этомъ не виноваты. Имъ данъ громадной силы инстинктъ, при этомъ мало отпущено силъ и средствъ для того, чтобы его преодолѣть, преобразить, пронести свое человѣчье, куда надо, дальше. На застрявшихъ въ личномъ, шкурномъ эгоизмѣ надо смотрѣть, какъ на несчастныхъ, и за такое безсиліе ихъ не осуждать, не карать, какъ мы иной разъ караемъ. Вѣдь они же, какъ и каждый изъ насъ, живутъ только на то, что имъ дано. Не дано на большее, какъ же мы можемъ этого большаго отъ нихъ требовать. Такъ заряжены, что же мы ихъ будемъ наказывать, когда они иначе не могутъ, на иное имъ не дано. А если бы было дано, оно непремѣнно выявилось бы.

У меня была полоса, когда я страшно возмущалась застрявшими въ личномъ эгоизмѣ, стыдила ихъ за узкую, убогую шкурность, требовала отъ нихъ быть иными (я могу, значитъ, и вы можете; мнѣ дано, значитъ, у васъ это тоже есть). И только теперь, къ сорока годамъ моей жизни, я поняла, какъ была жестока и не права. Не личный произволъ руководилъ тѣми, кого я осуждала, а несчастье, котораго они не могли какъ слѣдуетъ понять и одолѣть.

Понявъ это, начавъ иначе къ такому несчастью относиться, мнѣ кажется, я стала искупать какую-то огромную вину и за себя и за всѣхъ, кто въ этомъ грѣшенъ.

Второй нашъ человѣческій этапъ—это узкій, личный, шкурный эгоизмъ, преображенный въ удивительно нѣжное и благородное чувство какого-то особаго материнства, отцовства ко всѣмъ людямъ, независимо отъ того, какіе они и что ихъ родила не моя плоть.

Этотъ этапъ изумителенъ по своему размаху, захвату и послѣдствіямъ. Тутъ мы дорастаемъ до нашего Творца, тутъ никакія испытанія и расплаты намъ не страшны. Тутъ какое-то безграничное довѣріе чувствуешь ко всему, что тебѣ поручаютъ, и за такое порученіе, за такое довѣріе съ радостью глубоко осчастливленнаго существа хочется воскликнуть: «Когда ты живешь во мнѣ—мнѣ ничего не страшно, все по силамъ. Творецъ мой, не надейшь ли Ты еще чего, что бы прибавить въ чашу мою? Все осилю, все осилю потому, что Ты во мнѣ, что я Твое дитя».

Идеалъ такъ выросшаго человѣка уже созрѣлъ въ насъ. Уже идетъ въ жизнь этотъ новый человѣкъ, уже прокладываетъ всюду свои пути, утверждаетъ свою личность. Такой ростъ я чувствую также и въ моемъ организмѣ. И не гордыня, не самохвальство говорятъ сейчасъ во мнѣ, а правда, факты, которыми я буду доказывать мое существованіе. Не осуждайте меня: мнѣ приказано

такъ разряжаться, мнѣ довѣрено это, и я честно и точно выполняю приказъ.

Какъ болѣе усовершенствованному аппарату, мнѣ не пришлось много возиться съ собой въ узко-эгоистичномъ смыслѣ, но переходъ изъ перваго этапа во второй произошелъ все же черезъ катастрофу. Вся моя машина взлетѣла вверхъ колесами, и никогда я не думала, что останусь жива, что жить мнѣ снова захочется.

Находясь во власти перваго этапа, я тоже была очень собою занята. Сильнѣй всего меня захватывало—какъ надо жить и поступать, чтобы имѣть право считаться человѣкомъ. Правомъ на человѣка опредѣлялся весь мой жизненный смыслъ. Тутъ я говорила себѣ: видишь, сколько слабыхъ людей—будь сильной; видишь, какъ они лгутъ, злобствуютъ, тѣснятъ, а то и загрызаютъ другъ друга—не поступай какъ они, будь доброй правдивой, честной, и ты навѣрно будешь человѣкомъ. Я не только говорила, но годы, годы именно такъ жила. Мнѣ казалось, что человѣкъ прежде всего долженъ быть высоко нравственнымъ (нравственность я брала въ томъ видѣ, какъ говорила церковь и прописи честнаго поведенія). Его вкусъ, сердце, воля должны быть хорошо развиты, спаены во едино, созвучны, какъ тонкій, прекрасно настроенный инструментъ. Идеалъ такъ настроеннаго человѣка не давалъ мнѣ покоя. Стать тоже такой мнѣ хотѣлось съ какой-то благоговѣйной страстью. Я радовалась, тщательно развивала въ

себѣ все, что приближало меня къ идеалу, не щадила ни силъ, ни жертвъ на борьбу съ тѣмъ, что этому мѣшало. Самозабвенно, изо всѣхъ силъ я лѣпила изъ себя восхитившій меня образъ. Годы шли—я не видѣла жизни, какъ видятъ другіе, не жила, какъ другіе живутъ—я горѣла, горѣла, какъ одержимая, все надъ однимъ, все объ одномъ: стать нравственнымъ человѣкомъ. Завинчена я была на мои хотѣнія страшно, неодолимо. И, конечно, при такомъ заводѣ, я своего добилась: идеалъ сильнаго, смѣлаго, нравственнаго человѣка былъ мной осуществленъ и утвержденъ въ жизни. Я была удовлетворена. Не жалѣла, что на это ушли самые лучшіе, самые дорогіе годы. Человѣкъ, какъ я его понимала и любила, жилъ на землѣ.

Откуда же драма, чуть меня тогда не убившая? Что мы знаемъ изъ того, что происходитъ вокругъ насъ, къ чему насъ толкаетъ? Извольте посмотрѣть внимательно. Чего мнѣ тогда было надо? Чего хотѣла—достигла. Достигнутое удовлетворяло и радовало. Изъ меня, дѣйствительно, вышелъ образцовый человѣкъ съ душой, реагирующей на все, какъ хорошо настроенный и благородный инструментъ. Живи, казалось, себѣ на здоровье, да благодари Бога, что онъ хоть и создалъ тебя женщиной, но не обошелъ всѣмъ тѣмъ, что человѣку имѣть надо. На меня вдругъ (о, эти «вдругъ», что мы въ нихъ понимаемъ!) напала тоска, неотвязная, невыносимая, смертная. Быть самой хорошей мнѣ казалось мало. Мнѣ

понадобилось, чтобы и другіе были такіе же, какъ и я. Для меня стало необходимымъ, чтобы было хорошо, разумно, чисто не только у меня въ душѣ, не только въ моемъ домѣ, но и всюду, гдѣ ни ступнетъ моя нога. Смыслъ жизни измѣнился, все мое личное (тутъ, я чувствовала, все обстоитъ благополучно) куда-то отодвинулось, неблагополучіе же другихъ и всего окружающаго стало какъ-то особенно и больно рѣзать мнѣ глаза, такъ волновать душу, точно все это касалось также и меня. Не успѣла я оглянуться, какъ почувствовала, что захвачена стихіей страшной силы, что я вся точно выросла на три головы выше. Все во мнѣ углубилось и расширилось. Глаза, сердце, руки что-то ужъ очень много захватили. Все меня интересуетъ, до всего мнѣ дѣло, точно моимъ домомъ сталъ весь міръ, моей семьей—всѣ люди. И все, что дѣлается у людей и въ мірѣ, стало заботить меня такъ же серьезно, добросовѣстно, какъ до этого заботило только мое личное.

Первый этапъ былъ пройденъ. Жизнь начала вводить меня во второй, и такъ мудрено, такъ фокусно, что понять и осмыслить все я могу только теперь, когда прошли послѣ этого годы и годы.

Итакъ, я поняла тогда, почувствовала, признала (еще бы, когда мнѣ это было навязано, навѣяно, поручено!), что принадлежу я не только себѣ, но и всему міру, и что все на свѣтѣ принадлежитъ также и мнѣ. Восхитительное открытіе!

Я смотрю на все, точно оно и дѣйствительно мое. Ясно вижу всю запущенность, всѣ непорядки и энергично засучиваю рукава—въ моемъ домѣ этого не должно быть! Я вижу, какъ некрасиво, не умно живутъ люди,—меня это тревожитъ чрезвычайно: моя семья такъ жить не должна. Надо навести настоящіе порядки,—только истинно материнскія руки могутъ это сдѣлать, только истинно материнское сердце можетъ это все очистить, убрать, преобразить. Материнскія руки, материнское сердце... О, на что они способны, когда жалѣютъ, любятъ, когда ихъ любимымъ не хорошо! До этого я знала, что такая чудотворная сила проявляется у людей только по отношенію къ своимъ роднымъ и кровнымъ. И я тоже дѣлила людей на своихъ и чужихъ,—и вдругъ все перемѣнилось. Нѣтъ чужихъ, всѣ мои. Не я родила ихъ, а такъ жалѣю, такъ дороги они мнѣ. Тутъ я почувствовала весь нашъ человѣчій ростъ. Экая штука любить своихъ кровныхъ, итти ради нихъ на жертвы,—такъ всякій звѣрь, всякая гадюка любитъ. А ты вотъ полюби, пожалѣй всѣхъ, какъ своихъ, ради чужихъ пойди на жертвы,—это уже совсѣмъ другое дѣло. До этого надо дорасти, домучиться. И люди, кажется, въ достаточной степени и доросли до такого великаго и домучились. Почувствовала я это въ себѣ, значитъ, этому есть въ природѣ мѣсто, значитъ, нашей такой любви, такому материнству и отцовству пришла пора.

Съ засученными рукавами, съ взволнованнымъ

и озабоченнымъ сердцемъ, во всеоружіи моихъ огромныхъ нравственныхъ силъ, пошла я въ жизнь дѣлать мое материнское дѣло. Тутъ меня ждали испытанія страшныя. Начать съ того, что я оказалась среди людей человѣкомъ совершенно необычнымъ. И для того, чтобы я могла для нихъ что-либо доброе сдѣлать, къ чему-нибудь нужному подтолкнуть или быть правильно людьми понятой, мнѣ приходилось начинать чуть не съ перевоспитанія ихъ. Иначе получалась какая-то нелѣпость, безплодные разговоры на разныхъ языкахъ и никому не нужная вражда. Быть матерью разумной, честной, да еще въ томъ масштабѣ, какой захватила я, да еще въ нашей опутанной, несовершенной, грѣшной жизни,—это такое трудное, такое тяжкое дѣло, что и разсказать нельзя. А тутъ еще моя закаленная, первосортная нравственность: чтобы я да стала жить, какъ всѣ,—и хитрила, и приспособливалась къ тому, что противно, и политиканствовала всячески—никогда этому не бывать! Если пошло на честное, на нравственное, то надо быть честнымъ и нравственнымъ всегда и насквозь. Никакихъ компромиссовъ я не принимаю. Никогда не допущу, чтобы на моихъ дѣлахъ, на моемъ добрѣ было хоть единое пятнышко.

Тутъ я была тверда, какъ скала. Скорѣй умерла бы, но сбить себя съ честнаго, благороднаго пути не допустила бы. А рядомъ, на глазахъ, подъ бокомъ запустѣніе моего дома, обездоленные, несчастные, темные—кого я считаю моей

Гос. Публичная Б-ка Ленинград

семьей. И ясно вижу я, что все это устроить, очистить, поднять, спасти нельзя одними теплыми, благородными словами, тутъ нужна и житейская, матеріальная сила, которой у меня не было. Я была богата-пребогата духовно—эту силу я считала самой высшей въ мірѣ. Все въ себѣ я отдала на пріобрѣтеніе духовныхъ сокровищъ. И вдругъ убѣждаюсь, что этими сокровищами не всегда можно голоднаго накормить, больного лѣчить, сираго пріютить и одѣть. Съ прекрасными, добрыми словами и намѣреніями, но съ пустыми руками я оказалась какою-то странною и безсильною. Вокругъ меня, хитря, грѣша, подличая, люди добивались чего хотѣли, а я толклась на одномъ мѣстѣ безсильно и безплодно. На это меня обрекали именно мои высокія качества, моя прямая, честная душа, не признающая никакихъ компромиссовъ. Я очутилась внѣ жизни. Сила, которой я была удовлетворена, полна до краевъ, съ которой натворила у себя всякихъ чудесъ, въ примѣненіи къ другимъ оказалась вовсе не такой могучей и чудотворной. Все, чѣмъ я дорожила, предъ чѣмъ преклонялась,—оказалось у людей вовсе не въ такой высокой цѣнѣ, а въ жизненной борьбѣ даже роскошью, безсильной и и ненужной. Я много мучилась, боролась, хлопотала и ничего не добилась. Мой домъ какимъ былъ—такимъ и остался, моя семья какъ жила скверно—такъ и живетъ.

Пораженіе мое было полное. Такого безсилія въ жизни добра и нравственности, какъ я ихъ

тогда понимала, я не могла вынести. Меня разрывали на части двѣ большія силы. Жалость къ людямъ требовала принять, что есть, закаленная честность не соглашалась—никогда и ни за что! Я не выдержала, захворала. Жизнь потеряла въ моихъ глазахъ всякую привлекательность. Я хотѣла смерти, какъ можетъ хотѣть чрезмѣрно уставшій и изжившій себя человѣкъ. Изъ моихъ терзаній это былъ единственный и почетный выходъ.

Смерть, какъ избавительница, вплотную стояла у меня за спиной.

И вдругъ Тетровскій. Какъ вихрь какой-то, ослѣпительный и страшный, ворвался онъ въ мою душу, все разметалъ, все расцѣнилъ иначе и умчался, оставивъ меня среди развалинъ, гдѣ отъ спасительницы смерти торчала жалкая, смѣшная тѣнь. Мой уходъ изъ жизни былъ кѣмъ-то отмѣненъ.

Жила я тогда въ Кіевѣ. Въ тотъ незабвенный вечеръ меня потянуло на Днѣпръ съ совершенно опредѣленнымъ намѣреніемъ—въ послѣдній разъ посмотрѣть на заходъ солнца. Природа была единственной, съ кѣмъ мнѣ, уходя въ смерть, захотѣлось тогда попрощаться. А вернувшись, я спокойно и просто собственной рукой вычеркну себя изъ списка живыхъ. Такъ было рѣшено, этого желала и требовала моя уставшая, перегорѣвшая душа.

Человѣкъ рѣшаетъ, а жизнь гнетъ свое.

Вотъ я на горѣ св. Владимира. Былъ апрѣль,

прелестный, теплый, пахнущій распустившимися тополями, очаровательный кіевскій апрѣль. Кто не встрѣчалъ весну въ Кіевѣ, тому никакими словами нельзя передать вполнѣ этого весенняго очарованья. Какъ никогда, интимно и остро я чувствовала колдовство природы. Грудь ширилась, невыразимая растроганность сжимала горло, а внутри звенѣли, радостно заливались безчисленные, нѣжные колокольчики. Такой звенящей нѣжности я не знала ни до этого, ни потомъ. И умереть хотѣлось какъ-то особенно, нетерпѣливо, страстно. Умереть, значитъ, слиться со всей этой сказкой, уйти туда, гдѣ ничего людского уже нѣтъ. Какъ это хорошо, необходимо, мудро. Я радовалась, какъ можетъ радоваться замученный узникъ, чуя, что вотъ-вотъ онъ снова будетъ вольный.

Я смотрѣла вдаль, туда, гдѣ слились земля съ небомъ, куда спѣшило солнце, и пьянѣла. Забывалась отъ наслажденія и радости: еще немного, еще усиліе, и я тоже уйду въ чудо, уйду туда, откуда пришла.

Я совершенно забылась, уже была не на землѣ.

И вотъ, не то вѣтеръ шуршитъ, не то кто-то шепчетъ у самаго моего уха:

— Въ такую ночь хорошо умереть. Хорошо сказать своему сознанію: остановись, умри, померкни. Хорошо уйти, не жалѣя, не оглядываясь, туда, далеко-далеко, въ самую глубь, въ самую смерть.

Какъ горячо, какъ радостно отозвался во мнѣ этотъ шопотъ.

— Да, да, именно, въ самую глубь, въ самую смерть. И сейчасъ, сейчасъ...

Мужской голосъ твердо говоритъ мнѣ:

— Идемте, я провожу васъ.

Я встаю, моя рука встрѣчаетъ горячую, сильную руку. Это меня не удивляетъ, а радуетъ, это то, чего мнѣ не доставало. Крѣпко и благодарно я жму протянутую руку. Мнѣ все равно, чья она, я не смотрю въ лицо такъ неожиданно явившагося друга. Я вѣрю, знаю,—въ этотъ моментъ и такъ со мной говоритъ другъ, истинный и зоркій.

Онъ говоритъ:

— Я также люблю смерть,—она прекрасна, она чудо. И когда усталъ, жить больше нечѣмъ,—лучшаго пріюта и прибѣжища въ мірѣ нѣтъ.

Я благодарно шепчу:

— Вы правы, вы вѣрно поняли. Не будемъ говорить, молчите.

Мы идемъ молча, торжественно, не разнимая рукъ. Я рада, я знаю—эта горячая, крѣпкая рука ведетъ меня правильно, куда надо. Откуда такое сознаіне и вѣра? Да, очень немного мы понимаемъ изъ того, что вокругъ насъ и въ насъ дѣлается... Я тогда была пьяная, невмѣняемая, буквально въ смертной агоніи, а, оказывается, все шло, какъ по маслу, дѣлалось, что должно было быть. Такой механикѣ нѣтъ названья!

Такъ за руку прошли мы на самую верхнюю площадку горы. Остановились у обрыва,—этого

хотѣлъ ведущій меня. Я повинуюсь, машинально смотрю на разстилавшійся у нашихъ ногъ Подолъ. Вдругъ онъ неожиданно, сильно дернулъ меня за руку и пробудилъ отъ сладкаго сна.

— Смотрите, смотрите, какъ отражаются, переливаются, горятъ внизу, на Подолѣ лунные и фонарные лучи на куполахъ церквей. Прищурьте глаза,—правда, какъ въ сказкѣ? Станьте сюда, смотрите.

Я повинуюсь и думаю: зачѣмъ онъ? такъ было хорошо... не надо словъ, движеній... какъ онъ не понимаетъ!..

А сильная, властная рука сверлитъ, жжетъ мнѣ локоть.

— Ну, будетъ вамъ, проснитесь! Видите, видите сколько тамъ огней,—ихъ зажгла жизнь! Жизнь—волшебная, жуткая сказка, что мы о ней знаемъ? Ничего, ничего! Вы сомнѣваетесь?

Онъ смѣется звонко, полно, радостно.

— Я вамъ говорю,—проснитесь, разгуляйтесь!

Онъ машетъ рукой у самыхъ моихъ глазъ. Я просыпаюсь совсѣмъ. Блѣдное, совершенно выбритое и очень милое лицо пытливо и нѣжно смотритъ на меня и улыбается.

— А я, знаете, люблю людей, люблю ихъ жизнь, люблю ихъ сказочныя, таинственныя души.

Мнѣ досадно, зачѣмъ онъ меня сдернулъ, зачѣмъ разбудилъ. Я желчно возражаю:

— Ничего нѣтъ таинственнаго, все въ людяхъ ясно, до ужаса ясно и понятно.

Онъ прошепталъ предостерегающе:

— Тсъ, не говорите такъ...

Что-то въ его голосѣ заставило меня сжаться и умолкнуть. Чувствовалось, что онъ что-то знаетъ, имѣетъ право такъ говорить. Мое установившееся къ нему довѣріе требовало повиноваться, смириться, слушать.

Онъ откинулъ голову, началъ тихо, смотря прямо въ небо:

— Да, люди удивительные, жизнь удивительная, все удивительно! Ахъ, Боже мой, вы только присмотритесь и увидите, какъ въ нашей жизни, въ нашихъ душахъ отражается и повторяется вся окружающая насъ природа! Въ насъ, какъ и въ природѣ, бушуютъ различныя стихіи: красивыя и страшныя, разумныя и непонятныя, созидающія и разрушающія—невѣроятная мѣшанина! Перепуталось тонкими, неразрывными нитями прекрасное съ ничтожнымъ, великое съ безобразнымъ, чудовищное съ божественнымъ—не разберешь, гдѣ кончается одно и начинается другое. Смотришь и видишь, какъ изъ прекраснаго, великаго получается гнусность, а изъ явной нелѣпости въ концѣ концовъ выходитъ чудо. Значитъ, въ такой мѣщанинѣ есть какой-то смыслъ, есть свои законы. И странно, непривычно намъ думать, что это все идетъ изъ одного источника, благословляется одной рукой. Мнѣ лично что-то не вѣрится, что въ мірѣ добрыми, прекрасными, разумными дѣлами завѣдуетъ Богъ, а всѣмъ остальнымъ уже чортовщина. Если все создалъ Богъ, то почему зло уже отъ лукаваго? А лукаваго кто создалъ? Знаете, въ автономію дьявола я не вѣрю. Если Богъ вездѣ

и все, то и дьяволъ Его произведеніе. Тутъ люди чего-то напутали. То утверждаютъ, что безъ вѣдома и воли Божьей волосъ у насъ съ головы не упадетъ, то дьяволъ съ нами что захочетъ, то и дѣлаетъ, точно Богу это безразлично, точно Его великая, всемогущая воля для дьявола и не указъ, и не сила. Вѣдь, вотъ какая «перепутанница». А что если я вамъ скажу, что ни добра, ни зла, какъ мы ихъ толкуемъ, въ мірѣ нѣтъ, все это наши выдумки, понятія, условности?

У меня сорвалось:

— А Богъ есть?

Онъ рванулся ко мнѣ:

— Да, да, есть! Но не только, какъ представитель правды и добра, а какъ Творецъ всего видимаго и невидимаго, понимаете, всего, всего! Тутъ добро и зло мы называемъ уже стихіями. Такія различныя, противорѣчивыя стихіи бушуютъ и въ насъ и въ природѣ, и въ своемъ бореніи создаютъ тотъ трепетъ, то движеніе, безъ котораго немыслима жизнь. Понятно? Садитесь и поговоримъ толкомъ!

Онъ посадилъ меня на скамейку, какъ малаго ребенка, сѣлъ рядомъ и продолжалъ:

— Все дѣло въ нашихъ понятіяхъ. И вы думаете, мы ихъ не мѣняемъ? Скажу о себѣ. Я выросъ и воспитанъ, какъ и многіе, въ страхѣ передъ смертью. Я не мирился съ ней, съ отчаяніемъ думалъ, что и я когда-нибудь и неизбѣжно умру. Эта мысль отравляла жизнь, сводила съ ума, наполняла меня рабьимъ страхомъ. Потомъ со мной

что-то произошло, я вдругъ увидѣлъ все по иному. Что то увѣренно и постоянно твердило мнѣ, что смерть не безсмысленная жестокость, а нѣчто разумное, нужное.

Я повѣрилъ, я принялъ это утвержденіе и съ тѣхъ поръ говорю: смерть не то, что мы думаемъ, за что ее принимаемъ. Правда, родясь мы уже обречены на смерть, но въ томъ, какъ мы боремся съ нашими внутренними и внѣшними стихіями, какъ проводимъ наше умираніе,—въ этомъ есть великій смыслъ, тутъ яркая, трепетная жизнь и полное оправданіе смерти. Смерть перестаетъ быть врагомъ жизни, становится ея помощницей, ея великими дрожжами. Уничтожьте смерть, и жизнь потеряетъ всю свою остроту и прелесть. Кипучая, творческая душа человѣка не сможетъ жить тамъ, гдѣ нѣтъ борьбы, нѣтъ движенія. Въ райскую тишину и благодать тянутся слабые, пугливые, больные, а для здороваго, сильнаго жизнь—въ борьбѣ, въ соревнованіи, въ дерзости.

Да, что, скажите, можетъ быть лучше, восхитительнѣй, какъ взять свою живую душу, безстрашно пронести ее черезъ всѣ драмы, катастрофы и преисподнюю нашей жизни и смѣло утвердить на самомъ виду у смерти.—А, ты сильная, безпощадная, страшная, а я вотъ маленькій, слабый съ тобой воюю, вырываю себя изъ твоихъ цѣпкихъ лапъ и живу, живу!

И, кажется, страшная смерть улыбается чудесной улыбкой матери и говоритъ:

«Да, живи, глупый, для этого тебя и дразню,

пугаю! Борись, вырывайся, утверждай себя,—мнѣ только этого и надо! А утомишься, выявишься, отцвѣтешь,—ступай въ меня, какъ спѣлыя зерна въ землю, чтобы, отдохнувъ, опять выскочить, опять расти, цвѣсти, бороться и утверждать жизнь. И такъ безъ конца и такъ вѣчно»...

Вотъ вамъ два представленія о смерти. Оставшись въ первомъ, моя жизнь протекла бы совершенно иначе. Утвердившись во второмъ, я хоть и соглашаюсь, что это въ сущности моя выдумка, что мнѣ хочется именно такъ видѣть, что отъ страсти такого хотѣнія у меня образовалась крѣпкая вѣра, но съ этой выдумкой, съ этой вѣрой я чувствую, что гораздо полнѣй, свободнѣй, радостнѣй изживаю каждую минуту моей жизни. Я точно рабъ, вырвавшійся на волю,—и благо такой выдумкѣ, и пусть на свѣтѣ живетъ и такая сказка. Повѣрьте, нѣтъ въ мірѣ большаго фантазера и сказочника, какъ человѣкъ. Вѣчно онъ выдумываетъ всевозможныя сказки—религіозныя, научныя, политическія, общественныя, семейныя и т. д. и т. д. Носится человѣкъ со своими выдумками, пропускаетъ сквозь нихъ свою душу, жизнь, вселенную, потомъ бросаетъ, какъ старыя, негодныя тряпки, выдумываетъ новыя, чтобы промѣнять ихъ когда-нибудь опять на творчество своего разума, таланта, генія. И такъ всегда, и такъ вѣчно.

Приходитъ въ голову, что намъ наша ограниченность дана исключительно для того, чтобы мы добивались, догадывались, фанта-

зировали и представляли. Изъ насъ вырабатывается какое-то изумительное, фантастическое существо. Можетъ, мы когда-нибудь будемъ сплошь художники, поэты, чудотворцы или выродимся въ какую-нибудь дичь. Посмотримъ, посмотримъ! Сейчасъ же мы живемъ на переломѣ. Старыя выдумки, какъ религіозныя, общественныя, семейныя, и всѣ прочія—давно изжиты, истрепаны, ничего яркаго, радостнаго не родятъ, душу теперешняго человѣка, какъ надо, не питаютъ. Естественно, онѣ будутъ замѣнены новыми. Родятъ ли новыя цѣнности люди сообща,—путемъ какого-нибудь движенія, исканія, бунта, борьбы,—или творчество геніевъ родитъ, навяжетъ людямъ свои субъективныя выдумки, или вмѣшаются стихіи природы и своими катастрофами встряхнутъ, направятъ и помогутъ людямъ вступить на новый и лучшій путь? Посмотримъ, посмотримъ!

Не довольствоваться настоящимъ, вѣчно мучительно куда-то рваться, вѣчно ненасытно чего-то хотѣть—вотъ подлинная природа человѣка. Дай человѣку самыя лучшія условія, и онъ, вкусивъ, испытавъ, насладившись ими,—непремѣнно захочетъ другого, еще лучшаго, ему навѣрно станетъ и тошно и душно, и неизбѣжно назрѣетъ бунтъ. Я не могу себѣ представить живого человѣка безъ бунта, все равно въ какія прекрасныя условія его ни поставь. Осмотрится, освоится и сейчасъ же—дальше! И въ этомъ «дальше! дальше!» весь смыслъ человѣка, его ароматъ и стиль.

Знайте, идея человѣка въ природѣ великолѣпна. Человѣкъ когда-нибудь развернется, расцвѣтетъ полнымъ своимъ цвѣтомъ и будетъ на землѣ самымъ прекраснымъ и изумительнымъ цвѣткомъ своего Творца. Теперь же человѣку предстоитъ борьба, борьба за свой расцвѣтъ и ростъ. О, сколько намъ еще предстоитъ! Великая работа ждетъ теперь всякую смѣлую, живую личность. На фонѣ нашей всячески истрепанной, нескладной дѣйствительности ярко вспыхнутъ сильныя, творческія души, живыми факелами пройдутъ они въ жизни, освѣтятъ опутанному, заблудившемуся человѣчеству его истинный путь. А слабые, надорвавшіеся, выродившіеся въ дичь пускай идутъ освѣжиться, отдохнуть, преобразиться въ смерть,— пусть не мѣшаютъ!

Онъ взялъ меня за руку.

— Конечно, я къ вамъ подошелъ не спроста, я наблюдалъ за вами долго и, какъ въ открытой книгѣ, прочелъ на вашемъ лицѣ агонію самоубійцы. О, вы были радостны, пьяно улыбались, но за всѣмъ таилась смерть. Не всякаго самоубійцу я сталъ бы отговаривать. Иному, дѣйствительно, лучше уйти и зря не мучиться. А вы такъ еще молоды, такъ сильны,—вы устали страшно, это видно. Но вы сильная, судя по нѣкоторымъ вашимъ черточкамъ, вы страшно сильная. Мнѣ захотѣлось къ вамъ ворваться, встряхнуть, разсказать, чѣмъ живу, чѣмъ меня жизнь радуетъ. Намъ нужны иногда толчки, и если мнѣ удалось выбить васъ изъ тупика,—я мое дѣло сдѣлалъ. А не

удалось, не смогъ открыть вамъ глаза, не далъ вамъ отъ себя никакой зацѣпки—значитъ, я ошибся, значитъ, тутъ не недоразумѣніе, какъ я рѣшилъ, а что-то другое, что вамъ виднѣй, что можете рѣшить только вы сама. А я вамъ мѣшать не стану. Я протянулъ вамъ руку только для жизни. Если устали,—обопритесь на меня; если въ чемъ нуждаетесь,—возьмите у меня, я хорошо и дружески предлагаю. Я богатъ, очень богатъ, сумѣйте только мое увидѣть и взять. Теперь рѣшите, могу я быть вамъ нуженъ, или мнѣ лучше не мѣшать, уйти?..

Ничего я не могла ему отвѣтить, я только смотрѣла на него не отрываясь, какъ околдованная. Боже мой, какъ онъ былъ хорошъ! Какая удивительная манера говорить. Начнетъ спокойно, тихо, но вотъ лицо вспыхиваетъ, глаза разгораются, становятся большіе, круглые,—точно имъ тѣсно, точно вотъ-вотъ они выскочатъ. Этихъ глазъ и голоса, этихъ вспышекъ тонкаго, нервнаго лица мнѣ никогда не забыть.

Слова льются, какъ музыка, захватываютъ, заставляютъ напряженно слушать, дѣлаютъ что-то свое неотразимое, властное. Точно птица чудесная, бѣлая ворвалась въ мою душу и ликовала тамъ въ буйной радости. Развѣ я могу, развѣ я передала все, что онъ мнѣ тогда говорилъ. Его рѣчи—прекрасныя, стройныя поэмы, и эти поэмы я передаю своими словами—это почти кощунство. Но какъ бы ни были прекрасны его слова, они, можетъ, не тронули бы меня, прахомъ разлетѣлись

бы въ моемъ до смерти отчаявшемся сознаніи, если бы... Да, вотъ это «если бы»—какъ его передать? Тутъ уже колдовство, что-то предопредѣленное, какая-то судьба.

Вокругъ сильныхъ, даровитыхъ людей какъ бы кишмя кишатъ какія-то невѣдомыя существа—микробы что-ли или рѣзвые бѣсенята. Они создаютъ ароматъ такихъ людей и, опьяняя имъ, восхищая, даже бѣся, притягиваютъ къ себѣ всѣхъ и каждаго, устраиваютъ какія-то свои дѣла. И происходитъ здѣсь нѣчто такое, чему мы отводимъ мѣсто уже въ области таинственнаго.

Ароматъ Тетровскаго, его микробы, бѣсенята продѣлали надо мной свою таинственную работу, настолько властную, непоборимую, что прошли уже годы и годы, а я все еще нахожусь въ ихъ власти и, кажется, не освободитъ меня отъ нихъ и смерть.

Долго я молчала, очарованная, сбитая, сама не своя. Тетровскій дѣйствительно сказалъ мнѣ тогда какъ разъ то, что надо было мнѣ слышать. Онъ далъ толчки. И я поняла—какіе, а понявъ, стала плакать какъ-то особенно, легко и какъ никогда въ жизни еще не плакала. Тетровскій давалъ мнѣ новыя, еще невѣдомыя мнѣ чувства и ощущенія.

Онъ не утѣшалъ меня, отошелъ, молчалъ. Когда же я наплакалась, утихла, онъ подошелъ ко мнѣ, заглянулъ въ лицо.

— Ну что, полегчало?

Я посмотрѣла на его улыбающееся лицо и

сама улыбнулась, да такъ хорошо, радостно, какъ, кажется, не улыбалась сроду. Этотъ человѣкъ дѣлалъ меня какой-то другой.

Спросила его:

— Кто вы?

Онъ всматривался въ меня, откинувъ голову и прищуривъ глаза—такъ смотрятъ иногда художники. Сказалъ медленно, цѣдя слова:

— Какъ хорошо вы сейчасъ улыбнулись! Мы жить начинаемъ, это меня радуетъ. И плакали вы отлично, не таясь, по-дѣтски—я люблю у женщинъ такія слезы... Зовутъ меня Тетровскимъ, Сергѣемъ Петровичемъ, докторъ я, хирургъ. И вообще большой чудакъ. Въ свое время узнаете. Теперь же займемся вами. Извольте, мой другъ, исповѣдываться. Посмотримъ, такъ ли ваше положеніе было безнадежно, что, кромѣ смерти, другого и выхода не было. Посмотримъ!

Я совершенно забыла, что предо мной человѣкъ, котораго я вижу сегодня впервые. Казалось, мы старые-старые друзья, встрѣтившіеся послѣ долгой разлуки. Конечно, я разсказала ему все. Когда кончила, онъ взялъ мою руку и поцѣловалъ, не говоря ни слова. Сидѣли молча. Онъ не выпускалъ моей руки, и я чувствовала, какъ его рука взволнованно дрожала.

— Ну, а теперь послушайте, какъ жилъ я.

Онъ сталъ говорить о себѣ, о своемъ долголѣтнемъ пребываніи за границей (гдѣ онъ только не былъ, чего не видѣлъ!), о своихъ работахъ, вкусахъ и мечтахъ. Вольная, кипучая, изящная

развернулась предо мной жизнь, какъ сказка. Ничего похожаго ни на то, что у меня, ни на то, что у людей вообще. Не жизнь, а произведеніе искусства.—Вотъ могутъ же, могутъ люди такъ прекрасно, умно, очаровательно жить! Могутъ, а ты не смогла и никогда не сможешь!

Зависть, гнѣвъ на себя и тоска, тоска. Я задыхаюсь, опять подступили къ горлу слезы, мои старыя, безнадежныя, горькія. Опять заволокло все туманомъ.

Тетровскій тревожно склонился ко мнѣ, по привычкѣ врача, потянувшись къ моему пульсу.

— Что съ вами, дружокъ? Отчего поблѣднѣли, дрожите?

Я пересилила себя, вскочила, заторопилась.

— Домой, надо домой, пора!

Онъ тоже всталъ.

— Идемте, я провожу васъ.

Я спѣшила.

— Да, да, идемъ.

Молча и быстро прошли гору, вышли на улицу. Тетровскій придержалъ меня за руку.

— Погодите, если спѣшите, не проще ли мнѣ васъ отвезти? Кстати, лошадь моя еще тутъ—ѣдемте, да?

Я отказалась нетерпѣливо, рѣзко.

— Не могу ѣхать, мнѣ бѣжать, бѣжать хочется.

Онъ кротко, отечески улыбнулся.

— Ну, хорошо, побѣжимъ, только на минуту васъ оставлю. Иванъ!

Въ нѣсколько быстрыхъ шаговъ онъ догналъ

медленно ѣхавшаго впереди насъ рысака въ дорогой англійской упряжи, отдалъ кучеру приказаніе, указалъ на какую-то неисправность въ экипажѣ, хозяйски потрепалъ лошадь и вернулся ко мнѣ.

— Отправилъ лошадь домой, теперь идемте.

Опять шли молча. Тоски моей какъ не бывало. Я досадовала на себя—чего вскочила, чего спѣшу? Еще бы посидѣли на горѣ, поговорили. Господи, какая я глупая, скоро и домъ! Сознаніе, что съ Тетровскимъ надо сейчасъ разстаться, неожиданно и больно защемило сердце. О, какъ мнѣ не хотѣлось съ нимъ разставаться! Итти бы такъ безъ конца, безъ конца...

Я стала медлить, свернула въ переулокъ, удлинявшій путь. Только бы побыть съ нимъ лишнюю минутку, только бы подышать еще его жизнью, такой особенной. Все мнѣ въ немъ нравилось, все восхищало. Онъ тамъ, на горѣ, очень тонко далъ мнѣ понять, что я ему тоже нравлюсь, что я ему тоже по душѣ. Отъ этого сознанія мнѣ становилось весело, весело, бѣлая птица трепетала во мнѣ еще нѣжнѣй, еще радостнѣй. И опять остаться одной, вернуться опять къ старымъ своимъ мыслямъ и рѣшеніяхъ. Я уже не чувствовала въ нихъ прежняго смысла, не видѣла истиннаго выхода, все перепуталъ во мнѣ Тетровскій, этотъ блѣдный, обаятельный, милый человѣкъ.

Онъ еще болѣе поблѣднѣлъ и какъ-то осунулся.

Я спросила:

— Вы устали?

Онъ немного помолчалъ.

— Не то что усталъ, а скорѣй подавленъ, грустно мнѣ что-то. Подумайте, до чего мы опутаны. На словахъ, въ философіи, въ мечтахъ— чуть-чуть не боги, а въ жизни, въ дѣйствіяхъ— рабы смѣшныхъ условностей. На каждый часъ, на каждый шагъ у насъ шоры. И, думаете, мы отъ этого лучше? Какое тамъ, одна сплошная ложь и грубая, противная. И все такъ. Мы встрѣтились, правда, случайно, но минуты шли за годы, мы такъ хорошо, по настоящему сошлись. Но почему же я не могу сказать вамъ: пойдемте ко мнѣ, поужинаемъ, посидимъ еще, потолкуемъ. Что-то зажимаетъ ротъ, какъ-то неловко, боюсь обидѣть. Вѣдь вы женщина, а я мужчина...

Радость залила меня всю, перехватила духъ. Я взяла его руку, хотѣлось что-то сдѣлать и не знала, не могла сообразить. Странныя, странныя онъ вызывалъ во мнѣ ощущенія. Я смотрѣла ему въ глаза, точно не довѣряя.

Сказала просто:

— И мнѣ не хочется разстаться такъ на улицѣ. Я буду смѣлѣй васъ. Идемте ко мнѣ. Самоваръ мы уже не получимъ, но у меня есть какая-то ѣда, устроимъ на спирту чай, если хотите, кофе.—Идетъ?

Какъ онъ обрадовался.

— Вотъ это хорошо! Такъ и надо ломать предразсудки. Я радъ. Я желалъ этого, но не смѣлъ проситься. О, какъ я радъ!

— И я вамъ рада, я чувствую себя съ вами хорошо, дружески и просто. Да развѣ можетъ

быть иначе послѣ того, что было тамъ на горѣ? Я, можетъ, недаромъ сегодня съ вами встрѣтилась, можетъ, васъ подослалъ ко мнѣ самъ Господь Богъ.

Онъ серьезно сказалъ:

— Можетъ быть, все можетъ быть. О, какъ же я всему этому радъ!

Онъ дѣйствительно былъ радъ, лицо его сіяло отъ нескрываемой глубокой растроганности.

Я взволнованно пошла впередъ. Теперь я снова торопилась—скорѣй, скорѣй! Я возвращалась не одна, а съ нимъ. Онъ мнѣ казался ангеломъ-спасителемъ, чудеснымъ даромъ судьбы. Я знала, я чувствовала—со встрѣчи съ Тетровскимъ у меня начиналась новая жизнь.

Пришли ко мнѣ. Открыли окно въ садъ. Въ комнату пахнулъ ароматъ распускавшихся деревьевъ.—О, какъ хорошо! Какъ давно я не замѣчала сада.

— Смотрите, смотрите, вишня уже цвѣтетъ!

Мы втянули вѣтку въ комнату, любовались, вдыхали ея запахъ. Вспоминалось дѣтство, игра въ женихи и невѣсты. Господи, сколько тогда уничтожалось цвѣтущихъ яблонь, вишенъ, грушъ! И потихоньку, украдкой, чтобы не замѣтили старшіе. И всегда такъ, и вездѣ, гдѣ есть сады и дѣти. Опять, какъ дѣти. У Тетровскаго бѣлая вѣточка въ петлицѣ—женихъ! У меня такая же вѣточка въ волосахъ и букетикъ у пояса—невѣста! Мы оба расшалились. Я готовлю чай, Тетровскій мнѣ помогаетъ умѣло, ловко. Это ему

напоминаетъ студенческіе годы. Вспоминаемъ разные случаи изъ дѣтства и юности, спѣшимъ разсказать, перебивая другъ друга. Весело, радостно! Я, какъ пьяна, не могу оторваться отъ сѣрыхъ, лучистыхъ глазъ, смотрѣвшихъ на меня то нѣжно, то пытливо. Эти глаза, я чувствовала, могли дѣлать со мной, что захотятъ. И не было тревоги, а радость, радость безъ конца.

Подурачились, насмѣялись вволю.

— Ну, спасибо вамъ, мнѣ давно надо было такъ хорошо посмѣяться. А теперь о серьезномъ. Скажите еще что-нибудь о жизни...

Тетровскій загорѣлся.

— Жизнь, мой другъ, прежде всего творчество—да, да, такое же вдохновенное, трепетное, какъ и всякое истинное искусство. Оно требуетъ тоже своей школы, тренировки, своихъ методовъ и честнаго ему служенія. Жизнь требуетъ отъ насъ художества—всегда, вездѣ, во что бы то ни стало. И силы намъ даетъ для этого иной разъ прямо необъятныя. Все дѣло только въ томъ, какъ и на что мы эти силы употребляемъ. На низшемъ развитіи мы все наше творчество употребляемъ на узкое, шкурное, почти звѣриное строительство, а поднявшись надъ шкурнымъ, звѣринымъ, развившись душевно, познавъ всю мощь духовныхъ нашихъ силъ и свойствъ, мы и жизнь нашу творимъ въ томъ высшемъ вкусѣ, стилѣ, что рѣзко отдѣляетъ насъ, людей, отъ всѣхъ остальныхъ животныхъ, дѣлаетъ единственными во вселенной. Животное тупое, свирѣ-

пое страшно цѣпко и прочно сидитъ также и и въ человѣкѣ. И не какъ проклятіе какое-то, не какъ наказаніе за грѣхи—ничего подобнаго, бабьи сказки! А исключительно какъ жизненный матеріалъ. Да, да, милѣйшіе люди, извольте это тупое, свирѣпое, проклятое преодолѣть, смять всякъ по своему стилю, вкусу, образцу—разрѣшается!—и преобразить въ то великое, прекрасное и единственное, что именуется въ мірѣ «гордымъ» названіемъ человѣкъ,—да, да, пожалуйста! Наши условности, наша мораль, наши представленія о добрѣ и злѣ—матеріалы все того же порядка. Въ мастерской жизни ничего нѣтъ ни лучше, ни хуже, все нужно, все одинаково цѣнно. Зло—страшная сила, и въ хорошихъ, разумныхъ рукахъ оно можетъ превратиться въ добро, радость и красоту—да, да, все въ зависимости отъ духа, вкуса и чистоты творчества.

Я присѣла, точно меня хватили дубиной по головѣ.

— Постойте, я чего-то не понимаю,—какъ вы сказали?

Тетровскій спокойно закурилъ папироску и продолжалъ:

— Я говорю, что надо принять также и зло, какъ творческую силу. Не смотрите на меня такими негодующими глазами. Эту силу не мы съ вами выдумали, она кипитъ кругомъ, она существуетъ, можетъ, для того же, для чего существуетъ и добро. Надо понять, признать, что въ наше время, запущенное, слабое, грѣшное,

во многомъ еще страшно звѣрское, на деликатности да благородствѣ далеко не уѣдешь. Быть честнымъ, воевать справедливостью да добромъ значитъ обречь себя на исключительное геройство, на трудное одиночество, а то и полную отрѣзанность отъ людей и жизни. Такъ жили, боролись вы, такъ борятся и другіе... Хорошо, если такое геройство и мученичество удовлетворяетъ. Хорошо, если въ безсиліи, въ безплодіи твоего добра, въ твоей гибели на посту честной службы ты чувствуешь свято исполненный долгъ. А если нѣтъ? Что тогда? Сходить съ ума, спасаться въ смерть, какъ хотѣли вы, какъ дѣлаютъ другіе,—развѣ это выходъ, развѣ это честно? Чѣмъ запущеннѣй, страшнѣе жизнь, тѣмъ энергичнѣй надо ее очистить, спасти, преобразить въ болѣе разумное и людей достойное. Тутъ нужны силы, тутъ надо работать и своего достигать, а вы сдаетесь, отступаете, пасуете, какъ жалкіе нѣженки и трусы. Если наша жизнь безобразная, страшная, то, знаете, къ чему это насъ всѣхъ обязываетъ? Знаете, знаете?

Онъ наступалъ на меня гнѣвный, негодующій.

— Ага, молчите, трусиха вы несчастная! Хочужелаю, чтобы на свѣтѣ было хорошо, разумно, какъ мнѣ нравится, а не будетъ по моему— сбѣгу въ смерть. Да что же это такое? Нѣтъ, голубчики, если засучилъ рукава, если совѣсть потребовала очищать, улучшать, бороться, то борись, чтобы у тебя выходило дѣло, чего ты хочешь, чего ты добиваешься. Не помогаетъ

одно, бери другое, третье, десятое, вооружайся иначе и добивайся, добивайся своего во что бы то ни стало!

У меня сорвалось:

— Странныя вещи вы говорите. Если кругомъ актерствуютъ, мошенничаютъ, лгутъ, всякими правдами и неправдами своего добиваются, такъ и я должна такъ вооружаться?

Тетровскій кричалъ:

— Да, да, непремѣнно! Ложь, умѣнье хорошо притворяться—сила страшная, чудотворная. Посмотрите, что сообразительные люди съ этой силой натворили. И какъ крѣпко, прочно—о, этихъ глыбъ деликатнымъ оружіемъ не сдвинуть! Тутъ надо вооружаться по врагу. Считаете теперешнее жизненное творчество людей плохимъ, не настоящимъ, врывайтесь въ ихъ творчество съ вашимъ. Хотите осилить ихъ, утвердить ваше болѣе человѣчное и разумное—вооружайтесь по врагу, тѣсните его его же оружіемъ—да, да!

Я тоже разозлилась.

— Теоретическія разсужденія! А коснется дѣла, окажутся законы, преступить которые мы не можемъ, такъ какъ кромѣ законовъ, выдуманныхъ людьми, есть еще законы, крѣпко навязанные намъ вмѣстѣ съ нашимъ человѣчьимъ обликомъ.

Тетровскій подскочилъ отъ удовольствія.

— Совершенно вѣрно! Есть нравственность и нравственность. Я, напримѣръ, никогда не смогъ бы лишить жизни моего врага. Такой спо-

собъ борьбы кажется мнѣ некрасивымъ, звѣрскимъ. Это говоритъ мнѣ моя нравственность, мой человѣчій вкусъ. Они замучаютъ меня, если я отъ этого закона уклонюсь. Во всемъ же остальномъ, кромѣ убійства, чтобы ослабить, осилить моего врага, смять и его въ глину, заставить его послужить мнѣ, вылѣпить изъ него, что я хочу, я разрѣшаю себѣ воевать, какъ подсказываетъ мнѣ моя стратегія, вкусъ и темпераментъ. Тутъ я чувствую себя не только на положеніи борца, но и отвѣтственнаго за свою работу художника. Тутъ уже совсѣмъ иной подходъ къ жизни, совсѣмъ иной на все взглядъ. Тутъ я не буду опутывать себя всякой чортовщиной. Всмотритесь внимательно въ наши условности, эти наши выдумки, и вы увидите, сколько тамъ чертовщины, которой мы сознательно морочимъ головы и себѣ и другъ другу! Тутъ я буду дѣйствовать, какъ подскажетъ мнѣ мой творческій разумъ и вкусъ самодержавнаго художника, знающаго, за что онъ взялся, чего хочетъ. Все должно служить моему заданію, все, за что я берусь, должно пріобрѣтать въ моихъ рукахъ какую я хочу и люблю форму. Достигъ я своего, утвердилъ то прекрасное, разумное, нужное, чѣмъ горѣлъ,— значитъ, мое горѣніе, моя работа оправданы. Взятый для этого матеріалъ, повторяю, все равно какой, за исключеніемъ убійства, согрѣтъ, очищенъ, преображенъ и утерялъ свои такія или иныя свойства. Онъ служилъ мнѣ и достигнутымъ облагороженъ, измѣненъ, утвержденъ въ

жизни уже иначе. Вотъ вамъ и законъ и право строителя и мастера.

Повѣрьте, наша теперешняя мораль для однихъ—такая легкая, покладистая, гибкая, для другихъ—опутывающая, самоубійственная и безплодная, въ жизненной кипучкѣ превратилась въ плохое изданіе очень плохихъ мастеровъ... Мы переросли такую мораль. Наше время, наши человѣчьи задачи требуютъ отъ насъ иной морали, болѣе стойкой, разумной и обязательной для всѣхъ. И такая мораль будетъ, ее родятъ и утвердятъ въ жизни болѣе сильныя, совершенныя и творческія души. Сейчасъ же идетъ борьба, борьба за рожденіе и утвержденіе новыхъ нашихъ цѣнностей. А потому все старое, изжитое, не отвѣчающее нашему духу и вкусу, должно быть смято, собрано въ кучу, какъ матеріалъ, изъ котораго мы будемъ лѣпить наше новое, намъ теперь нужное. Надо пересмотрѣть наши условности глазами подлиннаго хозяина, надо перестать ныть, критиковать жизнь, вопить на людей, разоблачать ихъ и стыдить, что все время дѣлаютъ наши многіе писатели и художники. Спасибо, будетъ, разъяснили, больше некуда!— Пора перейти къ дѣлу, начать измѣнять, облагораживать нашу жизнь не словами да уличеніемъ, а дѣйствіями, творчествомъ въ самой жизни—да, да, довольно разсуждать, пожалуйте! Коли такъ много видите, да понимаете, вотъ и покажите, какъ надо по настоящему человѣку

жить, а мы, глядя на ваше разумное да подлинное, тоже, смотри, не отстанемъ...

Вотъ и закипитъ у насъ работа на иныхъ началахъ, на иномъ основаніи. И, Господи, чего, чего только человѣкъ не сможетъ сдѣлать, если этого сильно, страстно, самозабвенно захочетъ. Ну, а побѣдителей, какъ извѣстно, какъ-то иначе судятъ...

У меня голова пошла кругомъ. Я кричала:

— А, все тоже, іезуитское—цѣль оправдываетъ средства! Слыхали, знаемъ! Ложь, шарлатанство, какъ ихъ ни украшай, чего къ нимъ ни пристегивай, всегда будутъ оружіемъ очень сомнительнаго качества...

Тетровскій усмѣхнулся и процѣдилъ:

— Ну, это смотря, въ чьихъ рукахъ...

А я свое:

— Ложь, жульничество всегда будутъ гадостью, настоящаго добра не смогутъ дать, настоящей радостью, красотой здѣсь не запахнетъ. Въ такое спасеніе я не вѣрю. Ваши новые люди могутъ не приходить,—гадости у насъ и безъ нихъ довольно. «Факелы, освѣщающіе человѣчеству путь»—такъ вотъ они каковы!.. Отъ этихъ факеловъ можетъ пойти только вонь да копоть.

Тетровскій что-то чертилъ въ записной книжкѣ. Отвѣтилъ спокойно:

— Ну, что жъ, мы такъ тогда и запишемъ, чтобы люди, глядя на эти убогіе факелы, учились, чего не надо дѣлать. Ошибки великолѣп-

ная вѣщь! Ужасная вы фанатичка традиціонныхъ пережитковъ. Захваченная однимъ, многое проглядѣли. Когда слушаешь васъ, тоже приходитъ въ голову: «теоретическія разсужденія». Слѣдовало бы вамъ задать хорошей практики, но Богъ съ вами, пусть васъ поучитъ сама жизнь. А я повторяю: жизнь—искусство и вдохновенное, трепетное. Все, что мы видимъ, все, что вокругъ насъ лежитъ—это матеріалъ, изъ котораго мы лѣпимъ нашъ образъ, наше подобіе, наши идеалы, вѣру и мечты. Въ нашей теперешней жизни потому такое запустѣніе и дичь, что этимъ великимъ строительствомъ, этимъ необходимымъ искусствомъ завѣдуютъ у насъ не подлинные, безкорыстные художники, а сапожники, наемники и торгаши. Ну, они и наложили на все свои печати. И не виноваты: что имѣютъ, то и даютъ. А вы, понимающіе, видите все ихъ убожество и возмущаетесь, мучаетесь, доказываете изо всѣхъ силъ, часто до могилы, что вы другіе, не такіе, какъ они, что вы куда выше ихъ, куда честнѣй и благороднѣй. Они царятъ, а вы доказываете. Они утверждаютъ свое убожество, а вы страдаете, сходите съ ума, убиваете себя съ отчаянія, а то, въ качествѣ бунтарей, и въ тюрьмѣ побываете и на плахѣ... Черезъ эту нелѣпость прошелъ, также и я, пока не понялъ, что мы, честные, благородные, жизни также нужны и не какъ несчастныя, безсильныя, замученныя жертвы, а какъ смѣлые, разумные, знающіе свое дѣло творцы. Пора перестать доказывать,

какъ мы мучиться, какъ славно умирать умѣемъ. Надо начать доказывать, что мы и жить умѣемъ и добиваться своего также. Опытъ показалъ, что честностью да благородствомъ въ той формѣ, какъ мы практиковали, нельзя одолѣть, очистить, преобразить наше жизненное запустѣніе. Тутъ надо вооружаться иначе, серьезнѣй и по бѣдѣ. Съ сапожниками, если вы хотите ихъ одолѣть, утвердить въ жизни что̀ вы считаете болѣе разумнымъ и нужнымъ,—съ ними тоже надо бороться ихъ же оружіемъ, такъ какъ ваше деликатное да благородное будетъ для нихъ слишкомъ неуязвимымъ, слишкомъ нѣжнымъ. Жизнь требуетъ отъ насъ художества и только оно, повторяю еще и еще разъ, можетъ очистить, преобразить своимъ великимъ, самоотверженнымъ горѣніемъ нашу человѣчью жизнь. Наша жизнь, наше запустѣніе требуетъ своихъ художниковъ, и они придутъ, они уже есть. И весь жизненный матеріалъ, въ томъ числѣ и нашу нравственность и наши представленія о добрѣ и злѣ, о скверномъ и хорошемъ, они пересмотрятъ, переработаютъ, утвердятъ въ духѣ теперешняго времени, нашего роста и нашихъ человѣческихъ задачъ.

Позвольте представиться, я одинъ изъ такихъ художниковъ, одинъ изъ тѣхъ творцовъ живой жизни, который, если за что взялся, такъ знаетъ, что̀ у него выйдетъ... Ну, мой другъ, довольно разсужденій,—будемъ жить. Вотъ вамъ слѣдующій номеръ, такъ сказать, къ порядку дня...

Я была оглушена, многое не укладывалось въ моей головѣ. Я была встревожена за него, точно онъ запутался и очень страшно. То чувствовалась мнѣ въ его словахъ и утвержденіяхъ какая-то подлинная и нужная намъ правда. Тревога, грусть сжимали сердце. Совершенно машинально взяла я поданный мнѣ Тетровскимъ листокъ, вырванный изъ записной книжки. Съ куска бумаги на меня глянуло мое собственное лицо съ комическимъ выраженіемъ такой отчаянной, безнадежной скорби, что на рисунокъ безъ смѣха нельзя было смотрѣть.

Грусти моей какъ не бывало.

— Не знаю, какой вы художникъ въ жизни, но въ живописи вы мастеръ большой и несомнѣнный.

Онъ раскланялся.

— Совершенно вѣрно! Смѣю сказать, и въ остальномъ я не хуже. Не изъ самохвальства говорю, а ради истины. Боже, какія силы въ насъ кипятъ, какія мы носимъ въ себѣ залежи богатствъ! Знаю я себя отлично, но иногда такіе неожиданные сюрпризы изъ насъ выскакиваютъ, о-о!..

Онъ стоналъ отъ смѣха.

— О, если бы вы знали!.. Это я вамъ непремѣнно разскажу. Посмѣйте только сказать, что тутъ не подлинное творчество. Жилъ я какъ-то въ Бернѣ, въ семьѣ одного француза...

Я утомилась, слушала разсѣянно и смотрѣла, смотрѣла не отрываясь, какъ жило, вспыхивало,

разгоралось его милое, выразительное лицо. Колдунъ! Сказочникъ!

Я забылась. Горячая, нервная рука коснулась моихъ рукъ.

— Мой другъ, вы перестали меня слушать, я утомилъ васъ, да?

Я очнулась.

— Нѣтъ, нѣтъ, я только задумалась.

— Сознайтесь, пока я говорилъ, вы обдумали всѣ ваши дѣла, да?

— Нѣтъ, о васъ я думала.

Онъ поклонился.

— Благодарю, это меня успокаиваетъ. Итакъ, мы непремѣнно должны поѣхать съ вами въ Тровянку.

Я недоумѣвала.

— Куда?

Онъ разсмѣялся.

— Великолѣпно! А я-то расписывалъ! Интересно: что же вы слышали? Ну, не смущайтесь, я повторю, но на этотъ разъ извольте слушать. Кромѣ всего, что вы пропустили о французѣ, я говорилъ еще вамъ о моихъ старикахъ, о нашемъ гнѣздѣ—милой Тровянкѣ. Это имѣніе прапрадѣдовское. Я его особенно люблю. Остался я въ немъ теперь одинъ. Мама умерла недавно, отецъ уже давно. Такихъ уголковъ, какъ наша Тровянка, осталось мало на Руси. Домъ, конечно, бѣлый, съ необъятной лѣстницей, колонны всѣ въ плющѣ. О, если бы вы знали, какъ тамъ просто, уютно и хорошо! Ѣзды туда 6 часовъ, совсѣмъ

съ лошадьми. Главное же, я хотѣлъ бы показать вамъ пруды и нашихъ лебедей. Ихъ много, это любимая, завѣтная птица нашей семьи. Среди лебедей есть мой ровесникъ. Мы появились съ нимъ на свѣтъ въ одинъ день и часъ. Мы росли вмѣстѣ, мама дрожала надъ нимъ совершенно, какъ надо мной. Почему-то она насъ связала,— и умирая крѣпко наказывала всѣмъ беречь моего лебедя. Я не суевѣренъ, но временами чудится, что между мной и лебедемъ есть какая-то таинственная связь. Серьезно, онъ всегда чувствуетъ мой пріѣздъ. Говорятъ, волнуется, заглядываетъ все на дорожку, не иду ли я. А меня, когда пріѣду, сейчасъ же тянетъ на прудъ. Я знаю, чувствую, какъ онъ меня ждетъ. Вы должны его увидѣть, поѣдемте, пожалуйста!

— Хорошо, поѣдемъ.

— А запущенный садъ вы любите?

— Еще бы!

— Вамъ должны понравиться наши липы. Онѣ тянутся отъ воротъ прямо къ дому длиннымъ, густымъ, многовѣковымъ, прелестнымъ коридоромъ. Въ Тровянкѣ много розъ, — любите вы розы?

— Не всѣ, я люблю самыя бѣлоснѣжныя и самыя темныя,—другихъ не люблю.

Тетровскій какъ-то странно взволновался.

— Это меня радуетъ. Розы моя страсть и именно самыя бѣлоснѣжныя или темныя. Я полюбилъ розы въ особенности послѣ смерти мамы. Онѣ много говорятъ о ней...

Замолчали. Тетровскій сидѣлъ на кушеткѣ, утомленно откинувъ голову, закрывъ глаза и скрестивъ на груди руки. Не таясь, съ восхищеніемъ смотрѣла я на него, чувствовала, какое огромное мѣсто занялъ онъ въ моей душѣ. Хотѣлось запомнить каждую его черточку, каждую складку одежды.

Мнѣ бросилось въ глаза его особенное отношеніе къ своимъ рукамъ. Какъ застѣнчивая дѣвушка прячетъ отъ любопытныхъ взоровъ свое лицо, такъ не выносилъ Тетровскій, когда на его руки смотрятъ. А онѣ у него очень хороши. Я какъ-то засмотрѣлась на нихъ. Замѣтя это, онъ весь передернулся, сейчасъ же спряталъ руки, а сѣрые глаза недовольно сверкнули:—не смѣй смотрѣть! Вотъ и сейчасъ онѣ у него спрятаны. Удивительная для мужчины и очень трогательная черта. Боже мой, что дѣлалъ со мной этотъ блѣдный человѣкъ съ цѣломудренно скрещенными руками. Смотрѣла я на него и теряла понятіе о времени и мѣстѣ. И одного безумно хотѣла душа, чтобы эта сказка, весенняя, душистая не обрывалась никогда, никогда...

Но конецъ пришелъ. Тетровскій вдругъ вскочилъ, посмотрѣлъ на часы и виновато улыбнулся.

— Однако, мы засидѣлись. Вамъ надо прежде всего хорошенько выспаться. У васъ видъ человѣка не спавшаго много-много ночей. Затѣмъ, вамъ надо серьезно, хозяйски пересмотрѣть все, чѣмъ вы до сихъ поръ жили. Готовъ служить, какъ экспертъ. Васъ жизнь тревожитъ, вы луч-

шаго для людей хотите и въ сущности еще не знаете, какой должна быть теперь мать, къ чему это ее должно обязывать. Не забывайте, люди— тѣ же дѣти, имъ нужны также и сказки, и игрушки. И что же это за мать, если не умѣетъ за своихъ дѣтей постоять, не идетъ ради нихъ на жертвы? Объ этомъ мы съ вами будемъ еще говорить.

Онъ торопливо искалъ шляпу, палку. Нашелъ, протягиваетъ руку.

— До свиданія, нехорошая мамаша! Я радъ, что вы столкнулись именно со мной. Потомъ...

Онъ запнулся, посмотрѣлъ на меня, сказалъ тихо:

— И за себя радъ. Сегодняшній вечеръ я никогда не забуду!

Мнѣ хотѣлось плакать, вцѣпиться, не пускать. Напрягла всѣ мои силы, все подавила, на пожатіе руки отвѣтила пожатіемъ, улыбнулась, просила заходить—все чинъ-чиномъ. А въ душѣ... что дѣлалось въ моей душѣ!..

Вотъ онъ на порогѣ изящнымъ жестомъ еще разъ приподнялъ шляпу:

— Да свиданія!

И дверь закрылась. Я присѣла,—какая пустота, тоска! Зачѣмъ ушелъ? Какъ могъ уйти? Боже мой, да развѣ можно теперь уходить? Всю душу вынулъ, унесъ съ собой. Я—уже не я. Все во мнѣ сбилъ, смялъ. Именно, лѣпитъ по-своему.

Что это—наваждeніе или правда?

Я застыла въ тоскѣ. Не знаю, сколько про-

шло времени. Снова заскрипѣла дверь. Я обмерла, вскочила. На порогѣ стоялъ Тетровскій, странный, взволнованный. И голосъ точно не его.

— Знаете, не могъ я такъ уйти, не могъ, вернулся.

Какъ я къ нему бросилась, какъ ликовала.

— Не ушелъ! Не можешь—это правда? Повтори, повтори еще разъ. Ты могъ такъ уйти? Это—обыкновенно, это—не ты.

Вся моя нѣжность къ нему вырвалась, необузданно, стихійно.

Тетровскій улыбался, какъ пьяный.

— Это обыкновенно, это не я—вѣрно, милая, вѣрно!

Онъ цѣловалъ мои руки, нѣжно гладилъ голову, говорилъ тихо, тихо. Сказка разгоралась—ничто, ничто меня тогда не удивило бы!—все казалось простымъ, естественнымъ.

Тетровскій говорилъ:

— Мы не должны больше разставаться. Это я почувствовалъ, какъ только вышелъ. Съ каждымъ шагомъ я сознавалъ, что дѣлаю не то. Тревога мной овладѣла ужасная, тоска томила, пока не повернулся и не побѣжалъ къ вамъ обратно. Какъ я бѣжалъ, какая мной овладѣла за васъ тревога, какъ счастливъ я, что вернулся, что все идетъ, какъ должно быть. Бываютъ въ жизни какія-то предопредѣленія,—такова и наша встрѣча. Я это вижу, знаю и нечего намъ тутъ много мудрить. Ты мнѣ по душѣ, я тебѣ тоже, я не нашелъ себѣ до сихъ поръ жены по вкусу

и понимаю, почему... О, Господи, подумать только, что я могъ не быть сегодня на Днѣпрѣ, наша встрѣча могла не состояться! Что мы знаемъ изъ того, что творится вокругъ насъ? Жизнь, жизнь, очаровательный художникъ, какъ я тобой восторгаюсь! И повинуюсь. Эту женщину ты мнѣ послалъ не зря... Милая, ты вѣришь мнѣ, берешь меня въ мужья? Бери, я именно тотъ, кого тебѣ не достаетъ. Я твой...

Я чуть не лишилась чувствъ. Онъ мой! Ничего не помню, ничего не знаю. Не жила до сихъ поръ, только теперь родилась, только теперь жить начинаю. Да, вотъ она жизнь, вотъ какова, а я то думала...

— Милая, не мучь, скажи: берешь меня? Согласна?

Ничего не могла я сказать, не было голоса, не было настоящихъ словъ. Я опустилась у его ногъ, крѣпко обняла его колѣни и этимъ сказала все.

Онъ ликовалъ.

— Что мы знаемъ, что мы знаемъ, о, глупцы! Сейчасъ творится художество, предъ которымъ надо склонить головы, постараться быть достойными такого чуда. Не будемъ только медлить. Жизнь такъ огромна, столько намъ поручено въ ней сдѣлать. Скажи, развѣ не чудо, не сказка наша встрѣча? Не будемъ же дремать. Прежде всего, думаю, намъ надо повѣнчаться. И лучше всего въ Тровянкѣ, въ нашей милой, старой церкви... Я люблю наши обряды, много

въ нихъ декоративнаго, нашего людского и наивнаго, наивнаго, какъ можетъ быть только у дѣтей. Я съѣзжу въ Тровянку, все приготовлю. О, какъ ты должна перемѣниться! И ты уже перемѣнилась за одинъ вечеръ. Что же будетъ дальше? Ты должна у меня переродиться вся съ ногъ до головы. Я хочу тебя видѣть пьяной отъ радости жизни, сумасшедшей отъ счастья. Милая, милая, сойдемъ съ ума!..

Онъ крѣпко обнялъ меня. Вдругъ стонъ, руки его разжались, голова безсильно откинулась, онъ прошепталъ чуть внятно:

— Воды, мнѣ нехорошо...

Я принесла воду, терла одеколономъ ему виски, не знала, что дѣлать отъ страха и жалости. Одинъ моментъ мнѣ казалось, что онъ умираетъ. Надо было бѣжать, позвать людей, доктора, а онъ судорожно вцѣпился въ меня и не пускалъ. Какая страшная, невыносимая минута. Но вотъ ему стало лучше, онъ открылъ глаза, прошепталъ:

— Не пугайся, ради Бога, не пугайся! Это у меня бываетъ, это пройдетъ. Надо мнѣ только лечь поудобнѣй—ниже, пожалуйста, ниже подушку. Такъ хорошо, спасибо, другъ! Однако, какой я становлюсь нѣженка,—всякое сильное волненіе стоитъ мнѣ обморока. Сегодня я много волновался, опаснаго ничего нѣтъ, мнѣ надо полежать тихо, тихо. А ты, родная, можешь меня полѣчить: мнѣ хорошо сейчасъ чашку чернаго кофе. Ну, что я за мужчина, кисейная барышня...

Слабый, растерянный, какъ-то особенно, по новому изящный, трогательный, онъ чрезвычайно волновалъ мою душу. Я не знала, какъ обращаться съ нимъ, отъ охватившихъ меня нѣжности и восхищенія. Я помогла ему устроиться на кровати поудобнѣй, сварила кофе. Онъ пилъ его маленькими глотками.

Говорилъ тихо, отрывисто:

— И все послѣ того случая. Какъ-то въ Берлинѣ я дѣлалъ операцію—на меня была вся надежда. Оказалось, поздно, больной умеръ у меня подъ ножомъ. Ахъ, какое ужасное, не передаваемое ощущеніе,—тогда я испыталъ его впервые! Нервы не выдержали, я свалился. Съ тѣхъ поръ—радость ли сильная, горе ли, сейчасъ валюсь. Это не опасно, со временемъ можетъ пройти безслѣдно—да, да, пожалуйста, не горюй... Мнѣ хорошо сейчасъ уснуть.

Помолчалъ, потомъ сказалъ заплетающимся языкомъ:

— Тебѣ я отдамъ мою любимую комнату, угловую. Тамъ мой храмъ, тамъ есть и боги, ты ихъ полюбишь, я знаю...

Лицо его передернулось мучительной гримасой.

— О, эта боль въ вискахъ. Вѣки полны свинца. Противная, знакомая сонливость. Какая оскорбительная безпомощность—свалитъ тебя, скрутитъ. А вѣдь я очень сильный. Не плохой, говорятъ, хирургъ. Не пугайся, пожалуйста, высплюсь—и все пройдетъ, точно ничего не бывало. И такъ

всегда, вотъ увидишь... Милая, милая, какъ я сейчасъ усну!

Блаженная улыбка разлилась по лицу Тетровскаго, вѣки закрылись, онъ уснулъ мгновенно, крѣпко.

— Спи, милый!

Тревога прошла. Я видѣла, какъ онъ еще молодъ, силенъ. И вѣрилось, что недугъ въ немъ случайное недоразумѣніе. Я спустила штору, заслонила свѣтъ отъ лампы и устроилась на кушеткѣ. Въ головѣ, въ сердцѣ хаосъ ощущеній,—слишкомъ много неожиданно нахлынуло всего. Стала перебирать случившееся. Голова отяжелѣла, и я забылась сномъ. Сколько спала—не знаю. Проснулась же вдругъ, какъ отъ толчка. Въ комнатѣ раздавалось дыханіе крѣпко спящаго человѣка.

Сонъ освѣжилъ меня, я отдалась мечтамъ.

Конечно, чудо! Конечно, сказка! И главное, все это должно быть, на роду у насъ наша встрѣча написана—да, да, это несомнѣнно! Какая перемѣна, какъ все углубилось, расширилось—все, все по иному и съ нимъ! Боже, какъ хорошо! Только бы мнѣ не задохнуться отъ радости, отъ счастья...

Въ окно давно пробивался свѣтъ. Посмотрѣла на часы. Оказалось, забыла ихъ завести, и они стали. Я призадумалась. Непремѣнно надо узнать, который часъ, непремѣнно надо, чтобы онъ ушелъ до прихода Глаши съ самоваромъ. Непріятная она, циничная. Не хочу, чтобы ея грязныя уста трепали нашу сказку.

Мнѣ вдругъ представилось, какъ она будетъ хихикать, съ противными ужимками сообщать на дворѣ, на кухнѣ, въ лавочкѣ и каждому, кто ни подвернется, интересную новость:

— Милыя, а у нашей то тихони хахаль. Прихожу я это утромъ...

Нѣтъ, нѣтъ, Сергѣй долженъ уйти. Она не должна его утромъ видѣть.

У меня было такое ощущеніе, точно я должна была защищать мою радость отъ укуса противной, ядовитой змѣи. Эта, въ сущности, мелочь, съ которой я никогда не стала бы серьезно считаться, вдругъ пріобрѣла въ моихъ глазахъ огромное значеніе.

Удивительная ночь, удивительныя, необычныя мысли и ощущенія! Только потомъ видишь, какъ у насъ все перепутано, какъ одно тянетъ за собой другое.

Мной овладѣло необычайное безпокойство и нетерпѣніе.

Я должна узнать, который часъ, должна разбудить Сергѣя. Посмотрѣть, не вынулъ ли онъ свои часы.

Тихо подошла къ кровати. Тетровскій снялъ башмаки, воротничокъ, сюртукъ и сладко спалъ, укрывшись одѣяломъ. Мягкіе волосы разметались по подушкѣ, на полуоткрытыхъ губахъ все та же блаженная улыбка.

Милый, раздѣлся, а я не слышала, когда. Конечно, такъ удобнѣй. Вонъ жилетъ, тамъ у него часы,—удача!

Осторожно двигаясь, я понесла жилетъ къ свѣту. Нашла часы, они показывали начало пятаго. Времени было довольно, пускай поспитъ. Часы удивили меня,—простые, вытертые по бокамъ до мѣди.

Странные часы. Навѣрно, дороги ему по какимъ-нибудь воспоминаніямъ. Положила часы, отнесла обратно жилетъ. Кладя его, я не замѣтила лежащихъ тамъ манжетъ, задѣла ихъ, онѣ шумно упали на полъ. Я замерла, думала—разбудила. Тетровскій не шелохнулся, продолжая спать. Осторожно подняла манжеты—и обомлѣла надъ ними. Онѣ больше часовъ поразили меня: давно ношенныя, грязныя, поддѣлка изъ бумаги, такъ называемая «Монополь».

Тупо смотрѣла на нихъ, чувствуя, что вотъ-вотъ надо мной должно разразиться что-то неожиданное и страшное.

— Не надо, не надо, я ошибаюсь, это не то. А что же? Развѣ эту грязную копеечную «Монополь» можетъ носить состоятельный докторъ? Тутъ что-то не такъ. Онъ зачѣмъ-то обманулъ меня. Боже, какъ стоптаны его башмаки. И заплата, настоящая заплата бѣдности. А костюмъ новый, модный, дорогой. Шляпа порыжѣла отъ давности. Наваждѣніе или правда—какая, какая правда? Зачѣмъ ему понадобилось обманывать меня? Неужели онъ думалъ, что мнѣ нужно богатство. Что же онъ хотѣлъ этимъ прикрыть?

Сомнѣнія, какъ змѣи, ползутъ, забираются въ самые сокровенные тайники души и шипятъ, ши-

пятъ. Движимая почти паническимъ страхомъ, я схватила жилетъ, сюртукъ и понесла ихъ къ свѣту. На нихъ вся надежда, они все разскажутъ, ничего не утаятъ.

Не отдавая отчета, что дѣлаю, я рѣшительно полѣзла въ карманы. Вотъ портмонэ, старое, засаленное, въ немъ нѣсколько монетъ мѣдныхъ и одна серебряная. Почтовая квитанція. Записная книжка, счетъ прачки, паспортъ.

— Вотъ она, вотъ она правда! Выворачивай всю до чиста!

Паспортъ на имя Петра Ивановича Жалкина. Письмо тоже ему адресовано, счетъ прачки также.

— Онъ не Тетровскій, не докторъ, а мѣщанинъ изъ Орла. Пойдемъ до конца. Что ему пишутъ, кто же онъ таковъ?

Письмо помѣчено 10-мъ, три дня назадъ получено. Развернула письмо, читаю:

«Петро, ты начинаешь меня не на шутку злить. Какъ что, не угодно ли ихъ милость искать по всему городу. Посылаю Захара въ послѣдній разъ, такъ и знай. Теперь къ главному. Во-первыхъ, статья твоя принята, заинтересовались очень. Еще бы, ты преталантливая, надо сказать, бестія. Разспрашивали, кто да что, а объ авансѣ «ни полслова». На это они всегда туги, хотя, въ виду успѣха, зайди, можетъ, и дадутъ. Во-вторыхъ, у меня больше ночевать нельзя (понимаешь, побѣда полная). Охъ, никто не знаетъ, во что обошлась мнѣ эта красивая кошечка.

Да, еще разъ прошу, не носи, пожалуйста, мои

костюмы, пойми, братъ, это неудобно. Впрочемъ, чортъ съ тобой, бери коричневый, дарю на радостяхъ за одержанную побѣду, которой премного обязанъ также и тебѣ. Ну и артистъ же ты по части художественной словесности. Восторгаюсь тобой, ей Богу. И отъ истины не уклонился и въ то же время такого шуму, шику, треску напустилъ, что чортъ тебя знаетъ откуда только у тебя все берется.

Не забудь четвергъ и непремѣнно приготовь куплеты. Да не стѣсняйся, братъ, продерни-ка хорошенько Адельку и шельму Иванова, они достойны твоего вдохновенія.

Такъ вотъ ко мнѣ, значитъ, ни-ни. Зная твое умѣнье устраиваться, заблаговременно предупреждаю. Потомъ опять ко мнѣ, скажу—когда, а до того не лѣзь.

На томъ прощай.

К. Нильскій».

Боже, какъ грубо, какъ больно оборвалась чудесная сказка! Столько далъ и такъ отнялъ. Проклятая жизнь, еще разъ ты надо мной насмѣялась, натѣшилась! Чудо, гдѣ мое чудо? О, хотя бы сойти съ ума, забыть, не чувствовать! А голова ясна, трезва. Минуты тянутся невыносимо—тяжкія и долгія, долгія, какъ годы. Столько пережито—не разсказать. Подошла къ спящему. Какимъ далекимъ, ужаснымъ казалось его красивое лицо.

Сладко спитъ, хорошо устроился. Какъ заговорилъ, одурилъ,—ничего не замѣтила, ничего не разобрала. Авантюристъ! Актеръ! Лгунъ! Тро-

гательное цѣломудріе рукъ, чтобы скрыть грязные манжеты—о, художникъ! И какіе штрихи. Одна лошадь чего стоитъ, чужая, случайно подвернувшаяся подъ творческую руку. Ничего я не слышала изъ его разговора съ кучеромъ, но для меня несомнѣнно было одно: такъ держаться могъ только хозяинъ. И все естественно, красиво, чисто. Да, «жизнь есть творчество». Спаситель, мудрецъ, философъ—и только ради того, чтобы устроиться на ночь... Бѣдное сердце, какъ надъ тобой надругались! «Зная твое умѣнье устраиваться»... Боже, да развѣ я не пустила бы? Скажи, что бѣденъ, что нѣтъ своего угла, развѣ не раздѣлила бы съ радостью все, что имѣю? Зачѣмъ такая ложь, ненужная, безсмысленная? И я полюбила этого бездушнаго лгуна? А дальше, что могло быть дальше?!.

Картины одна ужаснѣй другой рисовались моему воображенію. Не могла я больше его видѣть, подлѣ себя терпѣть. Разбудила его, крича:

— Вставайте, уходите сейчасъ, немедленно, а то я не отвѣчаю за себя. Ахъ, вы несчастный лгунъ, актеръ, обманщикъ! Ха, ха, ха, спаситель! Этого, этого мнѣ еще не доставало!

Онъ проснулся. Отуманенная сномъ голова никакъ не могла понять причины моего гнѣва.

— Одѣвайтесь, Петръ Ивановичъ, уходите, мнѣ тоже отдохнуть надо. Пустячный случай открылъ ваше инкогнито. Да и уроки ваши не пропали даромъ. Я взяла по васъ оружіе, сдѣлала явную подлость и узнала, кто вы. Вамъ придется внести въ вашу стратегію нѣкоторыя поправки...

Онъ засуетился, озабоченно шепча:

— Вотъ это мнѣ не нравится. Какая досадная случайность, ахъ, я воловая голова! Бѣдная, бѣдная, пережить такія минуты—никогда этого себѣ не прощу. Я желалъ вамъ практики, но все же не такой,—это слишкомъ жестоко!

Онъ быстро одѣвался, гнѣвно ворча. Подскочилъ ко мнѣ, торопливо завязывая галстухъ.

— И чего вы полѣзли въ карманы? Вотъ ужъ никогда не могъ этого предвидѣть. Очень надо было всякую дрянь читать. Сами себя наказали.

— Перестаньте, карманы не лгутъ!

— Конечно, не лгутъ. Ахъ, бѣдная вы моя!

— Не издѣвайтесь, не фокусничайте, довольно—уходите!

— Сейчасъ иду. И не издѣваюсь я, напрасно думаете. Я очень огорченъ, этого не поправить. О чортъ, въ жизнь себѣ не прощу!

Онъ съ такимъ неподдѣльнымъ огорченіемъ схватилъ шляпу, палку, съ такимъ дѣтски-трогательнымъ сожалѣніемъ смотрѣлъ на меня, что я почувствовала себя сбитой. Опять повѣяло на меня прежнимъ очарованіемъ.

Онъ взволнованно мялъ шляпу.

— Не знаю, какъ мнѣ съ вами быть. Тутъ не все такъ, какъ должно казаться. О, какое у васъ несчастное, убитое лицо! Это ужасно! Поймите, надо и горе переносить съ достоинствомъ, красиво. Не могу васъ такой видѣть. Все объясню, вы умная, поймете. Я напишу сегодня же, вамъ

все станетъ ясно. И не дѣлайте глупостей, пока не получите моего письма.

Онъ заглянулъ въ портмонэ.

— На посыльнаго хватитъ, ждите. Говорить съ вами такой я не хочу.

Я еле успѣла схватить его на порогѣ и не пустить. Заперла дверь, крѣпко зажала въ рукѣ ключъ. Мнѣ казалось, вырвать его могли у меня только вмѣстѣ съ моей жизнью.

— Нѣтъ, милый докторъ, вы отъ меня такъ не уйдете! Не надо писать, говорите сейчасъ, я хочу знать, кто вы, давшій мнѣ столько?

Онъ всматривался въ меня.

— Я признаю за вами право знать. И радъ, что вы взяли себя въ руки. Хорошо, давайте разговаривать.

Во мнѣ зародилась какая-то надежда.

— Скажите мнѣ прежде всего одну правду. Не для того же вы лгали, чтобы устроиться на ночь? Правду, ради Бога, правду!

Онъ поморщился. Сказалъ спокойно:

— Также и ради этого.

Никакой надежды. Снова все рушилось. У меня вырвался отчаянный, дикій крикъ. Такъ должно кричать раненое животное. Я не помнила себя отъ боли. Швырнула ключъ къ его ногамъ.

— Ступайте прочь! Ничего мнѣ отъ васъ больше не надо, ничего!

Онъ поднялъ ключъ, положилъ его на столъ и гнѣвно подскочилъ ко мнѣ.

— Перестаньте, неужели не надоѣло? Всѣ, какъ

одинъ. Пріятное нравится, отъ непріятнаго пищатъ. Надо умѣть переносить все. Ахъ вы, жалкія сластены! Дуракъ тотъ, кто съ вами свяжется,—тьфу!

Онъ такъ искренно плюнулъ, что я не помню какъ, внѣ себя, дала ему страшную пощечину. Онъ чуть не упалъ и сейчасъ же разсмѣялся радостно, довольно.

— Славно,—вотъ это мнѣ нравится! Это я понимаю! Великолѣпный ударъ! Надѣюсь, вамъ стало легче? Ну, конечно, легче,—я хорошо знаю, что дѣлаю. Драма вамъ не идетъ, въ ней вы ужасно ординарны и некрасивы. А въ гнѣвѣ—великолѣпны! Когда вы такая, я готовъ перенести отъ васъ, что хотите, что хотите.

Я опомнилась, поняла, что сдѣлала. Чувство невыразимаго стыда потрясло меня, отодвинуло все мое личное. Какъ я могла? И прямо въ лицо, и съ такой силой. Какое грубое, какое дикое сидитъ въ насъ! Господи, какъ это страшно, какъ страшно!

Стономъ вырвалось у меня:

— Что вы со мной дѣлаете? Какихъ дьяволовъ вызываете во мнѣ? Уйдите отъ меня, уйдите, ради Бога!

Онъ отнималъ отъ лица мои руки.

— Ну, милая, ну, хорошая, не раскаивайтесь, не стыдитесь, не надо! Прекрасно это у васъ вышло и психологически вѣрно. Тутъ одно изъ двухъ: или себя трахнуть, или другого. Вѣдь вы же живой человѣкъ. Вы, чего добраго, послѣ

моего ухода стали бы колотиться головой о стѣнку—это ужасно! Не могъ же я допустить васъ до такой банальности. Поймите, вашъ гнѣвъ куда выше драмы, которую вы тутъ одна непремѣнно бы разыграли,—какая безвкусица! Я далъ болѣе разумный выходъ вашему отчаянію, разсчиталъ правильно, помогъ вамъ безкорыстно. Истинное творчество, замѣтьте, всегда таково. Ухъ, какъ же я радъ! Гора съ плечъ свалилась. Разъиграть такого дурака, это мнѣ, ей Богу, непростительно!

У него былъ поразительно сіяющій видъ. Разговаривая со мной, онъ освѣжилъ въ умывальникѣ лицо, причесалъ волосы, навелъ нѣкоторый порядокъ въ комнатѣ и на столѣ, сдѣлалъ на спирту чай, не забылъ вымыть посуду—и все изящно, ловко, по-хозяйски.

Опять онъ меня захватилъ, подчинилъ, опять не могу оторвать отъ него глазъ.

— Что вы за человѣкъ?

— Я, мой другъ, художникъ,—только художникъ. И орловскимъ мѣщаниномъ остался потому, что предпочелъ свободное развитіе чинамъ и дипломамъ нашихъ высшихъ школъ... Вотъ вамъ чай, теперь давайте поговоримъ серьезно. Вы нѣсколько удовлетворены, да и мнѣ не такъ тошно. Подумайте, такая была съ вами вдохновенная работа и такой вульгарный конецъ. Я вамъ все разскажу...

У меня вырвалось:

— Опять вдохновились? Какой-то клубокъ

лжи. Одно кончается, другое начинается. Вы думаете, вамъ можно теперь вѣрить? Отъ вашей лжи сойдешь съ ума!

Онъ улыбался:

— Такого случая у меня никогда не было. У художника и ошибки, оплошности—тоже матеріалъ... Итакъ, передъ вами художникъ живой жизни, и въ этомъ я являюсь даже какъ бы новымъ человѣкомъ. Новизна моя въ томъ, что я на жизнь смотрю исключительно, какъ на искусство. Беру всю нашу жизнь, съ ея хорошимъ и плохимъ, какъ живописецъ беретъ краски, ваятель—глину, музыкантъ—звуки, писатель—слово, и сознательно со страстью лѣплю живую жизнь, какъ мнѣ нравится и хочется. Для такого творчества, мнѣ кажется, мы и существуемъ въ мірѣ. Но мы привыкли творить какъ-то не сознательно, скорѣй инстинктивно, стихійно, не всегда ясно понимая, для чего и зачѣмъ творимъ именно такъ, а не иначе.

Вотъ это безсознательное въ людяхъ меня поразило. Почему безсознательно, машинально, по привычкѣ или какъ когда-то и кѣмъ-то заведено? У меня же есть мой разумъ, мой вкусъ и воля,—они расширяются, растутъ, измѣняются, а съ ними, естественно, должна мѣняться и форма ихъ выраженій. Я увидѣлъ, какую люди дѣлаютъ ужасную ошибку. Они охотно отдаютъ свои силы, волю, геній на произведенія живописи, музыки, литературы и тому подобное, а жизни, самой широкой и благодарной для худо-

жественнаго творчества, творчества для насъ чрезвычайно необходимаго,—они ничего не даютъ или жалкія крохи, милостыню съ царскаго стола. Это неразумно, нечестно. Отъ этого у насъ накопилось столько некрасиваго, недостойнаго. Жить надо умѣть, и божественными статуями, замѣчательными картинами и прочими шедеврами изящныхъ искусствъ этому не научишь. Тутъ надо что-то другое. Шедевры намъ нужны, они очень украшаютъ наши «будни», они великіе, дивные наши цвѣты, но нельзя думать о цвѣтахъ, когда гніютъ, гибнутъ корни...

Понявъ эту всеобщую ошибку, я сталъ ее исправлять. Мой разумъ, вкусъ, всѣ мои дарованія я сознательно бережно понесъ въ жизнь, сталъ въ ней творить мои произведенія. Въ такомъ творчествѣ я коснулся также и самого себя. Все, что казалось въ себѣ плохимъ, наноснымъ, неразумнымъ, я передѣлалъ въ болѣе лучшее и совершенное. Увидя отличные результаты, я со спокойной совѣстью занялся передѣлкой по высшему образцу также и другихъ людей. Понялъ, до какой степени намъ не одинаково отпускается. И кому дано больше, долженъ подѣлиться своими силами съ другими. Я сталъ помогать, сталъ дѣлиться. До самозабвенія захватила меня эта работа. Для нея я принялъ весь жизненный матеріалъ. Больше всего меня захватываетъ ложь, наша способность къ выдумкѣ. О, это грандіозныя силы! И посмотрите, какъ онѣ охватили, пропитали насквозь нашу жизнь, вросли въ

наши души. И не спроста. Очевидно, намъ безъ нихъ обойтись невозможно, очевидно, пока мы такіе, лживой видимостью намъ всегда найдется что прикрыть...

Мнѣ лично невыносимы наши общественныя, семейныя и прочія видимости своимъ некрасивымъ, неумнымъ содержаніемъ. Какое-то жалкое, кустарное производство. Изъ каждаго шва видимости грубо вылѣзаетъ прикрываемая правда. Это противно.. Если намъ нужны выдумки, которымъ мы даемъ всевозможныя названія и оправданія, если безъ лжи намъ плохо дышится, такъ будемъ же, чортъ возьми, пользоваться ею умѣло, тонко, будемъ прикрываться выдумкой разумнѣй, аккуратнѣй, будемъ создавать видимость не грубо кустарную, а съ искрой Бога.

Я сталъ лѣпить видимости съ искрой Бога, сталъ съ ними врываться къ людямъ, сталъ тѣснить кустарей, сапожниковъ въ искусствѣ жизни. О, я надѣлалъ чудесъ! Мнѣ не стыдно, не страшно умереть хоть сейчасъ. Я честно работалъ во имя изящнаго искусства, я безкорыстно, самоотверженно показывалъ людямъ, какъ можетъ тонко и умно человѣкъ жить. Я моложавъ, но мнѣ уже не мало лѣтъ. Я дважды былъ на высотѣ человѣческихъ достиженій, дважды моя голова высоко поднималась надъ толпой. Я заставилъ признать себя и творчество мое оцѣнить по самой высокой оцѣнкѣ. Я не разъ былъ богатъ, и даже очень, и все отдалъ на лѣпку всевозможныхъ видимостей. Я страстно, вдохновенно навязывалъ

людямъ мои образцы, мое болѣе совершенное искусство жить. Для этого мнѣ приходилось брать различныя личины, пользоваться псевдонимами и т. д. Ничего я для такого искусства не жалѣлъ, и мнѣ удавалось создавать въ жизни подлинныя чудеса. Скоро я получаю довольно большое наслѣдство и опять все отдамъ на то же. О, если бы вы знали, что можетъ натворить душа художника! Повѣрьте, наша жизнь неузнаваемо измѣнится, когда къ ней приложатъ руки истинные, безкорыстные творцы. Царство сапожниковъ да торгашей должно же когда-нибудь окончиться. Я вѣрю, видимость человѣческой жизни когда-нибудь станетъ божественной, людямъ привьется подлинная красота, и наше ординарное, невзыскательное большинство начнетъ родить восхитительныя сказки. Въ этомъ имъ поможетъ привычка къ стадности и модѣ.

Теперь о встрѣчѣ съ вами. Въ Кіевѣ я гость. Захваченный одной работой, я прожился здѣсь невѣроятно, какъ можетъ только поэтъ и художникъ. Я ношу чужое платье, съ квартиры согнали за неплатежъ, повсюду долженъ... Сунулся къ одному пріятелю—уѣхалъ, къ другому—нельзя, къ третьему не захотѣлъ самъ. Пришлось природой любоваться. Третью ночь любуюсь, а днемъ, гдѣ можно, сплю. Съ голодухи литературой занялся, вотъ до чего дошло. Пишу стихи—можете себѣ представить? Придется такъ прожить еще мѣсяца съ два...

Я вскочила, вытащила изъ ящика всю мою

наличность, часть отложила себѣ, а остальное протянула ему. Я чувствовала, онъ жеманиться не станетъ и приметъ такъ же просто, какъ я ему предлагала. Такъ и вышло.

Кивнувъ мнѣ головой, онъ спокойно сунулъ деньги въ карманъ, не останавливаясь и не прерывая своего разсказа.

— Я, какъ говорилъ вамъ, не дурной физіономистъ. Увидя васъ и понаблюдавъ за вами нѣкоторое время, я сразу понялъ и вашъ типъ и вашу агонію. Не всякаго самоубійцу, повторяю, я сталъ бы спасать. Но вы сильная, молодая, уходить вамъ рано и стыдно. Захотѣлось ворваться, встряхнуть, навязать вамъ еще и мое. Загорѣлось вдохновеніе, остальное вамъ извѣстно...

Врываясь къ людямъ, втягивая ихъ въ мою жизнь, я не загубилъ ни одной живой души, никогда не воспользовался женской слабостью. Буду откровененъ до конца. Нѣтъ на свѣтѣ женщины, которая могла бы, утверждать, что я ей когда-либо отдался. Какъ ни покажется вамъ страннымъ, я еще дѣвственникъ. Моя дѣвственность—опытъ, который я произвожу надъ собой вотъ уже много лѣтъ. Я хочу серьезно прослѣдить, чего мы лишаемся при воздержаніи, что мы пріобрѣтаемъ. Изъ моихъ наблюденій составилась довольно любопытная, а для иныхъ знатоковъ, такъ и неожиданная книга. Моимъ живымъ примѣромъ я блестяще доказываю всю несостоятельность утвержденій о вредѣ полового воздержанія. Это огромный, дикій предразсудокъ.

Я вскипѣла.

— Такъ разсуждаетъ не знающій ни истинной любви, ни истинной страсти.

Онъ посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза.

— Да, я ихъ не знаю, никогда не испыталъ и на другихъ не видѣлъ. А то, что практикуютъ у насъ подъ видомъ любви и страсти, вызываетъ во мнѣ отвращеніе. Я органически не выношу никакого рабства. Я всегда говорю себѣ такую заповѣдь: «безъ борьбы не сдавайся никогда тамъ, гдѣ нѣтъ мѣста твоей разумной, самовластной волѣ». Меня еще въ юности поразило наше поголовное рабство половымъ инстинктамъ и страстямъ. Я задумался. Сознаніе, что на меня, свободнаго, такъ сказать, самодержавнаго, вдругъ налетитъ стихія, одурманитъ меня, поработитъ, чортъ знаетъ какъ исковеркаетъ, а я, какъ тупой быкъ, буду подставлять ей голову, буду рядить ее въ поэтичныя одежды, буду видѣть и почитать великую природу въ моемъ бычьемъ безсиліи. Ну, нѣтъ, мы еще посмотримъ! Тутъ я объявилъ войну всесильному бѣсу пола. Никакихъ поблажекъ. Желаю не тупой стихіи, а разумнаго, моей волѣ подвластнаго чувства. Встрѣчу мою женщину, будетъ любовь по душѣ и вкусу—хорошо, радъ буду и счастливъ! А нѣтъ—и не надо. Не хочу размѣниваться, не возьму поддѣлки, не буду страсть отдавать законной или незаконной проституціи и разбрасывать моихъ дѣтей, какъ какую-то падаль. Я брезгливъ, отъ распутства полового меня тошнитъ.

Устроивъ себѣ такую реформу пола, я, въ ожиданіи моей женщины, моей любви, изживаю всего себя исключительно духовно. Я привыкъ, втянулся въ половое воздержаніе такъ же сильно, какъ иные втягиваются въ распутство. И никакой ненормальности въ этомъ не вижу. Такъ нравится, этого хотятъ мой вкусъ и воля—вотъ и все. Любовь, какъ я ее понимаю, какъ берегу въ моемъ сердцѣ, ко мнѣ еще не пришла. Но я ее жду. Мою любовь, мою тоску по женщинѣ я не понесу, какъ воръ, въ чужія спальни, не понесу въ публичные дома. Такъ я чту въ себѣ мой полъ и женщину. И не страдаю, нѣтъ! Я чувствую себя удивительно свободнымъ, люблю мое цѣломудріе, какъ музыку, какъ поэзію, какъ высокое искусство. Я радуюсь собой, съ гордостью утверждаю на землѣ такой, мой типъ мужчины. И къ женщинамъ я отношусь совсѣмъ иначе. Я ихъ жалѣю, хочу, чтобы онѣ отдохнули на мнѣ отъ своихъ плотскихъ, слишкомъ плотскихъ мужчинъ. Я давалъ имъ различныя переживанія совершенно безкорыстно и уходилъ, оставивъ по себѣ яркій, для иныхъ неизгладимый слѣдъ. Я оплодотворялъ женщинъ исключительно духовно и, повторяю, ни одной не далъ право меня проклинать.

Съ вами я былъ нѣсколько корыстный. Мнѣ очень хотѣлось спать и ѣсть. Простите мнѣ и будьте справедливы. Вѣдь я далъ вамъ интересную, волнующую видимость, далъ пожить иной жизнью, далъ, наконецъ, счастье—это надо цѣ-

нить. Развѣ грубая, кустарная ложь, среди которой вы изо дня въ день живете,—давала вамъ когда такую радость и опьянѣніе, какъ моя? Навѣрно не давала. Если бы не идіотская случайность, я нашъ романъ закончилъ бы прекрасно. Вашему типу идетъ тихая грусть, вы должны любить тишину кладбища, и вы надъ бугорками могилъ...

Я не могла не улыбнуться.

— Я угадалъ, видите. Я далъ бы вамъ возможность отлично похоронить вашего жениха, съ той чудесной растроганностью, выше которой я ничего не знаю. А надъ снимками Тровянки съ лебедемъ—вы ихъ навѣрно получили бы отъ меня,—вы, можетъ, не разъ пролили бы нѣжную и умиротворяющую слезу. Такія слезы рѣдко намъ даритъ судьба. Это могло васъ наполнить на всю жизнь. Не могу передать, какъ огорчилъ меня такой конецъ, какъ остро я пережилъ ваше потрясеніе. Не горюйте много, повѣрьте, муки вамъ нужны, онѣ, какъ гроза, поднимаютъ и очищаютъ душу. Не такъ, но иначе, я все же достигъ своего, встряхнулъ васъ и освѣжилъ. Отъ васъ теперь зависитъ поблагодарить меня за мои хлопоты—внести въ мои труды также и отъ себя немного.

Я умоляю васъ, учитесь жить иначе, учитесь также и дурное преображать въ радость, счастье, красоту,—въ этомъ, только въ этомъ наше высокое въ природѣ назначеніе. Человѣкъ, какъ неугомонное, кипучее и фантастическое су-

щество, будетъ въ мірѣ всегда, будетъ творить свои сказки и этимъ выполнять волю создавшаго его. Такъ я думаю, такъ вѣрю. На этомъ прощайте, иного реванша не могу вамъ дать. Впрочемъ...

Онъ запнулся, сильно покраснѣлъ и исподлобья бросилъ на меня странный острый взглядъ.

— Да, вотъ еще. Не могу уйти не сказавъ вамъ еще и этого. Съ вами я пережилъ тоже не мало. Вы милая, славная дѣвушка. У меня былъ моментъ совершенно для меня неожиданный. Очень растрогало меня ваше чувство, такъ сильно захватило, что я чуть не потерялъ себя. Да, да, мнѣ захотѣлось сдѣлать васъ счастливой до конца, захотѣлось отдаться вамъ съ единой цѣлью—сдѣлать васъ матерью. Чуть было не поддался я такому необычному для меня творчеству. Не скрою также, что̀ меня остановило. Мысль, что изъ этого можетъ создаться для васъ драма. Я ушелъ бы отъ васъ, какъ ухожу теперь—вы не моя женщина. А вы растерялись бы, не сумѣли бы все претворить въ радость, не смогли бы смѣло и достойно пронести наше дитя сквозь строй жизни, не сумѣли бы изъ своего чувства материнства создать истинной красоты и радости. Это опасеніе спугнуло мой порывъ. Простите вы мнѣ это.

Чрезвычайно блѣдный, онъ виновато и остро смотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо.

Что онъ со мной дѣлалъ, какой адъ поднялся въ душѣ! Я застонала отъ гнѣва, боли и

невыносимой къ нему нѣжности. Казалось, меня схватили за сердце и выжали всю кровь. И голосъ мой прозвучалъ странно, хрипло, точно кричалъ во мнѣ кто-то сейчасъ, мгновенно имъ рожденный.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого я вамъ никогда не прощу.

Онъ облегченно вздохнулъ и поклонился.

— Благодарю, я такъ и думалъ. Прощайте, теперь и вы полны.

Еще поклонъ и онъ ушелъ, сверкнувъ улыбкой.

У меня потемнѣло въ глазахъ, подкосились ноги. О, эта улыбка, улыбка торжествующаго бѣса! Она до сихъ поръ сводитъ меня съ ума, до сихъ поръ я не могу рѣшить: былъ ли его порывъ ко мнѣ правдой, или послѣднимъ взмахомъ кисти великаго художника, или, наконецъ, месть мужчины, ядовитая, страшная («перепугалась, навѣрно, представляя себѣ, какъ бы я, авантюристъ, жуликъ, еще могъ воспользоваться твоей женской слабостью»),—такъ вотъ же тебѣ, получай: хотѣлъ осчастливить да раздумалъ... О, какъ это по-мужски и какъ я на такую удочку попалась!

Впрочемъ, вѣдь онъ правъ: я полна имъ, полна на всю жизнь.

Разсказавъ о Тетровскомъ, я подхожу къ чудеснѣйшему свойству нашей человѣческой механики—нашихъ неплотскихъ зачатій и рожденій.—Да, да, мы, люди, обладаемъ свойствомъ

оплодотворяться, размножаться не только физіологически, но и всячески и всюду, гдѣ только ни прильнемъ нашимъ разумомъ, вкусомъ, сердцемъ...

Съ Тетровскимъ, такимъ, какимъ я его вамъ представила, я никогда въ жизни не встрѣчалась. Онъ плодъ моей души, вкуса и воображенія. Зародился онъ во мнѣ въ вечеръ, когда я рѣшила покончить самоубійствомъ, отъ очень искуснаго жулика, все артистическое, тонкое жульничество котораго свелось къ тому, что онъ обокралъ меня.

Я вскрою этотъ процессъ, онъ нуженъ намъ для общихъ итоговъ о человѣкѣ. Постараюсь занести въ протоколъ какъ можно точнѣй и добросовѣстнѣй все, что произошло.

Что, замученная конфликтомъ жизни, я рѣшила не сдаваться и лучше умереть чистымъ, нравственнымъ человѣкомъ—это вѣрно; что въ вечеръ, рѣшенный для ухода въ смерть, меня потянуло на Днѣпръ—это вѣрно; что на горѣ св. Владиміра на меня напала растроганность отъ красоты природы и радость, опьянѣніе отъ предчувствія конца—это вѣрно; что ко мнѣ подсѣлъ человѣкъ, назвавшій себя докторомъ Тетровскимъ, съ удивительно пріятнымъ, музыкальнымъ голосомъ, изящной, благородной внѣшностью—вѣрно; что онъ понравился мнѣ, очаровалъ, у меня отъ него стала восхитительно кружиться голова—вѣрно; что пришли ко мнѣ оба увлеченные и по дорогѣ онъ разыгралъ,

какъ я разсказала, сцену съ лошадью—вѣрно; разсказъ о Тровянкѣ, липахъ, розахъ, лебедяхъ—вѣрно; что предлагалъ какъ можно скорѣе повѣнчаться въ церкви его имѣнія—вѣрно; что отъ сильной радости мой женихъ упалъ въ обморокъ—вѣрно; что, устроивъ его на кровати и полѣчивъ чернымъ кофе, я прикурнула на диванчикѣ и крѣпко уснула—вѣрно; что, проснувшись, не нашла моего жениха и вмѣстѣ съ нимъ исчезли мои часы, кошелекъ и еще кое-что изъ цѣнныхъ мелочей—это тоже вѣрно.

Отсюда уже начинается мое личное творчество. Конечно, огорошена я была ужасно, и эта встряска оказалась для меня чрезвычайно благодѣтельной, точно предо мной отдернули завѣсу и показали такое, чего я въ жизни никогда не замѣчала. Больше всего останавливала мою мысль и удивляла чистота, изящество работы авантюриста и вора. Артистическая работа, истинно художественная, вдохновенная игра. Я впервые серьезно задумалась надъ нашими такими людскими свойствами. На сценѣ такую работу оцѣнили бы, дали званіе артиста, дали бы славу, деньги. Въ любомъ искусствѣ такая чистота, изящество, такіе вдохновенные штрихи — вспомните, чего стоитъ одна сцена съ лошадью,—дали бы почетъ и славу настоящаго художника.

О, глупый воришка, ты не то дѣлаешь! Почему не то?

Безъ денегъ скверно. Для жизни деньги

нужны. У насъ все идетъ въ обмѣнъ на деньги. Вотъ и онъ ихъ добылъ, заработалъ, какъ сумѣлъ. Могъ бы и больше заработать, если бы ихъ у меня оказалось больше. Почему надо такую игру, такое вдохновеніе нести непремѣнно на сцену, въ изящныя искусства? Онъ вотъ въ жизни желаетъ быть настоящимъ художникомъ — да, желаетъ! Развѣ онъ плохо игралъ? Развѣ не далъ мнѣ своей игрой радости? Не далъ наслажденія? Почему мы думаемъ, что въ жизни за это не надо платить? Тоже чудаки! Время онъ тратилъ, силы тратилъ— изощрялся, всматривался въ меня, изучалъ, догадывался, напрягался, чтобы его художество было къ дѣлу, къ толку, увлекло бы меня, расположило, порадовало, а ты этого не цѣнишь, а вотъ что кошелекъ, пледъ, бинокль и еще какую-то дребедень унесъ—этого ты вовѣки не забудешь... Кромѣ того, вѣдь, онъ же не воспользовался твоимъ увлеченіемъ, не захотѣлъ «не повѣнчавшись въ Тровянкѣ» вступить въ права супруга, пожалѣлъ же онъ тебя—почему же ты этого не цѣнишь? Жизнь полна неумныхъ, смѣшныхъ условностей, а ты не замѣчаешь. Добываніе денегъ... О, Господи, да погляди же, что тутъ дѣлается, какъ лицемѣрно, какъ лживо, условно все у насъ обставлено! И почему такъ лгать, такъ хитрить, такъ притворяться и этимъ зарабатывать деньги, почетъ, славу — можно, а иначе уже и нельзя?

Вѣдь это же смѣшно! Сговорились, услови-

лись—и лгутъ, мошенничаютъ, пускаются на всякія художества, крадутъ, подличаютъ, а чуть кто уклонился отъ такой нормы, отъ такого условнаго—уже будетъ воръ, мошенникъ и мы его засадимъ въ тюрьму. Подумайте же, ради Бога, объ этомъ хорошенько!..

Блѣдное, нервное, очаровательное лицо, съ большими сѣрыми печальными глазами, стоитъ предо мной, и я стараюсь найти смягчающее вину обстоятельство, хочу найти объясненіе, оправданіе. Я не могу помириться, не могу согласиться, что это изящное, остроумное и милое, милое существо—только воръ, самый обыкновенный мошенникъ. О, нѣтъ же, нѣтъ, тутъ какое-то недоразумѣніе. Надо объяснить, оправдать, спасти. Онъ жертва, или сознательный бунтарь.

Со страстью добросовѣстнаго юриста (мнѣ же надо оправдать человѣка, заставившаго такъ горячо забиться мое сердце, обликъ котораго, какъ чудесное произведеніе, стоитъ предо мной и волнуетъ и затрагиваетъ самыя нѣжныя, глубочайшія струны моей души), я пересматриваю всю нашу жизнь, мораль, традиціи, условности и предразсудки такъ, какъ до этого я ихъ не пересматривала. Я горю, я ищу, докапываюсь, провѣряю, не зная ни отдыха, ни дней, ни ночей. Я не замѣтила, какъ въ этой работѣ прошли годы. Когда я остановилась, докопалась, нашла, то увидѣла, какъ я вся измѣнилась, какъ я надъ этой работой росла и во что выросла. Все, что я нашла, до чего додумалась, домучилась, все,

чѣмъ живу,—я вложила въ дорогой, незабвенный для меня обликъ Тетровскаго. Онъ росъ вмѣстѣ со мной. Изъ жулика и вора я превратила его въ поэта и художника, все въ немъ объяснила, оправдала, показала вамъ его такимъ, какимъ теперь вижу, и также попрежнему люблю.

Тетровскій есть, существуетъ! Я его очистила, преобразила, съ любовью выносила, въ материнскихъ мукахъ родила—онъ есть, онъ существуетъ! Въ немъ моя кровь, мой вкусъ, мои мечты!

Теперь смотрите, что дѣлаетъ съ нами жизнь, какъ Строитель спасаетъ свои любимыя произведенія, куда направляетъ ихъ волшебный ходъ. Я не должна была умирать, и Тетровскій былъ посланъ мнѣ, какъ спаситель. Самый обыкновенный авантюристъ и воръ далъ мнѣ встряску и толчокъ. Инстинкты самосохраненія (они работали во мнѣ во всю: и опьянѣніе отъ кіевской весны, и обаяніе Тетровскаго въ значительной степени надо отнести на ихъ счетъ),—эти инстинкты завинчены во мнѣ ужасно сильно и принимаютъ во всемъ очень дѣятельное участіе. Конечно, это они шепчутъ мнѣ о пересмотрѣ всего, чѣмъ живутъ люди, о защитѣ и оправданіи также и вора, это они помогаютъ мнѣ придумать такой взглядъ на жизнь, подсказываютъ пріятіе всего, какъ жизненнаго матеріала, это они убѣждаютъ меня, что жизнь требуетъ художниковъ, что этимъ творчествомъ долженъ заняться каждый, въ комъ силы есть,—

словомъ, жизнь есть святое служеніе, и для этого служенія надо принять все, все, что есть.

У меня еще оказались силы. Принявъ, какъ матеріалъ для жизненнаго строительства, также и то, что идетъ у насъ подъ понятіемъ зла, я почувствовала, какъ точно воскресла изъ мертвыхъ, точно вся перерождалась заново. Мысль о такомъ пріятіи сначала очень поразила и потрясла меня. Я долго жила съ этой мыслью, совершенно, какъ беременная женщина, притихшая, самоуглубленная, переполненная. И зачатіе къ такой беременности бросилъ въ меня воръ и жуликъ. Господи, какъ же у насъ все перепутано, какъ мы не знаемъ, гдѣ кончается одно и начинается уже совсѣмъ другое!... Я пережила, переросла нашу теперешнюю мораль, и сама жизнь толкала меня на новую работу и на новомъ основаніи.

Складывалась моя новая мораль такъ:

«А что, если мы, люди, и въ самомъ дѣлѣ перерастаемъ наши нравственныя нормы, наши святые идеалы, что если разумъ и совѣсть требуютъ отъ насъ иныхъ служеній, иныхъ подвиговъ? Что если они говорятъ намъ: «Подумаешь, какое геройство, какой великій подвигъ ограждаться брезгливо отъ дурного, жить, озираясь, какъ бы гдѣ и чѣмъ не послужить злу. А ты не отступай ни передъ чѣмъ, бери и зло, разъ оно существуетъ, пронеси и зло черезъ твою душу, освѣти его твоимъ свѣтомъ, очисти твоими муками, преобрази его, сотвори изъ него

чудо, заставь послужить тебѣ. Ничего не бойся, ни отъ чего не отворачивайся, черезъ всю преисподнюю пронеси твою живую душу, изъ ада кромѣшнаго вылѣпи твои идеалы, твое добро. Такъ ты послужишь жизни и добру не однобоко, не одноглазо, а во всю ширину видимаго и невидимаго. Это болѣе трудное служеніе, болѣе тяжкое мученичество, если ужъ твоя душа и совѣсть этого отъ тебя требуютъ».

«Да, это болѣе трудное служеніе. Тутъ моралью становится свобода совѣсти. Въ такой свободѣ громадная отвѣтственность. Тутъ постоянно надо держать экзаменъ, каждымъ шагомъ, каждымъ словомъ и жестомъ надо оправдывать свою свободу, доказывать безупречность твоей совѣсти. Вотъ почему слабые люди, еще не выросшіе, какъ надо, чувствуя свое безсиліе предъ такими экзаменами, предпочитаютъ рабство, предпочитаютъ какое угодно подчиненіе, только бы не нести отвѣтственности».

«Настоящій сильный человѣкъ никакой отвѣтственности не боится, у него есть вѣрный другъ, настоящій помощникъ и руководитель—его совѣсть. Мораль придумана для слабыхъ, не настоящихъ еще людей. Сильный, настоящій человѣкъ въ морали не нуждается. Онъ знаетъ, всегда, вездѣ и при какихъ условіяхъ себя вести. За что бы онъ ни взялся, онъ знаетъ, какъ надо поступать, чтобы получилось разумное, не принижающее и достойное его. И если ошибется,

не будетъ хитрить, а смѣло признаетъ свою вину,—уклоняться отъ расплаты за ошибки не станетъ. Такой человѣкъ уже есть, его родило наше время, его рукъ ждетъ наше запустѣніе. Чувствуешь себя такимъ—ничего не бойся, смѣло иди, неси жизни твои труды, вѣрь себѣ, вѣрь твоей совѣсти: она тебя не уронитъ, не подведетъ. Совѣсть настоящаго человѣка—божественное зеркало, тамъ все отражается ясно и четко, и нѣтъ на свѣтѣ силы, которая бы могла такое зеркало замутить. Повѣрь мнѣ, оно вышло изъ рукъ удивительнаго мастера: мутятся зеркала недодѣланныя, не настоящія, а настоящія—никогда! На вѣкъ человѣку такого зеркала вполнѣ достаточно—вѣрь, оно въ тебѣ есть».

Кто мнѣ это говорилъ, такое мнѣ навѣвалъ? Инстинкты самосохраненія, Богъ или нечистая сила играла моей гордыней, втягивала меня въ свои дьявольскія дѣла? Я много надъ этимъ думала. Стать игрушкой въ какихъ-то поганыхъ чортовыхъ рукахъ мнѣ очень не хотѣлось. Неужели я карабкалась, такъ отчаянно боролась, такъ мучилась, отстаивая свою душу, вкусъ и волю, затѣмъ только, чтобы погибнуть такъ безславно и ничтожно? Нѣтъ, я знаю, вижу, мнѣ дано это божественное зеркало, и ничто, ничто не можетъ сбить меня съ толку, ясности моей совѣсти замутить.

— Творецъ жизни, я чувствую, ты посылаешь мнѣ страшное испытаніе, задаешь мнѣ опять гонку, трудные экзамены заставляешь

меня держать,—ну, что жъ, значитъ, такъ надо: да будетъ воля Твоя! Я не чувствую, чтобы Ты меня бросилъ, нѣтъ. Ты со мной, а потому мнѣ ничто не страшно. Создатель мой, не найдешь ли Ты еще чего, чтобы прибавить въ чашу мою? Все вынесу, все осилю потому, что Ты со мной, что я Твое дитя. И за жулика благодарю Тебя, благодарю за то, что онъ не обманулъ меня еще сильнѣй и горше. Я чувствую, не онъ пожалѣлъ меня, а Ты. Ты, Создатель, не допустилъ его надругаться надо мной. Если Ты такъ бережешь меня, значитъ, любишь, значитъ, я Тебѣ на что-то нужна, и мнѣ надо Тебя слушать, быть Тебя достойной, честно выполнять все, что Ты мнѣ поручаешь.

Я рѣшила не противиться жизненнымъ инстинктамъ, пойти снова въ жизнь, дѣлать мое человѣчье дѣло, руководствуясь только велѣніями моей совѣсти. Разумъ мой, я чувствовала, долженъ также ей повиноваться, ей служить. Что изъ этого получилось, какое худо или добро,— это мы увидимъ изъ дальнѣйшаго. Сейчасъ же я задержу ваше вниманіе еще вотъ на чемъ. Тетровскій, этотъ лгунишка и воръ (я беру его именно такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, такъ какъ, не окажись онъ такимъ жуликомъ, и контраста не получилось бы, ни огорошенности, ни страшной встряски), сдѣлалъ въ моей душѣ удивительное дѣло: изъ дѣ-

вушки, въ духовномъ смыслѣ, онъ превратилъ меня въ плодоносную женщину. Отъ него я зачала все то, чѣмъ потомъ окружила его имя и смяла, передѣлала, преобразила, дорисовала въ моей душѣ и представила людямъ, какъ плодъ моего духа, взгляда и предчувствій. Тетровскаго я вынашивала въ себѣ ровно 15 лѣтъ. Послѣ него у меня пошли и другія дѣти, зачатыя также духовно.

Теперь я вижу, могу занести въ протоколъ, что моей судьбѣ, моей жизненной линіи угодно было промчать мой аппаратъ также и черезъ духовное творчество—тутъ уже прямой путь въ писатели. Не знаю еще вполнѣ, каковъ вышелъ изъ меня писатель, но чашу писательскихъ томленій, терзаній, родовыхъ мукъ я выпила добросовѣстно до дна. Въ писательствѣ честномъ, настоящемъ страшная обреченность. Писатель не живетъ, какъ всѣ. Съ расширенными глазами, съ повышенной впечатлительностью, съ чрезвычайно бьющимся тревогой сердцемъ онъ обреченъ, какъ какой-то особый аппаратъ, смотрѣть, докапываться, предчувствовать, подозрѣвать и все отмѣчать, записывать въ своей какой-то особой памяти. Потомъ все это пересматривать, вывѣтривать, вынашивать, передѣлывать и преображать, какъ требуетъ отъ него его совѣсть и вкусъ художника. Писатель всегда живетъ какъ беременная женщина. Родитъ одно, а тутъ уже толпятся, пристали, прилипли новые типы, идеи, мечты и пьютъ кровь, питаются всѣми твоими

соками и мучаютъ, и томятъ, и требуютъ воплощенія. Образецъ духовнаго зачатія и рожденія я показала вамъ на Тетровскомъ. Такое художество и въ такихъ приблизительно условіяхъ протекаетъ, навѣрно, и у другихъ обреченныхъ на такого рода материнство и отцовство.

Наша писательская обреченность страшна еще тѣмъ, что нашу беременность не берегутъ, намъ приходится разрываться на части, и «дѣтей» вынашивать, и матеріалъ на это художество собирать, и работать еще на то, чтобы оправдать свою комнату, столъ и башмаки. О, кто изъ писателей, да еще не обезпеченныхъ матеріально, не знаетъ—какая это пытка! Сколько драгоцѣнныхъ силъ уходитъ зря, какъ мы надрываемся, съ какой болью вынуждены продавать нашихъ, иной разъ, вымученныхъ, искалѣченныхъ и недоношенныхъ «дѣтей». Писатели, какъ духовные художники, человѣчеству очень нужны. Даръ такого художества (я говорю о серьезномъ, настоящемъ) дается въ сущности на милліоны—только одному. Рѣдкій даръ! И люди должны научиться болѣе бережно относиться къ такимъ избранникамъ. Они, эти избранники, должны дѣлаться національными питомцами, государство должно ихъ беречь, всячески помогать имъ развернуть свой даръ. Въ разумномъ, настоящемъ государствѣ, у настоящихъ людей навѣрно такъ и будетъ. А теперь, когда мы еще не научились, не знаемъ, какъ надо по настоящему жалѣть и беречь нашихъ собственныхъ, кровныхъ дѣтей,

что же говорить о какихъ-то тамъ художникахъ, писателяхъ? Выбьется, дастъ жизни своихъ дѣтей, — прочтемъ, увидимъ, признаемъ, если къ тому же знатоки доложатъ намъ, что это интересно, нашего вниманія стоитъ. Помретъ такой нами «признанный», мы съ любовью будемъ собирать его письма, записочки, съ гордостью будемъ изучать, какъ онъ среди насъ жилъ, какъ мучился...

Да, много у насъ неумныхъ, страшныхъ понятій и привычекъ. И развѣ можетъ живое, горячее сердце, видя это, не рваться измѣнить, облагородить, поднять и вразумить? Знанія обязываютъ—такъ думаю я. А потому, увидя, понявъ многое, я честно взялась за то, что̀ потребовала отъ меня жизнь и моя совѣсть. Совѣсть я считаю тѣмъ органомъ, посредствомъ котораго съ нами говоритъ нашъ Творецъ. Пусть это только моя выдумка, мое представленіе, но они не завели меня въ худое, недостойное, а потому я и довѣряю имъ и буду слушать ихъ, пока жива.

Итакъ, послѣ попытки къ самоубійству, вернувшись въ жизнь съ программой расширенной и углубленной по Тетровскому, мнѣ немедленно надо было подумать о матеріальномъ устройствѣ, о заработкахъ на хлѣбъ.

Моя добродѣтельная жизнь сильно меня истощила. Люди очень тонко, артистически обобрали меня со всѣхъ сторонъ. Я съ моей честностью да благородствомъ, дѣйствительно, оказалась въ жиз-

ни дура-дурой, и меня могъ провести, надо мной накуражиться всякій, кому только не лѣнь. И такъ меня стала допекать нужда, что надо было серьезно думать, какъ быть, что дѣлать. Образованіе я получила не плохое, даже рѣдкое, но бумаги объ этомъ у меня не было, отсутствіе ценза ставило меня въ довольно убогое положеніе, при томъ я еще была и есть женщина...

Словомъ, мнѣ пришлось круто. Тутъ я вспомнила о тетѣ Женѣ. Тетя Женя чудесная личность. Мы всѣ называли ее такъ, хотя она никому не приходилась родственницей. Какъ-то съ ней и ея сыномъ Сергѣемъ мнѣ пришлось прожить года три и хорошо, какъ говорится, душа въ душу. Потомъ насъ разбросало, они уѣхали въ Петроградъ, тогда еще Петербургъ, и точно провалились въ воду. И вдругъ появилась книга Сергѣя, свѣжая, волнующая, острая. Я порадовалась, что онъ выбился, что изъ него вышелъ толкъ. Вотъ къ нимъ я и направилась съ надеждой, не помогутъ ли они мнѣ выкарабкаться.

Нашла я ихъ въ какой-то трущобѣ и въ большой нуждѣ. Живутъ въ одной комнатѣ, тутъ же на керосинкѣ тетя Женя варитъ какую-то несчастную похлебку. Этого я не ожидала. Что же это такое? Писатель, настоящій, талантливый, оригинальный—и такая нужда. И какія у нихъ несчастныя, замученныя лица. Видно, давно бѣдствуютъ.

Я расплакалась, глядя на нихъ, а потомъ стала кричать:

— Что случилось? Почему они до этого дошли? Почему такъ несчастны? Что же люди? Я думала, книга Сергѣя дала ему друзей, имя писателя, почетъ, достатокъ. Что случилось?

Вотъ они и разсказали мнѣ, каково живется писателю, не идущему на компромиссы, не умѣющему приспособляться, угождать и смѣло бросившему въ лицо общества непріятную для всѣхъ правду. Оказалось, такъ начинать нельзя. Такое могутъ еще простить писателю съ именемъ, съ авторитетомъ, Сергѣй же заговорилъ не по выслугѣ, не по чину. Вотъ почему его книгу одни умышленно не замѣчаютъ, замалчиваютъ, другіе проваливаютъ нарочно, подло. Книга не идетъ, это обрекаетъ ихъ на нужду.

— Подумай, пять лѣтъ работалъ, только книгой былъ занятъ, все прожили, окончилъ свою работу, какъ надо, честно. И не угодилъ. Не пропускаютъ, лгутъ, проваливаютъ наши жандармы отъ критики и литературы.

Сергѣй былъ внѣ себя. Попала я къ нимъ какъ разъ, когда они переживали очень мучительное. Подъ вліяніемъ нужды Сергѣй рѣшился продать свою вторую книгу, написанную наспѣхъ.

Какъ онъ, бѣдняга, мучился, съ какой тоской говорилъ:

— Отдать книгу въ такомъ жалкомъ видѣ, отдать ради проклятыхъ денегъ—это невыносимо, это позоръ! И они довольны, берутъ, заплатятъ. А сдѣлаю, какъ надо, углублю, договорю все до конца—тогда, гляди, не понравится, не захотятъ

печатать, будутъ оберегать отъ меня рубли читателей.

Онъ засмѣялся—такого смѣха я никогда не слышала, это страшнѣй, чѣмъ когда плачутъ.

— Надъ книгой надо поработать и хорошо, серьезно, еще года два. А жить нечѣмъ, все заложено, кругомъ должны. Поймите, нельзя, нельзя совмѣщать писательство съ заработками на хлѣбъ. Я не могу, меня работа захватываетъ, держитъ напряженно, властно, мнѣ мало дня, я работаю ночи и честно, честно отношусь къ долгу писателя. А надорвусь, подохну, тогда земляки мои, гляди, ахнутъ, могутъ открыть во мнѣ талантъ... Такъ было, такъ, очевидно, всегда будетъ. Чѣмъ сильнѣй, ярче человѣкъ, тѣмъ страшнѣй его путь.

Онъ стоналъ, не скрываясь больше.

— Не самообольщаюсь я, хорошо знаю, что во мнѣ есть и какова этому подлинная цѣна. Отдать работу въ такомъ видѣ—глумленіе, грѣхъ, святотатство. Что мнѣ дѣлать? Что дѣлать?

Тетя Женя твердила.

— Быть собой. Не сдаваться. Честно, свято относиться къ своей работѣ, къ своему долгу.

Она фанатичка долга, честности, и Сергѣя въ этомъ вырастила, воспитала.

— Честнымъ, Сережа, главное, честнымъ оставайся! Богъ не выдастъ—свиньи подавятся. Не отдавай, пробьемся!

Сергѣй подвелъ мать къ зеркалу.

— Посмотри на наши лица, какіе мы съ тобой

несчастные, замученные. Посмотри, какъ я худъ и малокровенъ. Еще немного, и я могу кончить чахоткой.

Онъ говорилъ правду. Ни кровинки въ лицѣ. Съ огромными, провалившимися глазами, онъ, несомнѣнно, былъ кандидатъ въ чахоточные. Боже мой, какіе страшные, затравленные глаза были у тети Жени! Какъ она любила, жалѣла, боготворила своего Сергѣя! И въ то же время ради того, чтобы спасти его отъ явной гибели, она не украла бы, не сподличала, не поступилась бы своей душой и благородствомъ. Не потерпѣла бы, чтобы и онъ сдался, и способна была умирающему кричать:

— Будемъ, Сережа, честны!

Будетъ сама исходить кровью отъ мукъ за него, и все же изъ послѣдняго дыханія будетъ кричать:

— Будемъ, Сережа, честны!

Не могла я этого вынести, потрясла меня ихъ благородная стойкость, восхищала красота человѣческаго вкуса, воли, не уступающая даже явной гибели.

Сердце мое не выдержало ихъ мукъ, невыразимая жалость овладѣла мной, все во мнѣ кричало:—Ихъ надо спасти! имъ надо помочь! Кромѣ этого, я ничего не видѣла, не знала. Я загорѣлась, сдѣлалась вся звонкая, все во мнѣ натянуто, все звенитъ. Я вся другая, какіе-то новые, только сейчасъ родившіеся голоса, велѣнія звучатъ во мнѣ. Они приказываютъ, требуютъ и я

повинуюсь, такъ какъ твердо знаю, что они говорятъ именно то, что надо, требуютъ, что должно быть. Удивительное волшебное состояніе. Я точно и не я, но въ то же время моя голова ясна, трезва, зорка, какъ никогда. Теперь я знаю, что изъ этого вышло, а тогда я вся была во власти острыхъ, загадочныхъ порывовъ и инстинктовъ.

Вотъ что вышло.

— Тетя Женя, кто у васъ сосѣди?—спросила я.

Она отвѣчала:

— Съ этой стороны полковникъ, безпросыпно пьяный, пѣсни оретъ, прислугу заставляетъ подпѣвать,—чистое наказаніе. А тутъ живетъ студентъ, тихій, кажется, соціалъ-демократъ.

Я понизила голосъ.

— Этотъ студентъ дома?

— На что онъ тебѣ?—удивилась тетя Женя. Но, заглянувъ въ переднюю, сказала:

— Пальто виситъ,—дома.

А я уже вынимала шпильки, распускала волосы. Потомъ взяла съ кровати подушку, устроилась на диванѣ и, совершенно неожиданно и для меня самой, запѣла пѣсню народную и очень заунывную. Меня разрывала тоска.

Тетя Женя закрыла руками уши и кричитъ:

— Не дурачься, мало намъ полковника. Перестань, ради Бога!

А я тяну, тяну, не слушая, что мнѣ говорятъ. Закончила я тихо, сквозь слезы.

Слышу шепотъ Сергѣя:

— Я тебѣ говорю, у нея на душѣ какое-то большое горе. Будемъ, мама, осторожны.

Слова Сергѣя подсказали, намѣтили мнѣ путь.

Я шепчу: Боже мой! Боже мой!

Взволнована я ужасно, что-то во мнѣ требуетъ быть именно такой. Лицо мое горитъ, вспоминается почему-то самое тяжелое изъ пережитого. Эти воспоминанія вызываютъ во мнѣ дрожь, и я готова закричать, какъ тогда кричала. Ясно сознаю я, что эти воспоминанія мнѣ сейчасъ нужны, что они свое дѣлаютъ. Я еще не знаю, для чего и что изъ этого выйдетъ, но что я дѣлаю, что надо, въ этомъ я не сомнѣваюсь.

Я поднимаюсь съ подушки съ испуганными, сумасшедшими глазами (я не сомнѣваюсь, что глаза мои именно такіе, я себѣ вѣрю, чувствую, что приказанія выполняю хорошо и точно).

Я протягиваю умоляюще руки:

— Бабушка, бабушка, да не рви же такъ больно мнѣ волосы! Какая ты злая, сумасшедшая старуха. (Я вся дрожу, зубы мои стучатъ). Тебя на томъ свѣтѣ черти, навѣрно, пожарятъ на сковородѣ, вотъ увидишь! Ахъ, ты, людоѣдка! За что, за что ты меня такъ мучаешь?

Тетя Женя бросается ко мнѣ сильно потрясенная, цѣлуетъ меня; глаза ея полны слезъ, руки дрожатъ:

— Бѣдная моя! Кто тебя мучилъ? Какая бабушка? Откуда она у тебя взялась? Ну, приди въ себя, успокойся!

А я все больше, все убѣдительнѣй изображаю

помутившуюся душу. Отъ меня требуютъ это изобразить и какъ можно сильнѣй, натуральнѣй, требуютъ мои повышенные инстинкты.

Вся въ слезахъ я цѣпляюсь за тетю Женю.

— Ради Бога, ради всего святого, спасите меня отъ этой фуріи! Она опять хочетъ запереть меня въ кладовую съ крысами, тамъ ихъ много, огромныя, жирныя, съ противными хвостами. Сударыня, у васъ доброе, милое лицо, защитите меня! Ахъ, если бы вы знали, какъ у меня болитъ душа! (Это правда, душа моя болѣла за нихъ невыносимо). Какъ у меня жжетъ, горитъ тутъ въ груди! (Я рву на себѣ воротникъ и кричу). Спасите, спасите меня! (Это уже ложь, сценическое искусство).

Сергѣй кричитъ:

— Мама, смотри за ней, я бѣгу за докторомъ!

Тетя Женя ему вслѣдъ:

— Вези хорошаго, самаго лучшаго, положеніе серьезное... Прилягъ, родная моя! Ты, бѣдненькая, нездорова, вотъ что. Но ничего, это пройдетъ, пройдетъ!

Я всматриваюсь въ нее:

— Какое знакомое лицо, гдѣ я васъ видѣла?

Тетя Женя, не таясь, горько плачетъ.

— Какъ извели, замучили! Бѣдная, бѣдная, дѣвочка!

А я мелю свое:

— Бабушка, если ты не перестанешь меня мучить, я сбѣгу къ тетѣ Женѣ, къ Сергѣю—вотъ увидишь, сбѣгу.

Тетя Женя горячо цѣлуетъ меня:

— Очнись! На, выпей воды, посмотри на меня, вѣдь я и есть тетя Женя. Что же ты не писала намъ? Чего никогда не пожаловалась? Мы вырвали бы тебя изъ рукъ проклятой фуріи. Кто она? Какъ ты къ ней попала?

А я въ отвѣтъ:

— Богъ знаетъ, что вы говорите! А куда ушелъ господинъ, который былъ тутъ съ вами? Чего вы на меня такъ смотрите? Чего вы меня держите? Вы думаете, я съ вами не справлюсь? (Я набрасываюсь на тетю Женю, съ силой валю ее на полъ). Ага, подлая, наконецъ-то я до тебя добралась!

Она съ ужасомъ отбивается, шепчетъ:

— Господи, Господи, она задушитъ меня!

Я даю ей освободить ротъ и она внѣ себя кричитъ:

— На помощь! Сюда! Спасите!

На крикъ прибѣжалъ перепуганный сосѣдъ студентъ. Я довольна, чувствую, что все идетъ, какъ по маслу, и что я на правильномъ пути.

Вдохновляюсь я все больше и больше, хотя зорко слѣжу за каждымъ штрихомъ моего творчества. Я оставила тетю Женю и говорю студенту:

— Это хорошо, что вы пришли на помощь.— Видишь, тетя Женя, люди не всегда безчувственны къ бѣдѣ другого. Если хорошо, по настоящему крикнуть,—возможно, всегда найдется добрая, отзывчивая душа. Это надо принять къ свѣдѣнію. Вставай, голубушка, и извини, что я тебя немного помяла.

Я помогла ей подняться и занялась студентомъ.

Я смотрю ему въ глаза и говорю:

— Скажите, если васъ ограбитъ жизнь, если люди то лживо, то откровенно, какъ коршуны, разнесутъ ваше послѣднее, насмѣются надъ вашей душой, втопчутъ въ грязь все, что вамъ было свято и дорого, если вы съ отчаянія чуть не полѣзли въ петлю, скажите, послѣ всего этого не пріобрѣтаете ли вы право, высшее право, не считаться больше ни съ людьми, ни съ ихъ понятіями, нравственностью, законами. Вѣдь они сами же все это обезцѣнили, перепутали, оплевали въ вашихъ глазахъ, все превратили въ кирпичи, цементъ, глину, изъ которыхъ мы лѣпимъ наше жизненное счастье, наши идеалы. Хорошо, пусть будетъ такъ—будемъ лѣпить наше благо. Я тоже засучила рукава, хочу работать во имя моихъ идеаловъ. Я больше не могу и не хочу терпѣть, чтобы пошляки, ничтожества, нахалы были господами положенія, а благородные, честные, чистые загонялись бы въ безпросвѣтную дыру. Довольно! Терпи такую нелѣпость кто можетъ,—я не могу, слышите, не могу! Я буду бороться за благородныхъ, чистыхъ, честныхъ, я вмѣщу въ себя все, всѣмъ буду бороться. Дорогу моему высшему праву! О, милые люди, вы не даромъ заставили меня такъ много, такъ одиноко, такъ страшно по ночамъ плакать. Я вамъ дамъ сдачи на все и за всѣхъ втоптанныхъ въ грязь, оплеванныхъ, замученныхъ.

Я отвела студента въ сторону, подальше отъ

тети Жени, сказала ему такъ, чтобы она не слышала:

— Голубчикъ, если у васъ еще не окаменѣло сердце, сдѣлайте, о чемъ васъ попрошу, умоляю, сдѣлайте! И такъ, чтобы не зналъ—кромѣ меня и васъ—никто.

Я плакала, дрожала, чуть не стала предъ нимъ на колѣни.

Растроганъ и потрясенъ онъ былъ сильно. Я заразила его, втянула въ мое.

— Я пропала, если вы мнѣ не поможете.

Блѣдный, съ дрожащими губами и руками, онъ глухо сказалъ мнѣ:

— Говорите, если смогу—сдѣлаю.

Я диктовала:

— Вы должны достать мнѣ денегъ сегодня, не позже завтра. И сколько сможете—сто, двѣсти, пятьсотъ. Это главное, это сниметъ съ меня петлю, а потомъ поговоримъ. Вы должны это сдѣлать, какъ бы вы сдѣлали для родной матери, сестры, жены. Идите и знайте, моя жизнь сейчасъ у васъ въ рукахъ. Съ тетей Женей не говорите, тутъ въ домѣ въ кошелькѣ считанные гроши. Имъ не спасти меня, а вы спасете. Идите, я васъ жду. Нате на счастье мою руку. Не выпросите у вашихъ близкихъ и знакомыхъ—солгите, обманите, сподличайте—это иногда помогаетъ. И достаньте, достаньте мнѣ денегъ.

Онъ крѣпко сжалъ мнѣ руку.

— Успокойтесь, деньги у васъ будутъ.

Я проводила его до дверей. Я видѣла, онъ все сдѣлаетъ, онъ достанетъ. Для другого иногда легче достать, чѣмъ для себя. Тетя Женя хотѣла пойти за нимъ, но я ее не пустила.

— Не мѣшай ему сдѣлать доброе дѣло, останься со мной. У меня хоть и кружится голова, но я еще не сумасшедшая... Знаешь, я затѣяла грандіозное дѣло, хочу основать акціонерное общество для истребленія всякихъ человѣческихъ глупостей и главное крысъ—крысы такая пакость. Кажется, онѣ подточили во мнѣ душу...

Тетя Женя боится и въ то же время не можетъ одолѣть жалости ко мнѣ, гладитъ мнѣ голову, цѣлуетъ, успокаиваетъ. Я отдыхаю, набираюсь силъ. Я знаю, мнѣ еще предстоитъ нѣчто. Время отъ времени несу чепуху, чтобы поддержать престижъ моего умственнаго неблагополучія. А время идетъ, идетъ...

Задребезжали подъ окнами дрожки. Тетя Женя бросилась къ окну, шепчетъ:

— Слава Богу, пріѣхали, слава Богу!

Точно кнопку во мнѣ нажали, я поняла, надо начинать.

Я застонала тихо, потомъ еще, еще. Шепчу:

— Что это такое? Что это такое? О, проклятая, невыносимая боль! Моя голова, моя бѣдная голова, что съ тобой!

Я вскочила, кричу:

— А, чортъ тебя дери! Я пересилю тебя, анаѳему! Главное, никогда не надо падать духомъ.

Я пою развеселый мотивъ и ношусь по ком-

натѣ, импровизирую въ стилѣ Дунканъ. Я хоть и знаю, какъ эти «стили» всѣмъ уже надоѣли, но у меня есть одно колѣно мое, личное, испытанное и совсѣмъ не похожее на Дунканъ. Плюсъ—мой темпераментъ, мое сложеніе, мои сумасшедшіе волосы—я не даромъ дала имъ волю, мои глаза, мои зубы, когда я хочу, чтобы они сверкали, горѣли, жгли, — словомъ, нѣтъ того, чтобы я въ себѣ не учла, не выдѣлила, не поставила на надлежащее мѣсто. Я была во всеоружіи и того, что мнѣ дано отъ Господа Бога, и того, что я прибавила уже отъ себя...

Сказать, что я танцовала хорошо, значитъ, ничего не сказать. Я танцовала, какъ можетъ танцовать только артистка истиннаго вдохновенія, или женщина съ больно закипѣвшимъ сердцемъ, которой предстоитъ вытанцовать счастье, долю если не себѣ, такъ другимъ. Это была настоящая, генеральная проба моихъ творческихъ силъ, моя страшная схватка съ жизнью, съ людьми и со всѣмъ, что меня возмущало.

Иногда я весело кричала:

— Ахъ, какъ мнѣ пріятно, какъ весело!

Когда вошли Сергѣй съ докторомъ, тетя Женя выбѣжала изъ комнаты, истерично крича:

— Я не могу, не могу этого видѣть!

Я осталась съ мужчинами, мнѣ предстояло ихъ покорить, согнуть, заставить мнѣ служить.

По взволнованнымъ, поблѣднѣвшимъ лицамъ Сергѣя и доктора я видѣла, что моего достигаю, что, кажется, оцѣнена вполнѣ.

Носясь, я говорила:

— Господи, какіе люди глупые! Создаютъ себѣ всякія несчастья, драмы, бѣды и не знаютъ, сколько возможностей скрыто, напримѣръ, въ умѣньѣ танцовать. Мазурку, женщины! Побольше вальсовъ! Намъ надо побѣдить, очистить, преобразить весь міръ. Вооружайтесь, не забывайте, у насъ имѣется страшная сила, сила молодости, граціи, красоты. Будемъ же пользоваться ими тонко, умѣло. Мазурку, женщины! Побольше вальсовъ!

У доктора сорвалось:

— Очаровательная дѣвушка! Какая жалость!

Сергѣй шепчетъ:

— Милая, бѣдная!

А я уже плыву въ мазуркѣ и острю:

— Хорошо иногда немного спятить, по крайней мѣрѣ выскажешься. Не будь смѣлости безумцевъ, здоровые, нормальные трусы свели бы человѣчество на нѣтъ. Слава Богу, мы еще живы!

Я утомлена, останавливаюсь, дѣлаю широкій жестъ и говорю торжественно:

— Вотъ предо мной весь міръ, и я иду веселая, торжествующая, гордая. Я знаю, вѣрю— все побѣдитъ, все оправдаетъ, все преобразитъ красота. Красота, какъ тонкій опьяняющій и побѣдоносный ядъ, разлита во всей природѣ, во всемъ, что мы видимъ и чего не видимъ. Человѣкъ ненасытный, ко всему жадный, обязательно наглотается этого яда и отравится и неизбѣжно сдѣлается рабомъ красоты, какъ наглотался теперь

всякой гадости, какъ распластался передъ чепухой, какъ беззавѣтно скверно служитъ. Дорога и слава женщинѣ, смѣло идущей, умѣющей изо всего дѣлать красоту, радость, сказку, а съ ними, значитъ, и добро и подлинную жизнь!.. Сережа, и вы, неизвѣстный мнѣ господинъ, сейчасъ я чуть было себя не потеряла, можетъ, сошла бы съ ума, или бросилась бы въ смерть, себя не помня, и вдругъ я выздоровѣла, опять себя нашла. Я разскажу вамъ, какъ это произошло. Это чудо,—иначе его нельзя назвать. Слушайте!

Я усадила ихъ и, глядя имъ въ глаза, стала разсказывать то смѣшное, то красивое, то страшное изъ моего пережитого. Я хорошо, со вкусомъ выбираю эпизоды, углубляю, расширяю, художественно ихъ дополняю. Слушатели мои захвачены. Я читаю на ихъ лицахъ растроганность, восхищеніе и глубокую ко мнѣ симпатію. Они какъ бы опьянѣли, потеряли себя. Я дала имъ сильныя, волнующія впечатлѣнія. Я довела ихъ до того состоянія, когда женщины и художники могутъ дѣлать изъ людей, что захотятъ. Это почти колдовство. Конечно, они были убѣждены, что я начинала сходить съ ума. Конечно, они повѣрили, что я выздоровѣла—развѣ это не чудо?

Я почувствовала, что довольно, что я свое сдѣлала. Мнѣ оставалось приказывать.

Я попросила Сергѣя оставить меня съ докторомъ и не входить, пока не позову. У меня съ докторомъ произошелъ такой діалогъ:

— Кто вы?

— Докторъ.

— Психіатръ?

— Да.

— Хорошій?

— Говорятъ, неплохой.

— Богатый?

— Да, я не бѣденъ.

— Сколько вамъ не жалко будетъ удѣлить мнѣ изъ вашего достатка?

До того я разсказывала, какъ меня ограбили люди. Онъ хорошо зналъ, что мнѣ предстоитъ вся прелесть нашихъ женскихъ заработковъ, все униженіе и проза нужды. Я можетъ быть уже внушила, подсказала ему отвѣты, такъ какъ онъ отвѣчалъ мнѣ, не запнувшись, не моргнувъ ни однимъ глазомъ:

— А сколько вамъ надо?

— Вы вѣрите мнѣ, докторъ?

— Вѣрю.

— Не сомнѣваетесь, что я могу васъ тоже одурачить? Не забывайте, я вѣдь уже ученая. Не приходитъ вамъ въ голову, что я тоже могу васъ обмануть, взять деньги и не отдать? Нѣтъ, вы хорошенько объ этомъ подумайте.

Докторъ улыбается.

— Не говорите, мой другъ, пустяковъ. Сколько вамъ надо?

— Мнѣ нужно прожить года два—три, не думая о деньгахъ.

— Значитъ тысячи три—четыре?

Я тоже не моргнувъ глазомъ отвѣчаю:

— Да, пожалуй.

Онъ досталъ бумажникъ.

— Сейчасъ со мной только 400, завтра я привезу вамъ остальные. Думаю, для вашего самочувствія лучше, если деньги будутъ у васъ всѣ, вы вѣдь теперь «ученая».

Я страшно поражена результатомъ моей работы. Чувствовала, что онъ привезетъ и остальныя, и дастъ все, что я у него попрошу. Что-то подступило къ горлу, я вдругъ расплакалась начистоту, безъ поддѣлки. И говорила сквозь рыданія:

— Подумайте, подумайте, если бы я пришла къ вамъ съ улицы, попросила бы на бѣдность,— вы не отказали бы навѣрное, дали бы можетъ рублей 50—100, а растрогала, восхитила, вытанцовала—дали тысячи, могли дать больше. Да какъ же послѣ этого не лгать, не притворяться? Когда бы я заработала такія деньги? Какой трудъ далъ бы мнѣ такой доходъ? Эти деньги я вамъ не верну, я ихъ считаю честно заработанными. Вы думаете—представлять помутившуюся душу такъ ужъ легко? Это «творчество», не говоря уже о милыхъ воспоминаніяхъ, стоитъ мнѣ страшнаго напряженія, стоитъ крови. У меня забрали всѣ мои деньги за чортъ знаетъ какое исполненіе. Моя ложь, мое актерство, мое жульничество этихъ денегъ стоятъ. Попробуйте мое художество назвать «неблагородной игрой на нѣжныхъ чувствахъ», посмѣйте упомянуть «о нравственности», попробуйте сказать,

что это, пожалуй, «немножко проституція»,—у меня найдется, чѣмъ зажать вамъ ротъ. Я еще иначе разскажу вамъ, какъ добывается у насъ право, высшее право—плевать на все, что когда-то было свято и дорого. Попробуйте!

Докторъ ничего не понималъ. Тутъ я разсказала ему все: и какъ мнѣ стало Сергѣя и тетю Женю жалко, и какъ я представлялась, и чего хотѣла и чего достигла, — словомъ, «о пріятіи зла» по Тетровскому.

Не щадя себя, я разоблачила чудо. Докторъ былъ ошеломленъ невыразимо. Я думала, онъ обидится за свою психіатрію, оказавшуюся въ такихъ дуракахъ, но онъ сказалъ, что ко мнѣ нельзя подходить съ обычной мѣркой, что я или геніальная, высокаго давленія и масштаба артистка, или...

Онъ не договорилъ,

Я разсмѣялась.

— О, успокойтесь, я настоящая ученица Тетровскаго! И потомъ, замѣтьте, теперешній человѣкъ, если не сидѣлъ въ тюрьмѣ, не былъ хоть разъ кандидатомъ въ домъ сумасшедшихъ, не собирался вѣшаться, топиться, стрѣляться,—что же это и за человѣкъ? Правда?

Онъ сказалъ:

— Вы умны, даровиты чортовски, у васъ отличная душа,—вамъ надо выбиться. Завтра я привезу ваше заработанное и готовъ вамъ служить, какъ скажете.

И онъ, дѣйствительно, привезъ и былъ мнѣ отличнымъ другомъ.

Теперь, если бы я сказала тетѣ Женѣ и Сергѣю, какъ заработала деньги у доктора и студента (студентъ принесъ двѣсти—милый человѣкъ, избѣгался, насобиралъ, гдѣ только могъ; но я была уже богата, ему пришлось разносить деньги обратно, что не помѣшало намъ стать друзьями), если бы я сказала имъ всю правду,— они ни за что бы со мной не согласились, назвали бы мое художество очень некрасивымъ именемъ и денегъ «такихъ» отъ меня не взяли бы. Пришлось ихъ обмануть до конца. У Сергѣя, дѣйствительно, что-то начиналось въ легкихъ. Я отправила ихъ въ Швейцарію. Процессъ во время захватили: Сергѣй спасенъ и закончилъ свою книгу въ свободныхъ и хорошихъ условіяхъ.

Словомъ, я пожалѣла, защитила, спасла ихъ, какъ защищаютъ, берегутъ люди своихъ любимыхъ, кровныхъ. Это у насъ принято, считается естественнымъ. Разговоръ можетъ быть только о способѣ выполненія, о томъ, какъ можно—хорошо и какъ нельзя—скверно.

Угрызенія совѣсти послѣ моего такого шарлатанства я не чувствовала, но все же я хорошо знаю, отчего у меня такъ рано начали сѣдѣть виски...

Устроившись матеріально, какъ надо для такого человѣка, какъ я (для этого я разрѣшила себѣ еще нѣсколько художественныхъ дебютовъ,

отлично заработала, зрители были въ восторгѣ, я дала имъ изящныя, глубоко волнующія, рѣдкія въ нашей жизни переживанія и плату за это со спокойной совѣстью положила на мой текущій счетъ:—въ самомъ дѣлѣ, если пошло на заработки, то извольте платить за мое искусство, какъ оно стоитъ; при этомъ, должна подчеркнуть, мнѣ не пришлось осквернять моего тѣла—нѣтъ, нѣтъ, я торговала только искусствомъ), обезпечивъ себѣ комнату, столъ и башмаки, я занялась моей семьей и домомъ уже совсѣмъ иначе.

Покажу, какъ я тутъ работала. Начну съ Копчика. Я тогда не пропускала ничего, чтобы не подвернулось подъ мою творчески озабоченную руку.

Дѣло было такъ. Онъ шелъ и я шла.

Онъ, какъ будто небрежно, но въ сущности довольно зорко осматривалъ каждую проходившую женщину. Было ясно, что онъ искалъ себѣ на часъ подругу.

Есть такіе мужчины, не глупые, отлично знающіе человѣческую жизнь, и въ ея прошломъ и въ настоящемъ, и даже вѣрующіе въ наше «славное будущее». Проституціей они, какъ и всякіе порядочные люди, искренно возмущаются, осуждаютъ себя за подобные грѣхи, добросовѣстно себя грызутъ, въ хорошія минуты даже презираютъ, но... молодые годы, сидящіе въ крови распущенные въ страстяхъ бабушки-дѣдушки, наконецъ, сила привычки (не виноваты же они, что ихъ такъ воспитали, къ этому пріучили) и... имъ

иногда нужна женщина, ничѣмъ ихъ не связывающая, нужна любовь, ни къ чему ихъ не обязывающая—сторговаться въ цѣнѣ и квиты.

Таковъ былъ и Копчикъ. Правда, онъ страстно мечталъ о своей женщинѣ, искалъ и не находилъ. Ему не везло. Ни одной настоящей, захватывающей встрѣчи. Все мелко, узко, пошло,—видишь каждую насквозь и знаешь, чего ей надо. Это противно, ужъ лучше безъ прикрасъ, безъ обоюднаго обмана. Нѣтъ истиннаго чувства и страсти, такъ подчинимся неумолимымъ требованіямъ природы, просто, открыто, безъ фальшивыхъ иллюзій:

— Можно васъ проводить?

— Пожалуйста.

— Сколько стоитъ ваша любовь?

— Столько-то.

Тутъ что ни человѣкъ, то свои пріемы и подходы. Одни изъясняются выразительнымъ взглядомъ, другіе предпочитаютъ подтолкнуть, какъ бы невзначай, третьи любятъ промычать надъ ухомъ такое, гдѣ словъ нѣтъ и въ то же время все понятно. Никогда мужчина не бываетъ такъ жалокъ и противенъ, какъ тогда, когда онъ откровенно, съ легкостью господина положенія «такъ» ищетъ женщину. Никогда женщина не бываетъ такъ жалка, противна и несчастна, какъ тогда, когда вынужденно откликается на «такой» спросъ.

Вотъ въ такой некрасивый для человѣка моментъ попалась я на глаза Копчику. Онъ оцѣ-

нилъ меня, догналъ, промычалъ надъ ухомъ, какъ полагалось, а результатъ извѣстенъ: порядочная съ негодованіемъ и испугомъ отшатнется, «такая» послѣдуетъ за господиномъ. Мнѣ, какъ, навѣрно, и многимъ женщинамъ, не разъ приходилось слышать такія загадочныя предложенія. Къ нимъ привыкаешь, они, какъ плевки подъ ногами, неразрывно связаны съ улицей. Но никогда у меня такъ сильно, такъ больно не закипало сердце, какъ отъ «авансовъ» Копчика. Милое, открытое, благородное лицо и такая гадость. Какъ онъ можетъ? Какъ онъ можетъ?

Острая жалость, гнѣвъ, обида сжали горло. Зачѣмъ, зачѣмъ это у насъ дѣлается? Для здоровья надо, для хорошаго самочувствія. Боже мой, да какое же это надо имѣть здоровье, какой вкусъ, какую совѣсть, чтобы такъ расходовать свои страсти, чтобы этимъ довольствоваться, въ этомъ черпать хорошее и радостное?! Какъ страшно, невыносимо, стыдно!.. Точно всѣ изнасилованныя, замученныя, вынужденныя принимать такую любовь, такую пытку, подступили ко мнѣ, окружили, молятъ:

— Не терпи! Не принимай! Заступись! Научи его иначе относиться и къ себѣ самому и къ намъ. Взыщи хоть съ одного за всѣхъ!

Я обѣщала имъ:

— Хорошо. Я научу, взыщу!

Сдѣлавъ развеселое лицо, съ улыбкой человѣ-

ка, научившагося и воевать и, когда надо, провозить «контрабанду», я догнала господина.

— Простите, вы кажется сказали мнѣ что-то, да?

Я заглядывала ему въ лицо съ очень загадочнымъ видомъ.

Господинъ улыбнулся, не сомнѣваясь, что клюнуло. А я жеманилась.

— Право, я не разслышала, повторите.

Господинъ смѣялся.

— Слово не воробей, вылетѣло—не поймаешь.

— Никакого слова и не было, ей-Богу, не было. Вы только промычали вотъ какъ...

Я комически его передразнила.

— Развѣ понятно?—Хоть кому скажите, не пойметъ.

Господинъ былъ въ восторгѣ.

— Это прелестно! Вы очаровательны! Куда вы идете? Можно мнѣ съ вами?

Я поспѣшно отвѣтила:

— Конечно, если хотите. Иду домой.

— А къ вамъ можно?

— Пожалуйста, буду рада. Должна вамъ сказать, я вольный казакъ, живу какъ хочу, никакого начальства надо мной нѣтъ. По-моему, я живу очень шикарно,—да вотъ увидите. Мнѣ нравится ваше лицо, будемъ друзьями, хотите?

Господинъ уже держалъ меня подъ руку, нѣжно шепча:

— Конечно, хочу. Такая милая женщина,— очень радъ!

— Вотъ и прекрасно. А какъ васъ зовутъ?

— Прокофій.

— Я васъ буду называть Копчикомъ, можно?

— Пожалуйста. Развѣ я похожъ?

— Да. У васъ во взглядѣ нѣтъ-нѣтъ и сверкнетъ что-то властное, хищное. И носъ орлиный. Только въ орлы, пожалуй, вы не вышли, а въ Копчика—какъ разъ. Люблю я эту птицу: маленькая, а посмотрите, съ какимъ апломбомъ себя утверждаетъ. Сколько въ ней энергіи, жизни, злости. Я обожаю сильныхъ, жадныхъ, люблю злюкъ. Я сама, другой разъ, какъ разозлюсь—ухъ!

— Должно быть, очень страшно?

— Смѣйтесь, смѣйтесь—узнаете.

Всю дорогу я острила, старалась по возможности выдержать стиль женщины «безъ предразсудковъ» и убѣдила господина, что я есть какъ разъ то, что ему надо. Самочувствіе у него было превосходное, хотя, не опредѣливъ въ точности, изъ какихъ я, онъ замѣтно было насторожѣ.

Дружба наша укрѣплялась не по часамъ, а по минутамъ. Придя ко мнѣ, мы уже были на ты.

— У меня, Копчикъ, всегда такъ: если схожусь съ человѣкомъ, такъ—скоро, мгновенно и до гробовой доски.

Господинъ начиналъ увлекаться мной не на шутку.

— Въ тебѣ, милая, есть что-то ядовитое, опьяняющее. Это мнѣ нравится. Ты не шаблонная.

Я раскланялась.

— Благодарю! И въ тебѣ, милый, есть что-то,

что доводитъ меня, сознаюсь,—до чортиковъ... Вотъ мы и пришли. Раздѣвайся, другъ, будь какъ дома. А я пойду распоряжусь. Давай кутнемъ для начала дружбы.

Освѣтивъ комнату на всѣ огни, я ушла, оставивъ его одного. Надо же было дать ему время хорошенько осмотрѣться. Комната моя должна была его удивить, она совершенно не отвѣчала тому, что сложилось обо мнѣ на улицѣ. Воображаю, какъ неожиданно рѣзнули его Толстой, Бетховенъ, Бёклинъ, Ницше, расположенные у меня такъ, что всякому ясно, что тутъ ихъ знаютъ, что тутъ ихъ любятъ. И книги мои онъ успѣлъ разсмотрѣть и чѣмъ больше знакомился съ ними, тѣмъ болѣе долженъ былъ недоумѣвать.

Когда я вошла, онъ разсматривалъ томикъ Верлэна. У меня все внутри дрожало, клокотало. Я рѣшила дать ему то, чего мужчины никогда не даютъ проституткамъ, научить тому, чему они никогда ихъ не учатъ. Я взволнованно шагала, обдумывая, съ чего и какъ начать. Онъ почувствовалъ, что я совсѣмъ другая, что дѣло выходитъ не совсѣмъ такъ, какъ онъ, очевидно, желалъ. Онъ весь какъ-то подтянулся и, замѣтно, избѣгалъ говорить мнѣ ты.

Я начала:

— Да, обстановка моя не обманула васъ. Я, голубчикъ, не проститутка. Я нарочно такъ держалась. Я видѣла, что вы ищите женщину, что вамъ скучно. Мнѣ тоже скучно, я рѣшила взять васъ въ товарищи моего сегодняшняго вечера. Если

вы можете помириться съ тѣмъ, что вечеръ пройдетъ безъ привычныхъ вамъ любовныхъ утѣхъ,— я попросила бы васъ остаться со мной. Я хотѣла бы съ вами поговорить. Это ничего, что мы столкнулись и познакомились на улицѣ, это не важно, не въ этомъ дѣло. Мы, люди, бываемъ иногда ужасно одиноки и съ тоски идемъ на всякія глупости. Не сердитесь, что я васъ обманула, я женщина неглупая и постараюсь, чтобы не было намъ скучно.

Я позвала прислугу, суетилась, хозяйничала, дала ему время освоиться съ перемѣной фронта. Тутъ я уже пустила въ ходъ чары интелигентной женщины.

— Я, голубчикъ, готовлюсь къ сценической дѣятельности и не пропускаю случая, гдѣ только можно, попрактиковаться. Артистка должна все умѣть. Сцена требуетъ огромнаго знанія жизни и человѣческихъ сердецъ. Артистка ни въ какомъ случаѣ не должна быть невѣжественной. Она должна все пронизать своимъ артистическимъ окомъ, все продумать. Вотъ вы кончаете университетъ, спеціальность юриста тоже требуетъ отъ васъ знаній и развитія всесторонних. Мнѣ очень интересно будетъ съ вами побесѣдовать о жизни и людяхъ—этой темой я сейчасъ особенно занята. Знаете, меня ужасно тревожитъ наша интеллигенція...

Онъ отошелъ. Моя спеціальность артистки его нѣсколько устроила. Онъ съ большимъ интересомъ меня слушалъ. Въ его положеніи, въ сущ-

ности, больше ничего другого ему и не оставалось.

— Да, многаго я не понимаю въ нашей жизни, а разобраться въ этомъ мнѣ сейчасъ необходимо, до зарѣзу! Можетъ, и вы чѣмъ либо поможете. Наши условности меня сводятъ съ ума. Говорятъ, нехорошо лгать, жульничать и притворяться. И въ тоже время мы всѣ и всячески изо дня въ день это дѣлаемъ. И замѣтьте, это нисколько не мѣшаетъ намъ другъ друга уважать, любезно пожимать руки. За это насъ также и въ участокъ не тащатъ и въ тюрьму не сажаютъ, такъ какъ мы все это продѣлываемъ чинно, благородно, по всѣмъ правиламъ тонкаго воспитанія и практической необходимости. Такое воспитаніе, такая необходимость не только насъ объединяютъ, но и служатъ прочной круговой порукой. Грубо жульничать, открыто лѣзть въ карманъ другого у насъ непринято, считается безчестнымъ и очень энергично пресѣкается, а тонко, искусно, по установленнымъ правиламъ—сколько угодно. Тутъ—круговая порука, которая называется у насъ также и обществомъ. Она и защититъ, и спасетъ, и оправдаетъ. Тутъ она такія историческія, экономическія и всякія иныя причины выдвинетъ, такъ убѣдительно докажетъ нашу отъ нихъ зависимость и чуть не погибель (охъ, ужъ эти наши «погибели», какъ перчатки изготовляемъ мы ихъ и на всѣ случаи и вкусы!), что нужно имѣть очень безпокойную душу, явно больную совѣсть, чтобы такой правдѣ не вѣрить, въ такой

истинѣ не объединиться и не успокоиться. Я замучилась. Не принимаю я такой правды, не удовлетворяетъ она меня, не успокаиваетъ, а со мной, навѣрное, и другихъ. Подумать только, что у насъ дѣлается. Воспитываютъ тебя въ хорошихъ, благородныхъ словахъ, идеяхъ, чувствахъ, съ пеленокъ объ этомъ твердятъ, гордятся, если ты заучилъ и тоже ихъ повторяешь, а вздумай проводить твое благородное на дѣлѣ, отъ тебя потребуютъ: «не нарушай порядка, живи, какъ заведено». Не покоришься, начнешь доказывать, что «заведенное» плохое, лукавое,—тебя объявятъ зловреднымъ, затравятъ, какъ скверную собаку! Не образумишься—въ тюрьму тебя загонятъ! Въ домъ сумасшедшихъ! Замучаютъ! Убьютъ! Развѣ это не подлое, не варварское предательство? Для какого дьявола, скажите пожалуйста, меня прекрасному, высокому учили и въ церкви, и въ школѣ, и дома. Зачѣмъ хрестоматіи трогательныя для меня составляли, литературой, всякимъ художествомъ благородный вкусъ воспитывали, когда ему нѣтъ мѣста въ живой жизни, когда его затретъ, сведетъ на нѣтъ любая глупость житейскаго «заведеннаго». Зачѣмъ на такую муку, на такое безсиліе обрекаютъ все, чему учили, что я свято приняла, чему вѣрила, что стало моимъ самымъ дорогимъ. Съ кого за такое неразумное, убійственное взыскать? Кто мнѣ за мою попранную, изнасилованную душу отвѣтитъ, когда они, меня родившіе, меня всему доброму обучившіе, становятся моими же врагами? И если не соб-

ственноручно, такъ предоставятъ другимъ расправиться со мной за то, что я доброе, высоко человѣческое слишкомъ ужъ буквально приняла. Они, мои родители и мои благородные учителя, допустятъ, чтобы меня, съ моей чистой душой, съ моей святой вѣрой, затравили и убили, какъ собаку. Да что же это такое? Самый дикій, несчастный звѣрь никогда не предастъ такъ своихъ звѣренышей, какъ предаютъ, отдаютъ на поруганіе своихъ дѣтей люди. Что можетъ быть страшнѣй такой нелѣпости? И мы живемъ въ ней, констатируемъ, терпимъ...

Я произнесла этотъ монологъ съ экспрессіей, за которой таились горькія переживанія и невыплаканныя слезы. Мое ораторское искусство замѣтно взволновало Копчика, онъ поблѣднѣлъ, на вискѣ у него вздулась и нервно билась жилка.

Послѣ такого вступленія я развернула предъ Копчикомъ довольно содержательный, кой въ чемъ даже необычный, рефератъ на тему о сумашествіи людей. Я коснулась только двухъ пунктовъ людского помѣшательства—половой жизни и отношенія къ интеллигенціи. Я показала Копчику подлинную, царственную свободу человѣческаго слова. Да, нѣтъ того, къ чему бы не могъ подойти человѣкъ со своимъ разумомъ и сердцемъ! Главное—какъ подходимъ, чѣмъ освѣщаемъ!

По взволнованному, прямо потрясенному лицу Копчика я видѣла, что мой подходъ, мое освѣщеніе «предмета» и въ глубь, и въ ширь, и

въ высь кажутся ему не только необычными, но прямо сверхъестественными. Я сказала то, что надо сказать, чему пришла пора, что должны сказать именно сами интеллигенты.

Не привожу сейчасъ моего реферата. Объ этомъ, т.-е. о сумасшествіи людей, скажу какънибудь въ другой разъ. Сейчасъ же буду продолжать о Копчикѣ.

Закончила я мой рефератъ такъ:

«Писатель Мережковскій крикнулъ, а за нимъ вопятъ и другіе, что хамъ идетъ, что хамъ вездѣ проникаетъ, на все свои хамскія руки накладываетъ, вездѣ свои хамскіе вкусы утверждаетъ. Вопятъ перепуганные рыцари и въ рыцарскомъ ослѣпленіи и страхѣ за своихъ идоловъ не видятъ, не чуютъ, не догадываются, что и еще кто-то идетъ (всегда шелъ, всегда будетъ итти, пока живы люди), идетъ по трудной, заваленной страшными глыбами дорогѣ, идетъ сквозь хамство, интеллигентство, звѣрство, идетъ и снизу и сверху, и съ самаго дна земли—имя ему человѣкъ. Идетъ человѣкъ—свободный, мудрый, взявшій у прошлаго и настоящаго всѣ его подлинныя цѣнности, смѣло отбросившій узаконенныя глупости и предразсудки, идетъ, чтобы среди нашихъ уродствъ, грѣховъ и слабостей утвердить живую душу человѣка, а съ ней и все то, цѣнное, чѣмъ человѣкъ живъ. Такого человѣка никакимъ высокимъ положеніемъ не извратишь, никакимъ трудомъ не запугаешь, никакимъ почетомъ и славой не изуродуешь. Онъ не даромъ все увидѣлъ,

все понялъ, все принялъ, за все расплатился муками тяжкаго, одинокого пути. Такого человѣка,—могутъ рыцари успокоиться,—хаму никогда не одолѣть, изъ рукъ такого человѣка его сокровищъ хаму никогда не вырвать! И это не сказка, а правда, правда. Человѣкъ живъ! Будетъ жить, какъ бы слабые, грѣшные люди ни искажали, не оплевывали его и въ себѣ самихъ и въ другихъ»...

Да, надо знать Копчика,—а я его раскусила умѣло направленной болтовней еще на улицѣ,—чтобы понять, до чего я его исколотила моимъ неожиданнымъ рефератомъ — мѣста живого не оставила. О, я умѣю говорить, когда мнѣ надо, когда у меня больно кипитъ сердце. Мои слова, интонація, жесты пріобрѣтаютъ силу какой-то особой убѣдительности—жгутъ, сверлятъ, попадаютъ въ самую цѣль.

Взволнованный, сбитый и восхищенный онъ, не отрываясь, слѣдилъ за каждымъ моимъ словомъ и жестомъ. Иногда у него срывалось:

— Какая сумасшедшая сила! Такъ все поднять. Это гроза! Это гроза!

— Да, Копчикъ, гроза, посланная Господомъ-Богомъ на ваши окаянныя души! Ишь, чего натворили! Освѣженіе и очищеніе атмасферы тутъ неизбѣжно, такъ какъ скопленіе «духоты» изумительное. Крестись, парнишка, освѣжаться, чиститься пора пришла!

Когда я кончила, Копчикъ грустно молчалъ. Я была довольна. Цѣль моего реферата была достигнута. Толчковъ для преображенія въ человѣка я ему надавала страшное дѣло сколько, сумѣлъ бы только разобраться, принять мои зацѣпы какъ слѣдуетъ. Ну, да я помогу. Я видѣла, что прочно ворвалась, кой въ чемъ уже сбила, внесла мое.

Отдохнувъ, я нарушила наше содержательное молчаніе:

— Разскажи мнѣ, Копчикъ, теперь о себѣ.

Онъ долгимъ взглядомъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза. Сказалъ тихо:

— Сейчасъ не могу. Да и что говорить? Дома, какъ на улицѣ, на улицѣ, какъ дома. Вотъ вы другое дѣло. Для васъ слова не только слова, но куски вашего живого мяса, капли вашей живой крови. И вы правы, такъ и надо. Я къ вамъ, какъ скотъ, вы ко мнѣ по-человѣчески—чувствуй, дубина, что человѣкъ есть, живъ! Чувствую, вижу... У васъ яростная, стихійная доброта и щедрость. Ужъ если что подвернется подъ вашу заболтливую руку—капутъ! Ни за что не выпустите. Или принимай, что даю, или въ таръ-тарары—такъ?

— Не забывай, мнѣ тоже навязываютъ и еще какое «таръ-тарары». Я борюсь...

Онъ перебилъ.

— Конечно, вы правы. Вы отъ души, безкорыстно даете и настоящее, такое, что люди рѣдко другъ другу даютъ. Вы вправѣ такое навязы-

вать, вправѣ негодовать, разъяснять, когда не видятъ, не цѣнятъ. Охъ, чувствую, мнѣ предстоитъ еще не одинъ «рефератъ». Кое въ чемъ я варваръ, грѣшникъ неисправимый. Мнѣ бы слѣдовало бѣжать отъ васъ... только это уже невозможно—попался. Влипъ, какъ муха въ клей. Теперь вамъ остается наколоть меня на булавку и присоединить въ вашу коллекцію. Любопытно, въ какую я попаду компанію—вѣдь не оставите же въ клею пропадать, не оставите.

Онъ мнѣ все больше и больше нравился. Мой ядъ въ достаточной степени проникъ въ его душу. Отравить его до конца, перегнуть, передѣлать и, конечно, взыскать, все взыскать. Пусть хоть одинъ отвѣтитъ по настоящему. Съ чего теперь дальше?

Копчикъ помогъ:

— Тамъ на улицѣ вы сказали мнѣ—будемъ друзьями. Вы не раздумали? Не отмѣняете?

— Конечно, нѣтъ. Что за вопросъ!

— Благодарю васъ.

Онъ склонился и поцѣловалъ мнѣ руку. Я мгновенно отвѣтила ему тѣмъ же. Онъ поблѣднѣлъ и отшатнулся.

— Богъ знаетъ, что вы дѣлаете!

Я смѣялась весело, до слезъ.

Опять у него на щекѣ дергалась жилка. Онъ съ трудомъ процѣдилъ:

— Вотъ это щедрость злости, подлинной женской злости.

— Я стою за равноправіе.

Копчикъ усмѣхнулся.

— Когда буду уходить, не забудьте подать мнѣ пальто. Такая побѣда, увѣряю васъ, будетъ не менѣе блестящая. Очень странное равноправіе.

— Тутъ, Копчикъ, дѣло вкуса, размаха, темперамента. Знаешь, когда я была очень юной дѣвушкой и долго потомъ, можетъ, еще и теперь, я постоянно, страстно мечтала о мужчинѣ довольно необычномъ. Представь, онъ меня любитъ, сильно, хорошо. Я люблю его также. И вотъ онъ прежде всего, прежде нашихъ радостей любви, нашихъ зачатій и рожденій, приводитъ мнѣ чужихъ дѣтей, какихъ-нибудь сиротъ, взятыхъ въ пріютѣ для подкидышей. Даритъ мнѣ ихъ и говоритъ: «Пусть будутъ они также нашими дѣтьми». Неправда ли, какъ сентиментально? Не могу тебѣ передать, какъ я о такомъ мужчинѣ мечтала, какъ ждала его, даже искала, какъ любила бы тѣхъ, чужихъ, имъ подаренныхъ. Люди скажутъ, это ненормально. Зачѣмъ чужихъ, лучше родить и любить своихъ? Въ томъ-то и дѣло, что такъ дѣлаютъ всѣ, а какъ онъ, мой мужчина— никто, никто! Нѣтъ, ты не поймешь такой мечты, такой тоски...

Копчикъ метнулся въ креслѣ.

— Напрасно думаете. Очень понимаю. Больше, я объ этомъ уже слышалъ, другими, правда, словами, но мысль та же.

— Отъ женщины слышалъ?

— Да, отъ женщины.

— Она проститутки?

Копчикъ сильно покраснѣлъ, но не опустилъ глаза:

— Да, проститутка.

Я съ удивленіемъ всматривалась въ него.

— Копчикъ милый, какъ ты напоминаешь мнѣ моего мужа! Только сейчасъ замѣтила. Глаза твои темнѣютъ, какъ у Николая. И въ голосѣ то же сходство. Какъ это странно!

Копчикъ ужасно растерялся.

— Развѣ вы замужемъ?

Я сильно волновалась, отходила отъ Копчика, снова подходила, не довѣряя своимъ глазамъ. И смотрѣла, смотрѣла.

— Боже мой, какъ меня волнуетъ это сходство!

Копчикъ молчалъ, напряженно ловя каждое мое слово. Въ глазахъ застылъ вопросъ, огромный для него, нужный. Глаза пытали: гдѣ же твой мужъ? А губы крѣпко сжаты въ небрежную складку рѣшенія: говори, если хочешь, а я ни за что не спрошу.

Я молчала, ждала вопроса. Онъ сидѣлъ гордый, строгій, какъ каменный. А глаза молили: не томи, скажи!

Продержала я его такъ довольно долго. Мнѣ нравилась его стойкость. Я чувствовала, какъ сильно онъ уже отравленъ мной. Мнѣ стало жаль его. Ну, хорошо, пусть будетъ по-твоему!

Когда я заговорила, онъ вскочилъ съ такимъ видомъ, точно сейчасъ должно случиться, что-то для него непоправимое. Въ ту же минуту взялъ

себя въ руки, подошелъ къ графину, спокойно налилъ воды, и только, когда подносилъ стаканъ ко рту, рука дрогнула и выдала, во что ему обошлось спокойствіе.

— Мой мужъ удивительный человѣкъ. Я встрѣтилась съ нимъ въ одной гостиной. Оттуда мы пошли къ нему, проговорили ночь до утра, и я осталась у него. Нашла, наконецъ, мой настоящій, родной домъ. Николай—докторъ и очень богатъ. Насъ объединила мечта построить въ жизни хрустальный дворецъ. И мы его строили. Находился онъ на окраинѣ города, нѣсколько на горѣ, среди густого, вѣкового парка. Огромное зданіе фантастической архитектуры съ крышей изъ граненаго хрусталя. Стройныя башни высоко поднимались къ небу. Все зданіе, несмотря на свою массивность, было полно граціи и сказочной воздушности. Оно все бѣлое и много въ немъ чего-то блестящаго, сверкающаго, переливающагося всѣми цвѣтами радуги. Оно давало полную иллюзію хрустальнаго дворца. На главномъ фасадѣ большими зеркальными буквами было написано:—«Во имя живого человѣка».

Тамъ помѣщалась особенная, художественная санаторія. Въ ней лѣчили людей радостью и красотой. Аптекой тамъ пользовались только въ крайней необходимости, на первый же планъ выдвигалась психика, эстетика и высшія духовныя переживанія. Санаторія была безплатна, но кто не хотѣлъ чувствовать себя облагодѣтельствован-

нымъ, для тѣхъ имѣлась касса, куда они могли вносить свою благодарность.

Внутри хрустальнаго дворца все также было сказочно и ничѣмъ не напоминало больницу. Высокія залы со стеклянными потолками поднимались въ самое небо, онѣ были полны цвѣтовъ, растеній, свѣта и красоты. Для каждаго больного создавалась индивидуальная обстановка. Были комнаты, которыя представляли собой какой-нибудь кусокъ природы. Стѣны тамъ искусно были расписаны, обстановка тамъ незамѣтно для простого глаза сливалась съ живописью, и нельзя было разобраться, гдѣ правда, а гдѣ начиналось уже искусство.

Каждаго поступившаго въ хрустальный дворецъ сначала изслѣдовали и, примѣняя, если требовалось, медицинскія средства, постепенно вводили въ другой міръ, заволакивали его сознаніе сказкой, врачевали душу красотой, всевозможными впечатлѣніями и радостью. И служащіе въ этой санаторіи были особенные, всѣ члены одной семьи. Каждый шагъ, каждый опытъ обдумывался сообща. Тутъ было полное художественное и духовное единеніе. Выполняя намѣченное, никто не гнушался никакого труда. Были отдѣлы, гдѣ всѣ службы несли разнаго возраста дѣти, а также или одни юноши или дѣвушки.

Душевно-больнымъ и людямъ съ навязчивыми идеями, путемъ эстетическихъ, трогательныхъ или потрясающихъ переживаній, выполненныхъ для нихъ съ той высокой художественностью, гдѣ

терялось всякое понятіе о неправдѣ,—внушались имъ то реально, то мистически, навязывались то нѣжно, то властно иныя идеи, желанія и чувства. Больные выходили изъ хрустальнаго дворца точно рожденные заново.

Были случаи, когда для того, чтобы спасти человѣка, встряхнуть, оживить его помутившуюся душу, приходилось создавать для него потрясенія исключительныя. Приходилось, напримѣръ, создавать полную иллюзію ада, провести черезъ этотъ адъ его тѣло, заново потрясти душу и истомленнаго, замученнаго, усыпивъ, разбудить въ раю, дать тамъ отдохнуть, надышаться и голосомъ неземного, мощнаго величія приказать: иди опять въ жизнь, живи въ ней иначе! И приказывалось, какъ надо жить. Больной просыпался въ обычной обстановкѣ и, полный то страшныхъ, то божественныхъ воспоминаній и внушеній, начиналъ жить, точно иного у него никогда и не было. Такимъ образомъ спасали иногда людей обреченныхъ на безнадежное безуміе.

Каждому создавались сказки, потрясенія, радости согласно его заболѣванію и индивидуальности. Для этого имѣлись въ санаторіи свои актеры и художники. Былъ свой отличный симфоническій оркестръ, прекрасно подобранная труппа артистовъ, создающихъ необходимыя для больныхъ впечатлѣнія и переживанія, втягивающихъ ихъ такъ, что они и не подозрѣваютъ, что съ ними актеры и не реальныя, выдуманная дѣйствительность. Для необходимыхъ эффектовъ тамъ

примѣнялось все, что намъ даютъ наука, техника и художество сцены. Тамъ имѣлись свои интересныя, захватывающія книги, которыхъ нельзя было нигдѣ найти въ продажѣ.

Санаторія дѣлилась на два отдѣла: для способныхъ выздоровѣть и для безнадежныхъ. Выходили изъ больницы всѣ заново наполненными, пережившими красоту и радость такъ глубоко и сильно, какъ на землѣ только возможно.

Врачуя ихъ прекраснымъ, внушая радостное, почти молитвенное отношеніе къ жизни, имъ не закрывали глазъ на другое. Для яркости контраста, также художественно разворачивали предъ ними весь ужасъ, всю бездну существующаго у людей зла. Незамѣтно, какъ тонкій ядъ, прививали имъ страсть къ красотѣ, къ высшему служенію жизни, къ благородному, человѣчному обращенію со всякой живой душой, и глубокое, ничѣмъ не искоренимое отвращеніе ко всему грубому, некрасивому, не человѣчному. Не прививъ такой страсти, такого отвращенія, ни одного живого человѣка никогда не выпускали изъ хрустальнаго дворца. Были больные, которыхъ приходилось выдерживать годы. Неспособныхъ же перерождаться для радостнаго, высшаго переводили въ отдѣлъ для безнадежныхъ, гдѣ они и доживали свой вѣкъ. Выздоровѣвъ, переродившись, люди уходили, благословляя насъ. И каждый считалъ своимъ долгомъ чѣмъ возможно послужить нашему, такъ необходимому для людей, дѣлу. Притекающія со всѣхъ сторонъ средства по-

могали намъ расширять и еще совершеннѣй ставить наше врачеваніе.

Во второмъ отдѣлѣ, для безнадежныхъ, леченіе протекало такъ же серьезно и внушительно. Тамъ красотой, радостью, всякими эстетическими и духовными наслажденіями старались ослабить страданія, примирить со смертью, помогали хорошо, достойно умирать. Незамѣтно, какъ тонкій ядъ, тамъ прививали спокойное, мудрое отношеніе къ уходящей жизни и радостное, молитвенное отношеніе къ грядущему умиранію. Въ этомъ отдѣлѣ уходили въ смерть, также благословляя насъ.

Хрустальный Дворецъ сталъ всеобщимъ достояніемъ. Изъ разныхъ концовъ нашей земли тянулись въ него усталые, больные люди, ища спасенія отъ мукъ. Ихъ тамъ встрѣчали два отдѣла: изъ одного выходили навѣкъ отравленными жаждой красоты, страстной тоской по высокой, истинно человѣческой жизни, изъ другого отдѣла всѣ, въ положенный Богомъ каждому часъ, попадали только на кладбище. Но это была строгая, святая тайна Хрустальнаго Дворца.

На балконѣ главной, самой высокой башни дворца въ звѣздную ночь иногда стоятъ, крѣпко прижавшись другъ къ другу, два человѣка. Мужчина смотритъ внизъ, гдѣ сквозь стеклянные потолки видна кипящая внутри работа, заведенная рукой и волей безстрашнаго человѣческаго сердца. Женщина смотритъ вверхъ, въ самое лицо неба. Кажется, они оба молятся. Женщина шеп-

четъ:—Прости намъ, нашъ Богъ! Мы это дѣлаемъ для прекращенія безсмысленныхъ мученій, во имя красоты и царства на землѣ живого человѣка.

Такъ стоимъ мы съ Николаемъ...

Я замолчала радостная, гордая, поднявшаяся высоко-высоко. Я совершенно забыла, что это неправда, что ничего этого нѣтъ.

Голосъ Копчика вернулъ меня къ дѣйствительности. Онъ тоже понялъ, что это греза.

— Какая вы сказочница!

Я срываюсь и не могу удержать душившихъ меня слезъ.

— Да, да, я, какъ пьяница, запоемъ уношусь въ мечты и сказки. Потомъ срываюсь, мечусь, какъ отравленная, смертельно, безнадежно. Душа томится, плачетъ... Копчикъ, милый, не могу я принять нашей такой жизни, оскорбляетъ она меня, угнетаетъ, мучитъ. Не могу я согласиться, что иначе нельзя, что наша жизнь не въ нашей власти. Неправда! Невѣрно! Такъ могутъ разсуждать слѣпые, лукавые да тараканы.

Боже мой, какъ я устала! Какъ хочется иногда забыться, чтобы не просыпаться больше. Все, что люди сдѣлали неразумнаго, страшнаго, камнями легло мнѣ на душу, и давитъ и требуетъ расплаты. И я расплачиваюсь до смертнаго изнеможенія. И только распластаюсь въ жаждѣ вѣчнаго покоя, какъ снова и снова раздается надо мной страшный гласъ и призываетъ меня изъ мертвыхъ. Точно труба того Архангела, что бу-

детъ сзывать насъ на послѣдній судъ, раздается надо мной и снова требуетъ, приказываетъ:

— Иди, живи, вѣрь и борись!

И я встаю обновленная, снова сильная, творческая. И снова борюсь и еще сильнѣй вѣрю и въ душу человѣка, и въ его великій разумъ, и въ мои сумасшедшія грезы.

Нѣтъ у меня ни Николая, ни Хрустальнаго Дворца. Но я вѣрю,—Николай есть, существуетъ. У него прекрасное, большое сердце, чуткая, смѣлая совѣсть. Онъ полонъ огромной, трепетной любви и божественнаго цѣломудрія. Онъ ничего не боится, ни отчего не уклоняется и не лукавитъ—онъ не такой, какъ всѣ. Онъ есть, онъ существуетъ! Только я, можетъ, никогда съ нимъ не встрѣчусь...

Нѣтъ у меня Хрустальнаго Дворца, но я вѣрю, онъ будетъ. Не я, другіе его выстроятъ. Я, можетъ, расчищу для него мѣсто, вобью въ его фундаментъ также и мой кирпичъ. И выростетъ онъ на горѣ, высокій, чудесный, свѣтлый. Двери его будутъ открыты со всѣхъ сторонъ. Будутъ итти, итти въ него люди усталые, больные, озвѣрѣлые, а выходить смѣлые, сильные, прекрасные, какъ боги. И возвратятся они въ жизнь и будутъ дѣлать въ ней все иначе. Жизнь въ рукахъ такихъ людей станетъ неузнаваемой, разумной и прекрасной. И перестанетъ калѣчить насъ нелѣпость, зло перестанетъ царить, ненависть не будетъ такъ страшно, такъ звѣрски искажать наши сердца, и никогда, никогда не будутъ тянуться

у насъ руки, чтобы разорвать горло брата. И каждый камушекъ, каждый гвоздикъ, положенный, вбитый рукой человѣка, будутъ говорить, радоваться, кричать: «Слышите, слышите, теперь на землѣ живутъ люди!»

Копчикъ ушелъ отъ меня сильно издерганный и не менѣе сильно увлеченный.

Когда онъ уходилъ, былъ на порогѣ, я сказала ему:

— Ты тѣхъ, на панели, не трогай больше— хорошо?

Онъ вздрогнулъ, какъ отъ удара хлыстомъ, и опять долгимъ взглядомъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза. Спокойно сказалъ:

— Не позволяйте себѣ этого! Не надо такъ злиться, мстить. Или вы считаете меня безнадежнымъ? Напрасно, я еще далеко не мертвецъ...

Я очень смутилась, хотѣла загладить мою жестокость. Онъ не далъ мнѣ говорить.

— Нѣтъ, нѣтъ! По существу вы правы. Только не надо такъ. Вамъ не идетъ, вы можете иначе...

Копчикъ полюбилъ меня горячно, страстно. Онъ любилъ меня прежде всего всѣмъ своимъ тѣломъ—такъ привыкъ, иначе не умѣлъ. Его томленіе, его муки пугали меня и приводили въ отчаяніе.

Я требовала отъ Копчика:

— Преодолѣй тѣло, подчини, согни, стань надъ нимъ полнымъ властелиномъ. Никто этого не дѣлаетъ, никто этого не добивается, а ты сдѣлай,

добейся, докажи, что человѣкъ можетъ быть господиномъ своихъ инстинктовъ и страстей. Хочу, чтобы были на свѣтѣ такіе мужчины.

Копчикъ страдалъ. Чтобы не огорчить меня, боролся со своею страстью—и изнемогалъ: она была сильнѣе его воли, его разсудка.

А я съ тоской слѣдила за его борьбой. Мнѣ казалось, что въ этомъ замѣшанъ весь міръ, что отъ побѣды Копчика надъ своею плотью зависитъ наше воскресеніе, наше великое будущее. Осилитъ онъ, значитъ, осилятъ и другіе. А осилить надо. Ничто насъ такъ не уродуетъ, не принижаетъ, не оскотиниваетъ, какъ наша часто тупая, одуряющая, безсмысленная плоть, возведенная по грѣхамъ, по слабостямъ нашимъ, въ званіе всесильной, непоборимой. Долженъ человѣкъ вырваться изъ такого неразумнаго, убійственнаго плѣна. Надо развѣнчать кумировъ, сбросить постыдное рабство. Отъ этого сильно измѣнится, преобразится наша жизнь, выше, прекраснѣе станутъ наши страсти, любовь и рожденія.

Я хочу видѣть мужчинъ самовластными и цѣломудренными. Это этапъ нашего—«дальше!»

Копчикъ долженъ одолѣть, осилить и этимъ доказать, что моя вѣра жива, что мои надежды не напрасны.

Борьба разгоралась—кто осилитъ, кто побѣдитъ?

Я стала Копчику помогать, стала искусно создавать для него всевозможныя видимости, усиливала конфликты, ускоряла ихъ разрѣшеніе. Онъ

то ходилъ въ какомъ-то упоеніи, ногъ подъ собой не чуя, то срывался и жилъ растерянный, самъ не свой.

Иногда говорилъ мнѣ:

— Ты замучила меня. Издергала всего, испепелила.

— Такъ надо, Копчикъ, такъ надо, ты долженъ стать другимъ, долженъ переродиться. Надоѣли мужчины-тряпки, мужчины-проститутки,— будь другимъ. Докажи, что это можно, докажи. Мнѣ надо тебя такимъ видѣть. Это этапъ нашего изумительнаго—«дальше!»

Копчикъ грустно улыбался.

— Не любишь ты меня,—въ этомъ все дѣло. Любила бы—иначе бы все принимала. Иногда я ловлю себя въ томъ, что готовъ тебя возненавидѣть—это ужасно! Не мучь меня, пощади!

— Я хочу видѣть тебя другимъ. Ты долженъ полюбить меня иначе.

— Не могу, пойми, не могу!

Я съ ужасомъ слѣдила за его борьбой.

— Ты долженъ, Копчикъ, ты долженъ. Чтобы любить людей, быть имъ настоящимъ другомъ, иногда надо быть суровымъ, непоколебимымъ, безпощаднымъ. Огромныя груды навалены между нами, ты все разбросай, доберись къ самой моей сущности. Къ иному сердцу нельзя добраться, не искровянившись, не замучившись до смерти. У меня такое сердце. Подойди ко мнѣ, одолѣй все.

Копчикъ тоскливо метался:

— У тебя большое и страшное сердце—о, чего

бы я ни сдѣлалъ, чтобы подойти къ нему! Но не могу, не въ силахъ. Правда, я очень измѣнился, на многое сталъ смотрѣть твоими глазами. Много въ твоемъ справедливаго, вѣрнаго,— но отчего же, отчего во мнѣ закипаетъ протестъ противъ твоего справедливаго, вѣрнаго? Я начинаю ненавидѣть твою святость, все твое хорошее. Презираю себя за то, что подчинился, гнусь по твоей указкѣ. Гордость, самолюбіе мое мучается. Ахъ, почему ты не грѣшная, не падшая, какъ я, какъ многіе! Не знаю, выйду ли я въ герои по твоему рецепту, но съ ума сойду—навѣрно!

Я молила его:

— Копчикъ, милый, ты долженъ вырвать, вытравить изъ себя все старое, все. Оно плохое, не настоящее.

Копчикъ пытался улыбнуться.

— И когда я стану выжженный, пустой—что тогда?

— Тогда будетъ смерть твоя или воскресеніе. Иначе нельзя, нельзя. Тутъ судьба.

Копчикъ убѣгалъ отъ меня, проклиная мою жестокость. И снова приходилъ, каялся и любилъ, и проклиналъ. Я замучилась съ нимъ, но ничего не помогало. Страсть владѣла имъ непобѣдимо, безгранично. Однажды онъ совсѣмъ озвѣрѣлъ, набросился на меня—я еле отъ него отбилась.

Я пришла въ отчаяніе, прогнала, чтобы онъ не показывался мнѣ на глаза цѣлый мѣсяцъ. По-

томъ мнѣ стало его жалко, написала, что прощаю. А сама цѣлую ночь не спала, все обдумывала, какъ поступать съ нимъ дальше.

Когда я увидѣла изъ окна спѣшащаго ко мнѣ Копчика, у меня вдругъ созрѣлъ отчаянный планъ. Я рѣшила дать ему генеральное сраженіе. Пока онъ поднимался по лѣстницѣ, я мгновенно раздѣлась и когда онъ вошелъ ко мнѣ, я, какъ безумная, металась по комнатѣ, срывая съ себя бѣлье и изступленно крича:

— Паукъ! Паукъ! Ради Бога, помогите! Маша, ищите, голубушка! Я ненавижу, боюсь пауковъ до ужаса, до смерти!

Я сорвала съ себя послѣднее — рубашку, чулки, вскочила на диванъ, ничего не видя, не соображая, дрожа и плача отъ испуга.

— Онъ въ бѣльѣ! Онъ тамъ! Онъ спустился съ потолка! Полѣзъ мнѣ за шею. Найдите, раздавите его! Ой, онъ, можетъ, у меня въ волосахъ!

Я распустила волосы и трясла ихъ.

— Боже, онъ ползетъ у меня по спинѣ. Ай-ай, спасите!

Я, какъ сумасшедшая, билась въ рукахъ до нельзя перепуганнаго Копчика, и тутъ только его замѣтила.

— Копчикъ милый, тамъ въ бѣльѣ паукъ. Онъ полѣзъ мнѣ за шею. Я чуть не сошла съ ума. Я сильно перепугалась. Нехорошо мнѣ, кружится голова. Воды, пожалуйста, воды.

Копчикъ бросился къ графину, а я въ это время сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію

къ ковру и грохнулась въ обморокъ по всѣмъ правиламъ сценическаго искусства. Копчикъ невѣроятно растерялся. Обливалъ меня водой, теръ одеколономъ, называлъ нѣжными именами, встряхивалъ мое безчувственное тѣло. А я зорко слѣдила за нимъ изъ-за полузакрытыхъ рѣсницъ.

Онъ былъ въ отчаяніи. Боясь, какъ бы онъ чего добраго не побѣжалъ за докторомъ и не испортилъ всѣ мои планы, я нашла нужнымъ вернуться къ бытію и тихо застонала.

Какъ онъ обрадовался.

— Милая, милая, какъ ты меня напугала! Тебѣ лучше, скажи, тебѣ лучше?

Я стонала.

— Не трогайте меня, не трогайте... У меня пройдетъ, мнѣ надо полежать спокойно, тихо...— не трогайте...

Меня оставили въ покоѣ,—мнѣ только этого и надо было. Лежала я великолѣпно и знала, что дѣлала.

Когда у Копчика прошелъ острый страхъ за меня, ему, конечно, должны были ударить въ голову и моя поза и мое обнаженное тѣло.

Я наблюдала. Начиналось самое страшное.

Онъ поблѣднѣлъ, покачнулся. Не отрываясь, жадно смотрѣлъ на меня, что-то шепталъ и качался, какъ пьяный. Со стономъ потянулся ко мнѣ и сейчасъ же отскочилъ, схватившись за голову. Какое страшное искаженное лицо. Зубы скрипятъ, пальцы корчатся. Вотъ онъ весь вытянулся и сейчасъ же согнулся, какъ для

прыжка. Мгновеніе, и онъ бросится на меня, какъ вырвавшійся на волю звѣрь.

Я затаила дыханіе. Все было поставлено на карту: весь міръ, все будущее людей. Кто возьметъ верхъ—звѣрь или человѣкъ? Кому повелѣвать? Кому царствовать? Неужели опять звѣрю? Силы земныя и небесныя, помогите, помогите человѣку!

У меня такъ билось сердце, что, казалось, вотъ-вотъ разорвется. Копчикъ сдѣлалъ движеніе, насторожился, зачѣмъ-то оглянулся—Боже мой, совсѣмъ, какъ звѣрь! Я приготовилась: живой не сдамся. Слезы отчаянія, гнѣва замутили глаза, полились неудержимо, горько. Копчикъ тихо вскрикнулъ, я проглядѣла какой-то рѣшающій моментъ. Я увидѣла только, что онъ отпрянулъ, какъ ужаленный, и не оглядываясь бросился въ дверь. Звѣрь обратился въ бѣгство.

Я поднялась и, не сознавая вполнѣ, что дѣлаю, стала креститься слезно, молитвенно, такъ точно, какъ крестилась когда-то въ дѣтствѣ на заутренѣ при первомъ радостномъ вскрикѣ пѣвчихъ—«Христосъ воскресе изъ мертвыхъ».

Та же невыносимая растроганность заливала всю, подступала къ самому горлу, вырывалась изъ глазъ неудержимыми слезами, расла, ширилась. Точно поднимаешься, летишь на крыльяхъ и не одна, а всѣ, всѣ отдѣлились отъ земли, большой чудесной стаей парятъ, ликуютъ въ небѣ.

Такъ свѣтло, радостно встрѣтила я вѣсть о пришествіи человѣка. Съ тѣхъ поръ вѣрю: идолы

будутъ свергнуты, цѣпи разбиты. Во вселенной воцарится человѣкъ.

Надо не медлить, надо расчищать ему дорогу.

Копчикъ вернулся часа черезъ три. Нашелъ меня, конечно, въ постели, съ компрессомъ на головѣ и слабымъ голосомъ, выздоравливающей. Нѣжно за мной ухаживалъ и улыбался какой-то новой, виноватой улыбкой. Когда я ожила совсѣмъ и встала, онъ цѣловалъ мнѣ руки, съ собачьей преданностью заглядывалъ въ глаза, тихо шепталъ:

— Я начинаю тебя любить иначе. Я научусь любить по-твоему.

Послѣ такого толчка Копчикъ сильно измѣнился. Но идольство старое, многовѣковое сидѣло въ немъ. Нѣтъ-нѣтъ и прорывалось. Такъ назрѣлъ нашъ послѣдній бой.

Въ тотъ день я опять видѣла на улицѣ дѣтей проститутокъ.

Когда Копчикъ пришелъ, я была зла, какъ чортъ. Не успѣлъ онъ войти, какъ я на него набросилась.

— Скажи пожалуйста, что ты ко мнѣ ходишь? Чего волнуешь, дразнишь? Я тоже живая, мнѣ тоже хочется жить «полной жизнью», хочется тоже страсти, любви. Нѣтъ среди васъ моего мужчины—и не надо! Не хочу больше ждать, томиться,—буду жить, любить по-вашему. Не хочу больше торчать среди васъ съ моими мечтами, съ моей тоской, какъ пень какой-то одино-

кій, проклятый. Не понимаешь меня, не можешь подойти ко мнѣ, какъ надо—и къ чорту! Ты для меня посторонній, одинъ изъ многихъ. Кончено, иду къ вамъ, буду жить «полной жизнью». Только это не справедливо. Должны быть дома терпимости также и изъ однихъ мужчинъ, чтобы молодая, здоровая женщина могла притти, выбрать себѣ любого мужчину, за пять-десять цѣлковыхъ получить отъ него любовь и уйти ничѣмъ не связанная, ни къ чему не обязанная. Вы доводите меня до бѣшенства. Ладно, пусть будетъ по-вашему—будемъ «жить и любить». Я выбираю тебя, давай мнѣ твою любовь, а потомъ на всѣ четыре стороны—никакихъ сентиментовъ, никакихъ обязательствъ. А понравишься, угодишь, я тебя еще приглашу или приду къ тебѣ сама. Вотъ десять рублей—раздѣвайся! Чего окаменѣлъ? Говорятъ тебѣ, раздѣвайся! Любить тебя желаю, любви твоей хочу. Для здоровья мнѣ это надо—для хорошаго самочувствія.

Я разсмѣялась прямо ему въ лицо.

Копчикъ, блѣдный какъ смерть, процѣдилъ:

— Ты, кажется, съ ума сошла, опомнись!

Съ негодованіемъ повернулся и ушелъ.

А я вслѣдъ шипѣла:

— Какъ хочешь! Не ты—другіе найдутся. Могу, пожалуй, прибавить—хочешь двадцать? Тридцать! Пятьдесятъ! Постой, могу еще прибавить.

Прошло дня три. Получила отъ Копчика письмо. Онъ защищалъ свое чувство, свое человѣческое достоинство хорошо, по настоящему. Пи-

шетъ, что между нами все кончено, что больше онъ ко мнѣ не придетъ, постарается меня забыть.

Къ чорту! Я знала, за что воевала, за что требовала расплаты.

Черезъ недѣлю еще письмо отъ него, полное муки, раскаянія, страсти.

Я отвѣтила: «Мнѣ нуженъ наложникъ за деньги».

Опять письмо проклятій, угроза мести. Потомъ полетѣли жалобы, обѣщаніе притти ко мнѣ и повѣситься.

А я свое: «Проститутка мужского пола мнѣ требуется».

Прошла еще недѣля. Видѣла въ щель шторы, какъ бродилъ онъ подлѣ дома, заглядывалъ ко мнѣ въ окна, измученный, исхудалый, жалкій. Боже мой, какая страшная сила! Былъ здоровый, вольный, а теперь одурѣлый, скрученный, самъ не свой. Онъ въ моей власти. Отъ меня зависитъ потащить его куда захочу, куда захочу. И онъ пойдетъ, какъ несчастная, привязанная собака. Да какъ же можно такое иго терпѣть, такъ безразсудно покоряться? Ахъ, безтолковые, ахъ, сумасшедшіе люди! Ну, хорошо же, несчастная собака, я потащу тебя, куда надо, научу быть господиномъ, а не захочешь—берегись!

Еще нѣсколько дней, и онъ не выдержалъ—пришелъ.

Я встрѣтила его спокойно.

— Вотъ и прекрасно, что соглашаешься. Я

такъ и думала. Въ сущности, предразсудокъ, что продаваться должны только женщины...

Копчикъ устало опустился, тихо сказалъ:

— Ну, будетъ тебѣ, все разъяснила, взыскала, понялъ...

У меня сильно забилось сердце.

— Что же ты понялъ? Что взыскала?

Онъ не отвѣтилъ, а только поднялъ на меня свои отяжелѣвшія отъ безсонныхъ ночей вѣки. Какіе замученные, потухшіе глаза—весь перегорѣлъ. Что-то новое залегло въ уголкахъ губъ, такихъ раньше самонадѣянныхъ, свѣжихъ. Какъ онъ исхудалъ, постарѣлъ, совсѣмъ больной. Жалость, огромная, материнская, закипѣла во мнѣ.

— Ахъ дурень, такъ себя уходить!

Я уложила его въ постель, сняла башмаки, освободила отъ воротника, вытерла одеколономъ виски, шею—онъ не протестовалъ, подчинялся, точно иначе и не могло быть. Заперла дверь, улеглась съ нимъ рядомъ, просунула руку ему подъ голову и привлекла его къ себѣ на грудь съ той заботой, на которую мы женщины способны, когда жалѣемъ, любимъ. Онъ обнялъ меня, прижался ко мнѣ со стономъ долго желанной, вымученной нѣжности. Лежали молча, слышалось какъ взволнованно бились наши сердца. Я чувствовала, мою грудь заливало что-то теплое и влажное. Копчикъ неудержимо, беззвучно плакалъ...

Да, много я дала ему мукъ, толчковъ, терзаній, всего, всего. Лежалъ у меня на груди и плакалъ уже не Копчикъ, какимъ я его встрѣ-

тила, а мое дитя, мое произведеніе. Перегнула-таки, смяла по-моему, вдохнула въ него «моей души». Много передумалось, не легкая была работа—ну, что было, то было. А теперь...

Я склонилась къ нему съ той радостью, съ той нѣжностью, съ какой смотритъ мать на своего первенца. Онъ поднялъ глаза, посмотрѣлъ, улыбнулся и тихо сказалъ:

— Мамочка!

Господи, какія нотки, неожиданныя, сейчасъ рожденныя, зазвенѣли въ его голосѣ, какимъ свѣтомъ загорѣлись его глаза!

— Мамочка!

— Да, глупый, ребятенокъ, мамочка. Какъ же ты этого не видѣлъ, не понималъ, не признавалъ меня?

Виноватый шепотъ:

— Теперь увидѣлъ, призналъ...

— Ну, слава Богу, слава Богу! Какую обузу ты снялъ съ моей души. Какъ же ты не понималъ, что я за человѣкъ, какъ же ты не видѣлъ меня во весь мой ростъ? «Женщина»—и для тебя тутъ было все. Знаешь, Копчикъ, если бы мнѣ принесли корону и сказали: на, царствуй! я взяла бы ее такъ же спокойно, просто, какъ беру стаканъ чаю. А не нашла бы въ ней для себя интереса и смысла—отставила бы ее такъ же просто, какъ отставляю пустой стаканъ. И это не фраза, не красивый жестъ, а правда моей сущности. Я куда-то такъ высоко поднялась, такъ тамъ вольно парю, что что̀ мнѣ ваши земныя прерогати-

вы?—Я тоже царь. И мнѣ подвластны силы, которыхъ ни за какія сокровища міра нельзя купить. Съ такой царственностью только родятся. Я, навѣрно, умру дѣвушкой, что-то я не вижу среди васъ моего мужчины... Запомни, Копчикъ, хорошенько. Птицы съ такимъ взмахомъ крыльевъ, какъ у меня, никогда не отдаются пѣтухамъ и воробьямъ... Это противоестественно... Тутъ твой страшный предо мной грѣхъ.

Копчикъ шепталъ:

— Да, да, мамочка! Я понялъ, ты не женщина, ты сверхъестественное существо, ты что-то такое, чего еще на свѣтѣ не было. Ты гроза на наши окаянныя души...

Я чувствовала, у меня прорвались и тоже льются слезы.

— Ну, слава Богу, не только буря, не только встряска, но и освѣженіе атмосферы начинается. Дала толчки, дала! Ну очищайся, преображайся. Пойми! Главная задача людей теперь: надо одолѣть стихіи пола, подчинить волѣ самодержавнаго—«я такъ хочу!» Тутъ новая наша эра. Тутъ наши страсти, наши зачатія и рожденія такъ подымутся высоко, такія родятся симфоніи—о, какія возможности, какія потрясающія чудеса я тутъ вижу! Нелѣпость кончится—подумай, что вы дѣлали! Страсти пола, въ кипучкѣ жизни, должны занимать такое же мѣсто, какъ, напримѣръ, флейта въ оркестрѣ. Но чтобы такую богатѣйшую симфонію, какъ наша человѣчья жизнь, разыгрывать, какъ дѣлаете вы, т о л ь к о н а о д-

ной флейтѣ—это безвкусица, это нелѣпость невѣроятная! И я поражалась вашей всѣхъ отсталости, не понимала, какъ можно до такого невѣжества себя довести. Свѣтъ не только въ окнѣ—о, какое дурачье вы всѣ! Оглянитесь, сколько инструментовъ въ нашей божественной сущности, на каждомъ изъ нихъ можно играть такъ же страстно, такъ же самозабвенно и потрясающе, какъ вы играли до сихъ поръ только «на флейтѣ». Тупицы вы несчастныя!

Копчикъ робко растегивалъ мнѣ блузку. Я чувствовала, такъ пробирается ко мнѣ не звѣрь, не насильникъ, не грубый властелинъ, а дитя, дитя, мной рожденное.

Открывъ мнѣ грудь, Копчикъ склонился и благоговѣйно поцѣловалъ, приложился, какъ вѣрующіе прикладываются къ иконѣ.

— Мамочка, прости меня, дурака, Христа ради!

Да, этотъ человѣкъ воистину воскресъ. Тѣло женщины стало для него иконой. Приложившись ко мнѣ, онъ «заговѣлъ», онъ никогда не подойдетъ больше къ женщинѣ, какъ подходилъ до меня. Я мое доброе сдѣлала. Копчикъ вступилъ на путь человѣка «флейта» поставлена туда, гдѣ она должна быть, симфонія жизни будетъ разъигрываться уже иначе. Воистину! Воистину воскресе!..

И такъ добытыхъ, такъ передѣланныхъ сыновей у меня уже есть не мало.

Очищать нашу жизнь, подталкивать или собственноручно помогать людямъ преображаться въ

человѣка, перевоспитываться на иныхъ началахъ, болѣе достойныхъ и породѣ человѣка отвѣчающихъ—стало моей страстью, такъ же властной, необоримой, какъ бываютъ у иныхъ страсти къ пьянству, къ картамъ, къ наживѣ, къ любовнымъ приключеніямъ.

Ничего тутъ нельзя было подѣлать, такова моя жизненная линія, моя обреченность, моя судьба. Разбудитъ, бывало, среди ночи тебя сила какая-то—и давай нашептывать упорно, неотвязно, до тѣхъ поръ, пока своего не вколотитъ, согласія моего разума и души не добьется. Зудитъ, бывало: «ты и на это обрати вниманіе, и сюда заглянь, и тамъ не прогляди; и еще вотъ что я тебѣ скажу, вотъ этимъ подѣлюсь, еще на это глаза твои открою».

И нашепчетъ, бывало, указаній, да толчковъ всякихъ такую уйму надаетъ, что ходишь, какъ ошалѣлая—голова трещитъ и не понимаешь, что съ тобой дѣлается. И, какъ завинченная машина, все думаешь, все разбираешься, до всего умомъ своимъ дойти хочешь. И доходишь,—вѣдь вотъ что изумительно!

Кто это шепчетъ? Кто будитъ и свое такъ упорно навязываетъ?

Да, много мы понимаемъ изъ того, что дѣлается и въ насъ и вокругъ! Я, напримѣръ, могу сказать и подтвердить сотнями фактовъ, что надо мной всегда стоялъ какой-то контроль. Какъ собьюсь, сейчасъ за шиворотъ и пошло зуденіе по ночамъ, непремѣнно по ночамъ, иначе не же-

лали: «Ты что-же это надѣлала? Развѣ такъ можно? Почему не поступала, какъ было сказано, почему уклонилась? Что за шутки такія неумѣстныя! Изволь исполнять, какъ говорятъ тебѣ,— попробуй мнѣ еще уклониться, попробуй!..»

И идетъ зуденіе, «съ направленіемъ на путь истинный», цѣлую ночь, а то и нѣсколько ночей подрядъ. Вы думаете, я сочиняю? Жаль, что вы не можете видѣть сейчасъ мои глаза, гдѣ залегли всѣ мои безсонныя ночи и видны очень даже ясно...

Что это за контроль такой? Что за наставленія такія и непремѣнно по ночамъ?

Какъ честный изслѣдователь, провѣрившій все и взвѣсившій, должна сказать: надъ нами, людьми, дѣйствительно, есть контроль. За нами слѣдятъ, къ преображенію въ человѣка всячески насъ подталкиваютъ. Тутъ у меня собранъ огромный матеріалъ, тутъ я кому угодно могу доказать живыми фактами правду моего такого утвержденія.

И не только слѣдятъ, но и намъ самимъ, по отношенію къ другимъ людямъ, такой контроль, такія подталкиванія къ преображенію человѣка навязываютъ, довѣряютъ, поручаютъ. И ничего тутъ нельзя подѣлать, тутъ линія, обреченность, судьба.

Вотъ такой порученный, навязанный, довѣренный контроль и подталкиваніе къ преображенію человѣка я вижу въ моей сущности, въ моей линіи и судьбѣ. Господи,

сколько я причиняла людямъ непріятностей вотъ этими моими свойствами «контроля и подталкиванія», сама страдала отъ этихъ непріятностей, сама мучилась, не понимая, почему я такая (упорная, неистовая, неисправимая никакими непріятностями). И только теперь понимаю, вижу, что такой контроль кому-то нуженъ и что мнѣ это было поручено, во мнѣ было завинчено, и мнѣ оставалось только разряжаться.

Ничего нельзя подѣлать—такъ есть. Мнѣ дана громадная, трепетная и безграничная любовь къ человѣку, его типу, виду, породѣ. Мнѣ приказано: «контролируй, очищай, перевоспитывай, направляй, подталкивай людей къ преображенію въ человѣка и къ его послѣ дующему—«дальше! дальше!»

Устану, бывало, ошалѣю отъ моей «миссіи» да непріятностей, что людямъ причиняю «контролемъ», и говорю себѣ: «Довольно оригинальничать! Что за донкихотство такое нелѣпое! Что за сраженія «съ вѣтряными мельницами!» Угомонись, неистовая Надежда, почудила и мѣру знай! Спустись, приземись, живи, какъ всѣ».

О, съ какой радостью я спускаюсь, забиваюсь куда-нибудь въ уголокъ, на цвѣтики въ полѣ любуюсь, по лѣсу брожу, каждымъ кустикомъ восторгаюсь и дышу, дышу. А отдышусь,—что же вы думаете?—опять начинается зуденіе по ночамъ:—«Да какъ ты смѣешь прохлаждаться такъ долго! Отдохнула и за работу—развѣ ты не видишь, что тамъ дѣлается? какая чистка нужна?

какъ людямъ твои толчки и контроль необходимы? Ступай сейчасъ, засучивай рукава, дѣлай свое дѣло!»

И ничего нельзя подѣлать. Беретъ кто-то тебя за шиворотъ, толкаетъ снова въ работу, и пошли новые разряды! И такъ будетъ до самой смерти. И, умирая, я, навѣрно, буду посылать жизни и людямъ мои заботы и толчки. Такая механика, такъ черезъ мой организмъ, Творецъ желаетъ выявлять свой вкусъ и волю. Ничего нельзя подѣлать—такъ Онъ желаетъ.

И иду я снова въ жизнь, обуянная заботой матери, задачами художника, идеями философа, изученіемъ изслѣдователя,—вѣдь вотъ какой у меня сложный аппаратъ! И всѣ они бушуютъ во мнѣ, каждый своего добивается.

Мать убѣждается опять, что на хорошихъ словахъ, безъ матеріальнаго подкрѣпленія, нелѣпость одна получается. Слова, слова, слова—и ни чорта больше!

Философъ съ помощью лѣзетъ: «Говорю тебѣ, глупая, что нѣтъ худа безъ добра, какъ нѣтъ и добра, въ которомъ не таилось бы какого-нибудь худа. Все перемѣшано и все не такъ, какъ мы думаемъ. Ничего не выдѣляй, все бери, очищай, преображай, изо всего лѣпи твой образъ, твои хотѣнія, твои мечты».

О Господи! А художникъ свое: «милѣйшая Надежда Дмитріевна, мамаша изъ васъ получилась очень замѣчательная, только безъ денегъ никакъ не обойтись, каждый шагъ въ жизни надо опла-

чивать. Не печальтесь, не мы съ вами такое выдумали и учредили. Надо принять, надо деньги зарабатывать. Но только не вашимъ же женскимъ, да еще не привилегированнымъ трудомъ,—бросьте глупости. Разрѣшите вамъ помочь...»

— Это что же, опять какъ у тети Жени? Какъ у князя Р.? какъ у...

— И такъ, дорогая, и иначе. Вы же знаете, что мы съ вами можемъ, какъ угодно, когда только захотимъ, когда намъ это надо. Искусство—вездѣ искусство.

— Да врать и притворяться мнѣ не нравится, понимаешь, не нравится!

— А вы смотрите на это, какъ на подвигъ, какъ еще и на т а к о е служеніе жизни, добру и Господу-Богу. Почему вы рѣшили, что способность лгать, притворяться,—что-то въ насъ скверное? А я вамъ докажу, что нѣтъ того, гдѣ бы мы съ вами не нашли наличности вотъ этой нашей способности выдумывать и лгать. Возьмите наши искусства—да! Всѣ они построены на выдумкѣ, на лжи, которыя у насъ называются благороднымъ словомъ «Фантазія». Почемъ мы знаемъ, до чего можемъ дойти въ этихъ нашихъ свойствахъ? Воръ эту силу употребляетъ для кражи кошелька, политикъ—для своего дѣла, дипломатъ, министръ—для своего. А мы съ вами—для нашего. Въ обмѣнъ на деньги дадимъ людямъ отличныя переживанія,—то трогательныя, то радостныя, то за сердце хватающія, то поднимающія, подталкивающія, куда мы съ вами за-

хотимъ, куда тянуть людей, не забывайте, намъ съ вами поручено. И въ рамкахъ установленнаго, вѣрьте, я васъ не подведу. Вы человѣкъ жизни нужный—никогда не подведу! Все будетъ честь-честью, какъ всѣ. Съ той только разницей, что у нихъ выходитъ грубо,кустарно, а у насъ вдохновенно, «съ искрой Бога». Тутъ, понимаете, обмѣнъ цѣнностей—не печальтесь, это, право, хорошо. Это жизнь, это замѣчательное наше свойство!..

И не отстанетъ отъ меня «зуда» до тѣхъ поръ, пока не соглашусь.

И закипаетъ работа. И сыпятся на голову людей всякія переживанія. И толчковъ для преображенія въ человѣка люди получаютъ достаточно, и деньги у насъ откуда-то появляются. Не краденыя, не вынужденныя. Добровольно, съ радостью люди намъ эти деньги приносятъ, хорошо, братски дѣлятся съ нами. Вотъ вѣдь какія чудеса! И мамаша во мнѣ во всю работаетъ, домъ чиститъ, дѣтей своихъ доводитъ до ума.

Вы думаете, господа, я вамъ литературу сочиняю? Ничего подобнаго! Именно я такъ живу, такъ бурлю и разряжаюсь. Аппаратъ у меня необычайный—это фактъ, съ которымъ ничего нельзя подѣлать,—такъ есть. Мнѣ сила какая-то дана, право отпущено, власть на все крѣпко во мнѣ завинчена. За что бы я ни взялась—выходитъ толкъ. И помогаютъ мнѣ какія-то сверхъестественныя силы—это тоже несомнѣнно. Называйте вы это какъ хотите, а я, навѣрно, знаю, что мой

Творецъ такъ выявляетъ во мнѣ свое любимое дѣтище—человѣка.

Иногда у меня съ моимъ Творцомъ происходятъ бесѣды.

— Ну, что, Надежда, вскарабкалась въ гору?

— Вскарабкалась, мой изумительный Творецъ. Трудненько было—это вѣрно. А все же вскарабкалась, по Твоей милости.

— И видно, Надежда?

— Очень хорошо видно! Куда ни взгляну, все какъ на ладони.

— Что же ты, дитя мое, видишь?

— Да все, что Твоей милости угодно, все.

— Какъ у людей, по-твоему?

— Скверно, очень не хорошо! Во-первыхъ, на половой жизни застряли, запутались, страшное дѣло, какихъ дикостей да гадостей натворили!

— Да, это такъ, это вѣрно. Ничего не подѣлаешь, надо реакцію...

— Вотъ, вотъ, именно реакцію! И хорошую, настоящую.

— А можешь, Надежда, ты за такое дѣло взяться?

— Могу.

— Ну, устраивай, мое милое дитя, устраивай.

— Непремѣнно, если Твоей великой милости этого желательно.

— Еще что, Надежда?

— Вижу затѣмъ у людей такое правило. Всѣ стремятся стать прежде всего: начальниками, чи-

новниками, министрами, редакторами, издателями, студентами, профессорами, присяжными повѣренными, писателями, инженерами, учеными, велосипедистами, генералами и генеральшами и вообще важными барами,—понимаешь, прежде всего.

— А человѣкъ какъ?

— Да никакъ! Говорятъ «звучитъ гордо»—и больше ничего!

— Плохо! Что же тутъ дѣлать, Надежда?

— Все тоже,—чистить и подталкивать, подталкивать и чистить! Результаты—налицо. Ужъ я постараюсь тебѣ парочку—другую еще ребятъ очеловѣчить. Сколько смогу—постараюсь.

— Старайся, Надежда, старайся. А потомъ еще поговоримъ...

И спускаюсь я съ моей горы къ вамъ, люди, и начинаю творить порученное. Въ самомъ дѣлѣ, вы думаете, что я съ моимъ наслѣдственнымъ темпераментомъ, съ моей всяческой кипучестью до сорока лѣтъ въ дѣвицахъ у васъ хожу такъ себѣ, какъ случайность какая-то, аномалія? Ничего подобнаго! Я съ Господомъ-Богомъ реакцію вамъ на половое распутство устраиваю, настоящую, здоровую реакцію...

— Какъ это вы, Надежда Дмитріевна, такая пріятная, интересная, огненная женщина, и пары себѣ не подберете?—спрашиваютъ меня иногда.

— Да очень трудно мнѣ,—отвѣчаю я. Хочу, чтобы мужчина мой былъ замѣчательный. Красота, чтобы, понимаете, насквозь—не только внѣш-

няя. И умный чтобы, и чудеса всякія тоже чтобы умѣлъ. Какъ богъ долженъ быть мой мужчина!

— Ну, это вы ужъ слишкомъ...

— Ничего не слишкомъ! Понимаю, что я не красавица, съ лицомъ простонароднымъ, а вотъ на меньшее не соглашаюсь, богъ долженъ быть— или никого. Воробьи да пѣтухи мнѣ ненадобны. Да и родить дѣтей среди вашего нестроенія и запустѣнія считаю не допустимымъ. Почемъ я знаю, смогутъ-ли мои дѣти ваше запустѣніе одолѣть? Получатъ-ли нужные толчки? А вдругъ растеряются, искалѣчатся, озвѣрѣютъ въ конецъ? Что я за сумасшедшая такая, что буду поставлять жизни калѣкъ, да звѣрей! Довольно съ васъ и вашихъ. А баловаться съ мужчиной безъ рожденій тоже мнѣ не нравится. Кому нравится, пусть балуются, а я не желаю!

— Словомъ, половая забастовка?

— Да, забастовка! И я убѣждена, что люди неизбѣжно должны пережить такую реакцію, такъ какъ распустились, дошли въ игрѣ «на флейтѣ» до такихъ дикостей, что больше ужъ и не куда. И такое худо родитъ свое добро. Появятся иные люди, брезгливые, утонченные въ чистотѣ насквозь, съ самодержавнымъ желаніемъ—«все должно быть такъ, какъ хочу я!» Они согнутъ, преобразятъ, подчинятъ своей волѣ и вкусу также и то, въ чемъ вы застряли, чего одолѣть не можете. И страсти этихъ людей, ихъ рожденія будутъ великолѣпными и потрясающими симфоніями. Да! Къ этому мы идемъ. И о васъ они

будутъ вспоминать въ исторіи, какъ о дикаряхъ грубыхъ, грязныхъ и противныхъ. И чтобы я стала съ такими дикарями путаться,—вотъ еще новости! Никогда этому не бывать!.. Я уже новый человѣкъ, моя жизнь уже похожа на симфонію настоящаго мастера. И такіе люди, какъ я, мы, въ сущности, только первыя ласточки. Я чувствую, за нами идутъ еще и не такіе человѣки. Идутъ художники и мастера—силы и красоты изумительной, это уже боги. Путь въ боги лежитъ черезъ преодолѣніе всѣхъ нашихъ страстей, въ подчиненіи всего нашей единоличной, всемогущей волѣ. Этого желаетъ нашъ Творецъ. Для этого и контроль.

— А какъ протекаетъ ваша работа м а т е р и?

— Великолѣпно! Прежде всего я основала «фондъ для очеловѣчиванія людей». Деньги страшная сила и въ настоящихъ рукахъ особенно чудодѣйственная. Я постаралась, чтобы этой силы было у меня какъ можно больше.

— Умно!

— Да, только мнѣ ужасно противно лгать и притворяться. Въ борьбѣ же съ вашей теперешней жизнью безъ этого никакъ нельзя. Душа у меня прямая, чрезвычайно искренняя. Я опрятная душевно, для меня лгать все равно, что надѣть на себя грязное, заношенное, скверно пахнущее бѣлье. Я такъ свободолюбива, чистоплотна, что, дѣйствительно, способна лучше въ смерть, чѣмъ въ «такое бѣлье». Я желаю людямъ добиться жизненныхъ условій, когда не надо будетъ

такъ жестоко кривить душой, со скрежетомъ итти на то, что органически противно. Тутъ уже подвигъ. И если бы я не была религіозна, я никогда бы не смогла черезъ такое служеніе пройти, не запачкавшись, не растерявшись. Я убѣдила себя, что это тоже матеріалъ для преображенія. Я шла на это, какъ художникъ, какъ знающій свое дѣло мастеръ. Но душа моя всегда брезгливо содрогалась. Я внутренно заливалась вся слезами, но говорила: да будетъ воля Твоя! И пила, пила и «эту чашу». Я чувствовала, что жизнь должна быть преображена, очищена, и для этого надо принять все, все пропустить черезъ свою душу, освѣтить своимъ свѣтомъ, залить слезами муки. И чудо совершится, все изъ твоихъ рукъ выйдетъ инымъ, просвѣтленнымъ и облагороженнымъ.

— Опять реакція на худо?

— Да! И добровольная! Тутъ подвигъ, тутъ служеніе. Противно, но я силой моей воли, стремленіемъ моего вкуса къ иному, беру это противное и преображаю въ добро. Въ моемъ фондѣ есть деньги, добытыя искусствомъ умно лгать, изящно притворяться. Поэтъ во мнѣ говоритъ: «это художественно, это и есть высокое искусство». А я знаю, что лгала, притворялась, и мнѣ отъ этого было очень тяжело и скверно. Но когда на эти деньги я всячески спасала женщинъ отъ проституціи, лѣчила больныхъ, кормила голодныхъ, платила за учебу дѣтей, помогала писателямъ писать свои книги въ болѣе здоровыхъ

условіяхъ, давала людямъ отъ себя всякіе толчки и зацѣпки для преображенія въ человѣка,—я чувствовала, что мои муки, мои слезы оправданы. Тутъ я уже по опыту говорю. Мы можемъ изъ нашей жизни сдѣлать, что захотимъ и не прибѣгая къ убійству, не сдирая съ ближняго послѣдней рубашки. Заряды на это намъ даются. Но это не легко, какъ всякое настоящее творчество—рожденіе, оно требуетъ мукъ и крови. На это нужны большія силы, божественная воля, контроль и самоотверженное устремленіе. Иначе получится упражненіе во лжи, въ притворствахъ, «кто во что гораздъ», что̀ у людей теперь и дѣлается сплошь да рядомъ. На такое служеніе нужны какіе-то иные люди, иные мастера, а съ ними—иная школа, тренировка. И они, эти иные люди, будутъ, они уже есть, чувствую по себѣ.

— Опять добро изъ худа!

— Да, при взглядѣ на наше теперешнее запустѣніе, у иного мастера разгорятся глаза, раззудится рука и начнетъ, и начнетъ онъ изо всего лѣпить чудеса и сказки. Мы насыщенны волшебствомъ. Вотъ вамъ примѣръ. Подхожу я къ запустѣнію съ моимъ инстинктомъ матери (черезъ такое отцовство и материнство люди, я чувствую, неизбѣжно должны пройти), и закипаетъ работа. Трещитъ все въ моихъ рукахъ, пыль столбомъ летитъ—домъ мой чищу! И берегись всѣ, кто попадется подъ мою руку. И въ голову загляну, и за воротникъ; юбченки и штанишки перетрушу, перечиню; и накормлю да такъ, чтобы и живо-

тишки не разстроились; и на истинно-человѣчное открою глаза; и удовольствіемъ всякимъ побалую. А надо, за дѣло, такъ распеку, что тошно станетъ; доведетъ—отшлепаю да такъ, что долго будетъ почесываться и вспоминать,«за что и для чего». Совершенно неузнаваемая картина получается! Куда и запустѣніе дѣлось! Все кипитъ, горитъ, преображается! Истая я мамаша, серьезная, какой и надо быть по нашимъ временамъ, нашему нестроенію. Земная я, крѣпко люблю землю и чего только не сдѣлаю ради того, чтобы на любимой мной, Боговой землѣ, утвердить по настоящему мой домъ, устроить какъ надо моихъ дѣтей! Если бы для этого понадобилось небо стащить на землю,—я не задумываясь, не колеблясь полѣзла бы это небо тащить. Вотъ какая я!

— Да, сверхъестественная мамаша. Думаю, что и небу пришлось бы уступить и почетно сдаться.

— То-то!

Вѣрила я въ разумность, всемогущество меня Пославшаго, вѣрила въ свою святую миссію—свидѣтельствовать людямъ о человѣкѣ, но иногда срывалась, переживала сомнѣнія страшныя.

Налетали шопоты... Что знаемъ мы объ этихъ шепотахъ? Объяснять ихъ волненіемъ крови, видѣть въ этомъ только «взвинченность воображенія», «неустойчивость психики»,—не значитъ ли это расписываться въ своемъ какомъ-то чрезвычайномъ невѣжествѣ и упрямствѣ? «Не желаю,

чтобы такъ было! И обоснованія даже научныя для этого подведу». И подводятъ.

А чудеса мчатся буквально мимо ихъ носа...

Тогда они надѣваютъ шоры, устремляются въ свою «облюбованную точку»—и эффектъ достигнутъ: «они не видятъ никакихъ чудесъ». Ну, а ужъ если «они не видятъ», значитъ, такъ оно и есть...

— Заблужденіе великое, милые мои ученые «въ шорахъ для устойчивости»! Что ни говорите, а чудеса остаются чудесами и ограниченность наша также!..

Да, налетали шопоты, и не даютъ спать, зудятъ на ухо:

— «А что если твоя философія, твое такое творчество, ни болѣе ни менѣе, какъ прелесть чертовская, а? Вѣдь антихристъ, говорятъ, придетъ великолѣпный, съ прекрасными, благородными словами на очаровательныхъ устахъ. И люди падутъ предъ нимъ, повѣрятъ, красотой его словъ соблазнятся. И попадутъ бѣсу въ лапы. А что если въ тебя забрался его предтеча и орудуетъ и ведетъ тебя и всѣхъ, кого ты увлекла въ свою скверну,—прямо Сатанѣ въ зубы? Ну, что тогда?»

И ворочаюсь, бывало, по ночамъ, и мѣста себѣ не нахожу и спорю:

— «Да нѣтъ же, не можетъ этого быть! Вѣдь было запустѣніе? Вѣдь до меня они всѣ не такъ жили, хуже, темнѣй и грязнѣй—это несомнѣнно, такой фактъ никуда не дѣнешь. И это все, всѣ

толчки къ ихъ очищенію и преображенію я учинила также и съ помощью лжи, актерства, хитрости—это вѣрно, это такъ! Почему же это не разсыпается прахомъ? Почему я не вижу, чтобы мое, такъ проявленное, въ этомъ зачатое и рожденное добро, калѣчило ихъ души, толкало въ худое, развращало? Или ослѣпило меня, и я все вижу не такъ, какъ есть? Неужели правда? Неужели Творецъ отдалъ меня чорту на поруганіе? Какъ въ этомъ разобраться? Господи, какая мука! Какое страшное испытаніе посылаетъ мнѣ жизнь! Шопоты, шопоты, что вы со мной дѣлаете?!»

Замученная, вся черная, съ большими затравленными глазами, въ которыхъ свѣтилось не 30, 35, а 130, 1035 лѣтъ, я металась, не находя себѣ ни покоя, ни мѣста. Теперь я вижу, что такая тренировка была нужна моей механикѣ, но тогда, не понимая, я мучилась отчаянно.

Какъ-то, замученная, затравленная до нельзя, я свалилась. И не то приснилось мнѣ, не то на яву прошло сквозь меня такое видѣніе.

Будто иду я въ гору, страшно неудобной дорогой.

Ночь надвигается, всходитъ луна. И странная я, будто и не женщина вовсе. Очень высокая, въ длинной одеждѣ и на головѣ что-то наброшенное закрываетъ мнѣ лобъ, спадаетъ къ ногамъ тяжелыми складками. Нѣтъ, не женщина я, я—человѣкъ! И что-то звучитъ, поетъ во мнѣ, шепчетъ: ты теперь человѣкъ! Ну, слава Богу, наконецъ-то! И я иду, и мнѣ ничто не страшно. Силу

въ себѣ какую-то громадную чувствую. Поднялась, смотрю—необъятное пространство вокругъ, направо и налѣво тянутся широкія, хорошо проторенныя дороги. У каждой дороги стоитъ по высокой фигурѣ. Направо—свѣтлая, ясная, чувствую,—это представитель добра, и дорога его ясна и свѣтла. Другая фигура налѣво также спокойна, величественна, но темна, неуловима, зловѣща, какъ и тянувшаяся за ней дорога, чувствую,—это самъ представитель зла. Я вижу, они смотрятъ на меня, рука каждаго изъ нихъ протянута ко мнѣ и ждутъ они, на чью дорогу я вступлю, чью руку приму, кого возьму себѣ въ спутники.

Я остановилась, опустила голову и задумалась о жизни и о нашей человѣчьей долѣ. Поднявъ голову невзначай, я уловила, что стоящіе предо мной враги обмѣнялись улыбкой. Такъ улыбаться могли только заговорщики. Такъ вотъ оно что? Они вовсе не такіе заклятые враги. Они въ чемъ-то сговорились, въ чемъ-то условились и будутъ попрежнему томить, терзать наши души, тянуть каждый къ себѣ.

Я опять опускаю голову, задумываюсь, соображаю, что можетъ дать людямъ мое такое открытіе. Смотря въ землю, я вижу, что между широкими дорогами заговорщиковъ вьется еще чуть замѣтная, но тоже хорошо утоптанная тропинка. Меня тянетъ, толкаетъ къ ней какая-то моя сила, она мнѣ диктуетъ мое дальнѣйшее поведеніе. Не подымая головы, такъ же задумчиво,

спокойно, просто я вступаю на эту тропинку, не оглядываюсь и бросаю на ходу врагамъ:

— Идите-ка, братцы, за мной! А не хотите, и безъ васъ управлюсь...

И я пошла, погруженная въ мои заботы и думы, и чувствовала, что они идутъ за мной, но не какъ владыки, а какъ «приглашенные въ спутники».

Я долго послѣ этого сна не могла опомниться.

Что это значитъ? Воображеніе поэта навѣваетъ мнѣ сюжетъ для стихотворенія въ прозѣ? Или Творецъ открываетъ мнѣ что-то важное, нужное? Или дьявольскія силы такъ играютъ мной, такъ тѣшатся?

Пойти къ Толстому (онъ тогда еще былъ живъ), разсказать ему все. Что онъ скажетъ? Онъ умный, онъ апостолъ жизни-добра. Чтобы не разбрасываться, что̀ неизбѣжно въ разговорѣ, я напечатала на машинѣ кратко и ясно все, что дѣлала, чѣмъ мучилась, надъ чѣмъ недоумѣвала, какіе дѣлаю выводы. Спрашивала, вѣрно ли, что служить Богу можно также и зломъ, въ томъ видѣ, какъ у насъ оно понимается, и просила его растолковать мнѣ, чѣмъ мое, такъ добытое добро, будетъ, напримѣръ, хуже того добра, которое онъ любитъ и утверждаетъ въ жизни?

Я хотѣла, помимо моего личнаго, напомнить Толстому эпизодъ, такъ остро и прямо поставленный Гюго въ его «Отверженныхъ». Блюстители нравственности и законнаго порядка преслѣдуютъ каторжника, ему грозитъ смертная казнь,

такъ какъ онъ бѣжалъ изъ каторги уже нѣсколько разъ. Какъ звѣря, преслѣдуютъ несчастнаго, затравленнаго человѣка. Онъ вбѣжалъ въ одинъ благочестивый домъ, ища спасенія. Тамъ рѣшили его укрыть, спасти.

Вотъ тутъ начинается наше художество, актерство и жульничество.

Погоня говоритъ правду:

— Мы видѣли, преступникъ вбѣжалъ въ вашъ домъ.

— Мы увѣряемъ, его здѣсь нѣтъ!—лгутъ спасители.

Погоня не вѣритъ, рѣшаетъ обыскать домъ.

Спасители хитрятъ, изворачиваются на всѣ лады.

Погоня нѣсколько сбита, идетъ на отступную съ условіемъ, если живущая въ этомъ домѣ сестра, не помню имени, словомъ, одна честная, правдивая, всѣми уважаемая женщина, скажетъ имъ, что преступника въ домѣ нѣтъ. Ей, только ей, такой испытанной, такой святой и честной, они могутъ повѣрить.

И вотъ предъ этой сестрой, дѣйствительно, удивительно честной, благочестивой, ничѣмъ въ жизни никогда не омрачившей свое служеніе Богу и правдѣ, предъ ней предсталъ выборъ: или сказать явную неправду (она знаетъ, видѣла, что преступникъ скрытъ именно здѣсь), согрѣшить, поступиться, или выдать человѣка на смерть?

Борьба изображена у Гюго ярко и выразительно,

и доброе, человѣчное сердце не смогло послать на смерть,—пусть падшаго, грѣшнаго, но все же человѣка.

Высоко добродѣтельная женщина, никогда не осквернившая свои уста неправдой, вышла къ погонѣ и, не моргнувъ, не покраснѣвъ, не смутившись, спокойно смотрѣла на нихъ своими никогда не лгущими глазами, сказала своимъ правдивымъ, честнымъ языкомъ:

— Его здѣсь нѣтъ.

И погоня ушла, усомнившись въ томъ, что̀ видѣла своими собственными глазами, и не сомнѣваясь въ правдѣ ея словъ. Такова сила вѣры.

Преступникъ спасенъ. Сестра солгала, великолѣпно, художественно притворилась, скрыла всю свою муку, ничѣмъ не выдала страшной борьбы. Развѣ такое выполненіе не актерство? И развѣ борьбой, мукой, ложью и актерствомъ она не послужила е щ е и т а к ъ все тому же возлюбленному Богу? Развѣ она не поднялась еще выше, не очистила неправду, не преобразила зло въ добро?

Я чувствовала, что иду къ Толстому съ какой-то огромной жизненной правдой, какая-то подлинная «Америка» крѣпко зажата въ моихъ рукахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы обречены грѣшить, среди такихъ противорѣчивыхъ стихій бороться, это все черезъ свою душу пропускать и освѣщать, преображать иной разъ въ удивительную красоту, спасеніе и радость, то, значитъ, такъ и

надо, значитъ, и въ этомъ есть смыслъ. И живая жизнь, что Толстой утверждалъ, есть также добро и благо. Значитъ, маленькій человѣкъ, еще не выросшій изъ шкуры звѣреныша, весь этотъ жизненный матеріалъ, все свое творчество направитъ на выявленіе и утвержденіе своего маленькаго, узко шкурнаго идеала. Человѣкъ же большой, выросшій изо всего этого, сотворитъ изъ своей собственной души и жизни красоту, подлинное чудо и сказку. Господи, да какъ же мы этого не видимъ, не понимаемъ! Какое же мы тогда имѣемъ право говорить и требовать, что вотъ такъ можешь лгать, актерствовать, хитрить, жульничать, а иначе уже и не смѣй—накажемъ! Не угомонишься—еще сильнѣй! Вѣдь это же страшно неумно и безразсудно. Какъ же можно всѣхъ вколотить на одну колодку, втиснуть въ одинъ загонъ и форму, когда Господь-Богъ желаетъ, чтобы и люди, какъ травы, бабочки, цвѣты, были разные. Когда мы всѣ, дѣйствительно, родимся, каждый съ своимъ особымъ міромъ, а, стало быть, съ особымъ и стилемъ, взлетомъ и формой. Нѣтъ, наша мораль—это что-то совсѣмъ дикое и несуразное. Написана она торжественно на бумагѣ и употребляется въ нашемъ жизненномъ хозяйствѣ тоже, какъ бумага, не больше. Въ жизни же, въ подлинной повседневной жизни наряду съ этой чтимой бумажной святыней творится нѣчто такое... Ну, нѣтъ, господа, тутъ футуристы правы, какъ ни дико вамъ кажется ихъ кукуреканье. Въ самомъ дѣлѣ, почему сгово-

ривши́сь, условившись и на этомъ построивъ даже разные правила и законы,—т а к ъ можно творить нелѣпости, а и н а ч е ужъ и нельзя? Почему нельзя, если пошло на нелѣпость? А мы вотъ тоже желаемъ, тоже сговорились, условились. Докажите намъ, почему ваши нелѣпости лучше нашихъ? А мы этого не думаемъ, не согласны...

Футуристы наши въ то время, когда я собиралась къ Толстому, еще подъ столъ пѣшкомъ ходили. Милые ребята, хвалю,—очень разодолжили вы мою душу. И скажу вамъ, мои умники, на ушко: ваши нелѣпости совершенно равны нашимъ—не хуже, нѣтъ. И пѣтушковъ вы у себя на личикахъ очень даже ядовито расписываете. И вотъ еще хорошо бы вамъ, ребятенки, къ штанишкамъ хвостики прикрѣпить: у одного, знаете, такой игривый, бѣдовый, съ закорючкой, у другого—толстенный и величественно тащится за тобой, такъ аршинъ въ шесть—правда, чудесно? То-то наши академики, законники, рыцари иныхъ условныхъ нелѣпостей обозлились бы, какъ плеваться начали бы!.. А вы, носители хвостиковъ, посмотрите другъ на друга, улыбнетесь, какъ авгуры, и потащите вашъ бунтъ, вашъ протестъ дальше. Очень хорошо! Люди со своими нелѣпостями дождутся еще и не такихъ выступленій—помогай вамъ Богъ, ребятенки!

Да, господа, негодующіе на футуристовъ, докажите, что они не правы. О, эти бунтари поставили намъ всѣмъ громаднѣйшій вопросъ! Я по-

дозрѣваю, что они и сами еще не понимаютъ всей значительности такого выступленія, что оно выскочило изъ нихъ стихійно и ими еще не вполнѣ осознано. Это случается съ нами иногда въ процессѣ нашего жизненнаго художества...

Да, господа, наши условности, наши правила, узаконенныя понятія, когда всмотришься въ нихъ внимательно, дѣйствительно, оказываются какою-то изумительной нелѣпостью. И во главѣ всего этого, какъ господствующіе, начальствующіе, стоятъ мужчины, съ ихъ разумомъ, первородствомъ, преимуществами пола, съ высшимъ образованіемъ, всякими историческими тренировками и опытами, съ ихъ патентованной логикой,—не женской, нѣтъ!—а ихъ собственной...

О, творцы, творцы! Да какъ же вамъ не противно, не досадно, не тошно глядѣть на такія произведенія!..

Вотъ со всѣми этими недоумѣніями и тревогами я и обратилась къ Толстому. Я понесла ему тетрадку съ довольно оригинальнымъ содержаніемъ, при ней письмо, гдѣ я пишу, что обращаюсь къ нему не какъ къ писателю, а какъ къ человѣку.

Вотъ я и въ знаменитой Ясной Полянѣ. Л. Н. былъ занятъ, я попросила передать ему мой запечатанный пакетъ. Иду по парку къ выходу, слышу, меня догоняетъ босоногій мальчикъ и кричитъ:

— Л. Н. проситъ васъ вернуться!

Возвращаюсь, вижу, навстрѣчу спѣшитъ самъ

Л. Н. такой, какимъ мы знаемъ его по фотографіямъ, въ длинной рубахѣ, сухой, энергичный, бодрый.

Поздоровались. Въ рукахъ у Л. Н. мой распечатанный пакетъ. Онъ явно недоволенъ.

— Вы мнѣ принесли вотъ это?

— Да, я.

Онъ суетъ мнѣ въ руки пакетъ.

— Возьмите и поймите, не могу же я читать все, что мнѣ приносятъ, присылаютъ. Потомъ, я могу не похвалить вашу литературу—вы будете питать ко мнѣ недоброе.

Я говорю ему:

— Это не литература. Я написала вамъ въ письмѣ, что пришла къ вамъ не какъ къ писателю и не какъ писатель. Затронутое тутъ должно васъ интересовать. Если вы мнѣ не вѣрите, дайте прочесть кому-нибудь изъ вашихъ, и отъ нихъ узнаете, стоило ли мнѣ вамъ это приносить.

Л. Н. не соглашается. Упрямый онъ ужасно. Съ трудомъ я уговорила его передать тетрадку его дочери. Онъ взялъ пакетъ обратно, говоря:

— Мой вамъ совѣтъ—не пишите, не надо,—въ писаніяхъ двѣ трети лжи.

Его явная непріязненность начинаетъ портить мнѣ самочувствіе. Я говорю:

— А какъ же вы дали письмо къ «Гарденинымъ», гдѣ горячо совѣтуете читать этотъ романъ,—такъ на обложкѣ написано. Романъ, значитъ, двѣ трети...

Л. Н. покраснѣлъ и негодующе крикнулъ:

— Но, это Эртель!

Я съ удивленіемъ смотрю на него.

— Значитъ, кое-кому вы все же разрѣшаете грѣшить. Странно!

Л. Н. какъ-то весь выпрямился, точно вдругъ выросъ на цѣлую четверть, что-то гордое, властное, графское сквозило ото всей его гнѣвной фигуры.

Я говорю ему, какъ несправедливо, неразумно вычеркивать то, чего не видимъ и не знаемъ. А что если я тоже Эртель въ своемъ родѣ?

А онъ кричитъ свое. Я вижу онъ меня совсѣмъ не слушаетъ, мое къ нему почему-то не доходитъ. Опять онъ упрямо суетъ мнѣ тетрадку.

— Не буду передавать, не хочу, дочь не будетъ читать, нѣтъ! Ахъ, какое у васъ самомнѣніе, какое самомнѣніе!

Я очень разстроена, чуть не плачу и тоже кричу:

— Есть самомнѣніе, а есть вѣра въ себя, въ свою душу, въ правду того, чѣмъ живешь. Это надо умѣть отличать, а вы судите, какъ всѣ. Этого я отъ васъ не ожидала.

Л. Н. не слушаетъ меня и говоритъ много, возмущенно о теперешнихъ писателяхъ, о ихъ ничтожествѣ, самомнѣніи, гордости и т. д.

Мы стоимъ другъ передъ другомъ, какъ два взъерошенныхъ, сердитыхъ пѣтуха. Я чувствую какъ все это не то, какъ нелѣпо, некрасиво.

И чего онъ кричитъ? Почему не вывѣситъ на воротахъ, какъ къ нему надо приходить, а какъ

не слѣдуетъ. То, какъ христіанинъ, открываетъ всѣмъ свои двери, свое сердце, то грубо гонитъ. Если надоѣли люди, усталъ отъ нихъ,—закрывай ворота, пиши на нихъ соотвѣтствующую надпись.

Что-то въ немъ меня ужасно коробило и унижало. Я совершенно не чувствовала, что предо мной нашъ великій человѣкъ, о добротѣ, ласковости котораго всѣ такъ много говорили и писали. Кричитъ и притомъ зря, какъ самый обыкновенный и злой старикъ.

— Не буду читать, не читаю рукописей! Говорите, зачѣмъ пришли?

Я подавлена, думаю, что если бы рукопись прислалъ ему Эртель или кто любимый, онъ съ нимъ такъ не обращался бы и прочелъ навѣрно. За что онъ меня такъ не взлюбилъ,—не взлюбилъ, совершенно не зная меня и даже не желая знать? Какъ странно. Чудной мы народъ!

— Говорите, чего пришли? Чего вамъ отъ меня надо?

Я молчу, не зная, какъ это прекратить и уйти. Онъ тоже замолчалъ, посмотрѣлъ на меня—и вдругъ смиренно весь опустился. Злой судья, гордый графъ исчезъ, и Л. Н. смущенно забормоталъ:

— Что же это у насъ такое? Мы ссоримся. Вы ко мнѣ пришли, мы должны жить въ мирѣ... вы моя сестра.

Такъ это было неожиданно, такъ показалось мнѣ неумно и лицемѣрно.

— Нѣтъ, не сестра я вамъ. Вы все время отбиваетесь отъ меня, какъ отъ врага, против-

наго врага. Что я вамъ сдѣлала? Надоѣли люди— надо ворота закрывать, а они у васъ вонъ какъ широко открыты. Я и вошла...

Я не могла больше такъ разговаривать, повернулась и быстро пошла отъ него. А онъ что-то кричалъ мнѣ вслѣдъ... Ну вотъ, развѣ мы, люди, не загадочныя существа?

Такого глупаго, нелѣпаго разговора, какъ произошелъ съ Л. Толстымъ, у меня сроду не было. И въ то же время я никогда въ его сочиненіяхъ не видѣла, не понимала его подлинной сути, какъ поняла во время этого разговора. Я увидѣла, изъ живого, подлиннаго лица Толстого, сколько у него сидѣло въ «серединкѣ» всякихъ бѣсовъ—о, ему было что укрощать! Затѣмъ, я поняла, что его доброе, смиренное, божеское—это плащъ, который Толстой, силой воли и разума, вкусомъ человѣка и художника, задавшагося своей задачей, надѣлъ на себя. Но его, несомнѣнно, недоброе сердце, кое-что властное, страшное, наслѣдственное отъ графовъ, деспотовъ, крѣпостниковъ, его собственные бѣсы, его собственная суть не принимали такой благочестивой одежды. Плащъ трещалъ по всѣмъ швамъ, отовсюду просвѣчивалось его настоящее, подлинное. Толстой, несомнѣнно, большой актеръ-художникъ. Онъ хотѣлъ представить собою такую видимость и представлялъ. А что иногда «трещало», такъ это только подчеркивало всю красоту его человѣческой воли и вкуса.

Человѣку видящему и понимающему, что̀ онъ

видитъ, человѣку честному, со здоровой, не искалѣченной совѣстью, съ уязвленнымъ жалостью сердцемъ, — пусть недобрымъ сердцемъ, драма язвы отъ этого страшнѣй! Такому человѣку, какъ Толстой, нельзя было не думать, какимъ ему слѣдуетъ быть среди нашей такой жизни, среди насъ, такихъ людей.

И онъ рѣшилъ мудро и правильно: если онъ, по своей подлинной, грѣшной, несовершенной сути, не можетъ быть истинно добрымъ, прекраснымъ, истинно свободнымъ во всемъ и высоко человѣчнымъ, такъ онъ будетъ имъ наперекоръ всѣмъ дьяволамъ, сидящимъ въ немъ, будетъ потому, что этого хочетъ, требуетъ отъ него его вкусъ, уязвленная совѣсть, его воля человѣка, его святой долгъ предъ типомъ, видомъ, породой, къ которымъ онъ принадлежитъ. Смиреніе Толстого, его опрощеніе, любовь къ добру и Богу—это художество, возможно, не вполнѣ Толстымъ осознанное. Вѣдь и сестра у Гюго, спасающая отъ смерти каторжника, не могла вполнѣ оцѣнить, осознать всю чистоту, а отсюда и убѣдительность своего художественнаго актерства. Художество Толстого подлинное, выполненное имъ, какъ талантливымъ человѣкомъ, хорошо и убѣдительно. Толстой прекрасно показалъ и доказалъ, что можетъ сдѣлать человѣкъ, если захочетъ крѣпко, по настоящему, можетъ сдѣлать несмотря на дурную наслѣдственность, на явно злое сердце, несмотря на дьяволовъ, прочно сидящихъ въ крови и бунтующихъ, и мстящихъ,

и разрывающихъ на части его сердце. Такая воля человѣка—красота, только такая красота можетъ очистить, преобразить, переродить и насъ самихъ и всю нашу жизнь. Инстинкты человѣка и художника не обманули Толстого: онъ показалъ всю сказочность, все волшебство человѣческой механики.

Мы съ Толстымъ не столковались бы, ни за что не принялъ бы онъ моего такого «пріятія зла», такъ какъ ни за что не отказался бы отъ своего «плаща», отъ того сознательнаго, или безсознательнаго художества, на что онъ отдалъ свои силы, свою волю, свои мученія и жертвы. И онъ правъ въ страсти своего такого утвержденія: я таковъ, будь инымъ, если хочешь, будь даже лучше, но я таковъ, это то, что я могъ сдѣлать, это то, что я могъ дать.

Понявъ это, я была даже рада, что наша встрѣча такъ закончилась и что я не огорчила его еще больше. Оказалось, что онъ вышелъ ко мнѣ уже взволнованный и раздраженный. Какой-то пьяный «союзникъ» битый часъ уговаривалъ его вернуться къ православію. То пьяные «союзники», то пишущія дамы,—есть отъ чего взбѣситься! Милый, грѣшный, какъ всѣ мы грѣшны, и въ то же время единственный, удивительный Толстой. Его лицо, его упрямство и злость многое мнѣ разъяснили.

На Толстомъ я еще больше убѣдилась, до какой степени въ природѣ людей сидитъ склон-

ность къ искусству измѣнять, гнуть по-своему и въ себѣ и во всемъ, что насъ окружаетъ. Такое искусство, въ своихъ художественныхъ порывахъ и задачахъ часто толкающее насъ на всякіе эксперименты, авантюры, не всегда нами сознается. Иногда оно нами владѣетъ совершенно безсознательно, стихійно—отсюда у насъ столько противорѣчиваго, неожиданнаго, страннаго, отсюда назрѣваютъ многія драмы и трагедіи нашего ума, вкуса и сердца.

Когда я представлялась и зарабатывала деньги у тети Жени, помню, въ наивысшій и оцѣненный зрителями моментъ моего творчества, мнѣ пришло въ голову: «Господи, да что же это у насъ, людей, дѣлается? Какое строительство кипитъ на каждомъ шагу, на каждомъ шагу. Сколько подлиннаго, вдохновеннаго художества затрачивается женщинами для устройства своихъ, женскихъ дѣлъ, а мужчинами для устройства своихъ, мужскихъ. И какъ часто такое настоящее, трепетное художество и не оцѣнено, какъ надо, и идетъ не туда, куда слѣдовало бы».

Искусство жизни—сила громадная, чудотворная и лежитъ она въ каждомъ изъ насъ непочатыми глыбами. Ошибка людей и отсюда многія наши бѣды въ томъ, что мы очень убого, очень ограниченно такое великое искусство примѣняемъ. Держимся въ немъ не какъ настоящіе мастера, не какъ подлинные художники, а какъ диллетанты и подмастерья.

Отсюда и строительство жизненное наше та-

кое неудачное, неумное, не настоящее. Вѣдь у «подмастерьевъ», да еще лѣнивыхъ и лукавыхъ, ничего другого и получиться не можетъ. Въ ихъ кургузыхъ работахъ всегда будетъ кто-нибудь виноватъ: то «исторія», то «условія», то «хозяинъ» и т. д.

Ну что жъ, и въ этомъ худѣ не безъ добра. Кургузое, лукавое, не настоящее родитъ иное будущее. Придутъ другіе мастера, другіе строители. Они иначе ко всему приложатъ свои руки. Не изъ-подъ палки, не какъ наемники, не ради выгодъ и славы, а ради мощи, красоты, торжества жизни, отдадутъ они такому творчеству, такому искусству всѣ свои силы, страсти и таланты. Вотъ тогда у насъ, навѣрно, сложится совсѣмъ иное отношеніе человѣка къ человѣку, создастся иная, болѣе стойкая и оправдывающая себя мораль, утвердятся совсѣмъ иныя правила, условности, законы, иначе будетъ протекать наша семейность, общественность, политика, иными огнями они освѣтятъ наше существованіе. Такъ вижу, такъ будетъ.

Еще и еще разъ говорю: человѣкъ изумительное существо, потрясающая машина!

Мы не любимъ, даже не знаемъ человѣка въ себѣ, какъ онъ этого заслуживаетъ.

Разъяснять нашу волшебную машину, очищать ея ходъ, направлять на болѣе разумный и достойный путь наше творческое «дальше! дальше!»— эту святую задачу я ставлю во главу моего жиз-

ненаго и рабочаго дня. Писательство, сценическое художество и прочія искусства интересуютъ меня постольку, поскольку они могутъ служить моей такой жизненной и практической задачѣ. Ничего отвлеченнаго, летающаго красивыми листиками или очаровательными мыльными пузырями тамъ, гдѣ-то вверху, для меня не существуетъ. Все должно быть здѣсь, у моихъ ногъ, на глазахъ, подъ рукой. Все должно мнѣ повиноваться, моей волѣ, моимъ заданіямъ служить.

Я сейчасъ въ разгарѣ моей работы (мнѣ только сорокъ лѣтъ), я не знаю еще вполнѣ всѣхъ заводовъ нашей и моей сущности. Каждый день несетъ мнѣ новыя и новыя открытія. Не знаю, какіе разряды готовитъ мнѣ завтрашній день. Знаю только одно: съ великимъ восхищеніемъ отмѣчу, съ великой любовью вамъ, люди, объ этомъ разскажу.

Надо намъ знать человѣка, надо! Безъ этого немыслимо наше разумное и настоящее строительство. Какъ мастеръ живой жизни, какъ озабоченная мать, знающая уже, что надо, а чего не надо, въ слѣдующей книгѣ я скажу, какъ понимаю наше общественное строительство, какія прорѣхи въ немъ вижу, какой выходъ, толчки къ очищенію и преображенію въ человѣка даетъ намъ наше время и даже переживаемая нами война. И только послѣ такого отступленія, я смогу какъ надо и честно подойти къ дальнѣйшему вскрытію нашей человѣческой механики и, въ особенности, моей «середки», на столько слож-

ной и особой, что безъ надлежащихъ комментаріевъ и безъ надлежащаго серьезнаго фундамента она можетъ показаться «литературной истерикой» или вывертами очень дурного тона.

На такую постановку, уже допущенную по отношеніи къ моимъ писаніямъ, я не согласна. Это не вѣрно. Я человѣкъ серьезный, ничего на вѣтеръ не бросаю, въ каждомъ моемъ словѣ вся моя «серьезная біографія» таится, всѣ мои безсонныя ночи, изъ каждой запятой у меня брыжжетъ кровь. Это правда. А кто не привыкъ такое понимать, въ этомъ серьезно разбираться—пусть лучше не читаетъ моихъ книгъ. Мои книги—это моя живая душа, тогда такая, теперь, какъ видите, уже иная—болѣе выросшая, углубленная и, конечно, преображенная.

Мнѣ кажется, въ жизнь идетъ также и новая книга, книга вольнаго человѣческаго слова, книга вольной человѣческой души. Это уже не литература, а сама живая жизнь. И она нужна, въ ней здоровая, разумная реакція на всѣ опутывающія насъ условности, на глупыя выдумки, на всякія политиканства. Тутъ смѣлый, честный прорывъ къ правдѣ, безъ которой такъ тяжко, такъ невыносимо на свѣтѣ жить.

Вотъ къ такой книгѣ-правдѣ рвусь и я.

Печатаются произведенія того же автора:

1) Книга о человѣкѣ. Вторая . . . . . 1 р. — к.

2) Записки Анны (2-е изд.). . . . . 1 р. — „

3) Заколдованная (2-е изд.). . . . . — „ 50 „

4) По своему (2-е изд.) . . . . . — „ 50 „

38993

Цѣна 1 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: При конторѣ журнала „Бюллетени Литературы и Жизни“.—Москва, Хлѣбный, д.1. Тел. 5-02-06.